

oxoma

и охотничье хозяйство

9

2004

без руля и без ветрил

Обсуждаем статью В. Дёжкина - «Отдайте руль специалистам!»

Н. АСТАФЬЕВ,

Председатель Комитета по природным ресурсам и природопользованию
Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации 1-го созыва

«Ограничусь теперь желанием, чтобы охота, эта забава, которая сближает нас с природой, приучает нас к терпению, а иногда и к хладнокровию перед опасностью, придает телу нашему здоровье и силу, а духу бодрость и свежесть... — доля еще процветала в нашей Родине!» С такими надеждами жил великий русский писатель и страшный охотник Иван Сергеевич Тургенев.

К сожалению, охота в наше время все больше и больше превращается в браконьерское уничтожение диких животных. Чего стоит сообщение телевидения в марте 2004 г. о задержании во Владивостоке таможенниками вывозимых в Китай нескольких сот лап медведя! Чтобы добыть их, надо было неизменно отстрелять множество животных.

О чем свидетельствует этот факт? О том, что существующая система охраны животного мира в России деградировала и не способна решать стоящие перед ней задачи.

Действовавший до недавнего времени Департамент по охране и развитию охотничьих ресурсов (далее Департамент) занимался решением только узковедомственных задач. Вспомним недалекое прошлое, когда по инициативе Департамента и в его интересах Правительством Российской Федерации почти каждый год принимались постановления о размерах платы за пользование объектами охоты, в перечень которых включались даже утки, бекасы, вальдшнепы. А стремление Департамента единолично выдавать охотничьи билеты! Или — вопреки требованиям Федерального закона «О животном мире» — совмещение Департаментом деятельности по осуществлению государственного контроля за использованием и охраной животного мира и среди его обитания с деятельностью по использованию объектов животного мира.

В какой-то мере руководителей Департамента можно было понять: бюджетного финансирования для его деятельности явно не хватало. Но можно

ли этим оправдать ненадлежащее исполнение своих функций? Можно предположить, что такое положение с финансированием будет и в будущем, пока управление охотой будет оставаться в составе Министерства сельского хозяйства, для которого проблемы охоты и охотничьего хозяйства будут далеки от других важных проблем, для решения которых существует министерство. Между тем проблемы охоты и охотничьего хозяйства в России стоят очень остро. Возможно, в этих условиях было бы целесообразней восоздать самостоятельный государственный орган при Правительстве РФ, как это уже было ранее.

Много лет охотники ждут закон «Об охоте и охотничьем хозяйстве». А его все нет и нет. Однако, на наш взгляд, принятие этого закона не решит всех имеющихся проблем, тем более что они накапливаются и усложняются.

Посмотрим в этой связи законодательное обеспечение обществ охотников. Статья 30 Конституции РФ за каждым гражданином закрепляет право на объединение. Вместе с тем в этой же статье содержится норма, в соответствии с которой никто не может быть принужден к вступлению в какое-либо объединение или пребыванию в нем. Ссылаясь на эту статью Конституции, Департамент утверждал, что не обязательно вступать в общество охотников, чтобы получить право на охоту. И стал выдавать охотничьи билеты, тем самым поставив членов обществ в неравное положение с охотниками, не являющимися таковыми.

Члены обществ охотников уплачивают членские взносы, участвуют на закрепленных охотугодьях в подкормке животных, в их охране, то есть наряду с правом на охоту несут и определенные обязанности, тем самым общества охотников являются частью гражданского общества. Охотники, не являющиеся членами обществ, имеют только права, но не несут никаких обязанностей. Справедливо ли это?

Между тем в статье 55 Конституции

РФ говорится, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены Федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

В настоящее время деятельность общественных объединений, в том числе и обществ охотников, регулируется Федеральным законом № 82-ФЗ от 19 мая 1995 г. «Об общественных объединениях» с последующими изменениями и дополнениями. Этим законом регулируется и деятельность общества филателистов, и общества любителей пива, и еще сотен других обществ. Но очевиден тот факт, что общества охотников, объединяющие многомиллионную армию вооруженных людей, являются общественно-производственными объединениями. Их нельзя равнять с обществами филателистов. Их деятельность должна регулироваться специальным Федеральным законом. Общества должны объединять всех охотников. Все охотники должны иметь равные права и нести равные обязанности. В этом специальном законе должно быть конкретно указано, как государство обеспечивает соблюдение прав и законных интересов обществ охотников, какую оказывает им поддержку, какие налоговые льготы предоставляет.

Вместо этого в настоящее время государство часть доходов обществ изымает в виде налогов, обрекая общества на жалкое существование. Чтобы изменить такое положение, требуется внесение изменений и дополнений в Налоговый кодекс РФ.

А разве можно считать нормальным такое положение, при котором работники охотхозяйств лишены права составлять протоколы об административном правонарушении на браконьеров? Нашлись ведь и защитники этого абсурда, оправдывая его тем, что общественные организации не могут вмешиваться в государственные дела, забы-

вая при этом, что общества охотников являются охотпользователями и юридическими лицами. И вопрос ставится не о предоставлении прав о наложении на нарушителей административных наказаний, а всего лишь о предоставлении прав на составление протокола об административном правонарушении. Чтобы устраниить такую порочную практику, надо внести дополнение в Кодекс РФ об административных правонарушениях.

С 1995 г. действует Федеральный закон № 52-ФЗ «О животном мире». Этот Закон регулирует отношения в области охраны и использования животного мира в сфере сохранения и воссоздания среды его обитания и для обеспечения биологического разнообразия, устойчивого использования всех его компонентов, создания условий для устойчивого существования животного мира, сохранения генетического фонда диких животных и иной защиты животного мира как неотъемлемого элемента природной среды. Этим законом правовые отношения в области охоты и охотничьего хозяйства не регулируются.

В статье 41 Закона ясно написано, что отношения в области охоты и охотничьего хозяйства регулируются на основе настоящего Федерального закона специальным федеральным законом и принимаемыми в соответствии с ним другими федеральными законами, иными правовыми актами РФ, а также законами и иными нормативными правовыми актами субъектов РФ.

Идет десятый год после принятия Федерального закона «О животном мире», но до сих пор нет закона об охоте и охотничье хозяйстве. Нужен ли России такой закон? Нужен. Ни федеральные органы государственной власти, ни должностные лица, прямо или косвенно имеющие отношение к проблемам охоты и охотничьего хозяйства, не поставили под сомнение необходимость его разработки и принятия. Не дожидаясь федерального закона, многие субъекты Российской Федерации разработали и приняли свои законы об охоте и охотничьем хозяйстве.

Например, Республика Башкортостан принял закон «Об охоте и ведении охотничьего хозяйства в Республике Башкортостан» еще в 1994 г. В Хабаровском крае закон «Об охотпользовании на территории Хабаровского края» принят в 1999 г. Законы «Об охоте и охотничьем хозяйстве» в Ленинградской, Московской и Самарской областях принятые в 2000 г. При желании этот опыт можно обобщить и использовать при разработке федерального закона. Да и на федеральном уровне есть немалый опыт разработки проекта закона «Об охоте и охотничьем хозяйстве». Насчитываются более двух десятков различных вариантов.

В период работы Государственной Думы 1-го созыва один законопроект дошел до Совета Государственной

Думы и был разослан субъектам, обладающим правом законодательной инициативы для внесения поправок, однако из-за непродолжительности работы той Думы (два года) закон принят не был. Политизированные Государственные Думы 2-го и 3-го созывов за 8 лет работы так и не нашли времени для принятия закона.

Ради объективности надо отметить, что в начале работы Государственной Думы 3-го созыва был проявлен интерес к принятию закона. 19 марта 2001 г. Комитетом Государственной Думы по природным ресурсам и природопользованию были проведены парламентские слушания. Были разработаны новые варианты законопроектов, но в этих проектах правонарушения в области охоты и охотничьего хозяйства излагались порой крайне неквалифицированно (например, в законопроекте депутатов Государственной Думы А. С. Белякова и В. В. Лунцевича). К концу же работы Государственной Думы 3-го созыва проблема охоты и охотничьего хозяйства из поля зрения депутатов полностью исчезла. На проведенном 20 октября 2003 г. Комитетом Государственной Думы по природным ресурсам и природопользованию Всероссийском семинаре-совещании председателей комитетов (комиссий) законодательных (представительных) органов государственной власти и руководителей подразделений исполнительной власти субъектов РФ по вопросам природопользования проблема охоты и охотничьего хозяйства даже не упоминалась, не то чтобы обсуждалась.

Какой же орган исполнительной власти несет ответственность за подготовку законопроекта «Об охоте и охотничьем хозяйстве» и отслеживает его принятие? В соответствии со статьей 110 Конституции РФ исполнительную власть осуществляет Правительство РФ. Правительство обладает правом законодательной инициативы. В состав его входят федеральные министры, в том числе министры природных ресурсов и сельского хозяйства. Как Министерство природных ресурсов, так и Министерство сельского хозяйства в соответствии с Положениями о них, утвержденными Правительством РФ, являются специально уполномоченными государственными органами в области охраны, контроля и регулирования использования объектов животного мира и среды их обитания. Этим министерствам дано право разрабатывать и вносить на рассмотрение Правительства РФ проекты федеральных законов. А их все нет.

Законодательная база по регулированию правонарушений в области охоты и охотничьего хозяйства отсутствует. Имеющиеся отдельные законодательные и другие нормативно-правовые акты чаще всего недоступны многомиллионной армии охотников, не решают всех стоящих вопросов, что порождает произвол государственных чиновников от охоты.

Кончанию школы, когда пришло время задуматься о своем будущем, я считал себя убежденным охотником. За два года пребывания в Зауралье я изведал охоту на уток и тетеревов, добыл косулю и воспитывал ручного волка, научился делать отличную дробь. По возвращении из эвакуации в воронежские края я сразу завел горных и три года, пока учился в старших классах школы, упоенно, пропуская иногда уроки, охотился на русаков и лис, участвовал в облавах на волков — правда, по молодости лет лишь как загонщик, потешаясь в душе над стоявшим на номерах районным и милицейским начальством, изготавлившим, в дополнение к ружьям, для самозащиты пистолеты в расстегнутых кобурах. Поэтому, когда я листал толстый справочник вузов СССР, мое внимание неизменно задерживалось на заложенной странице, где значился Московский пушно-меховой институт, факультет охотоведения.

Однако манило и другое. Это было время, когда при поступлении в институт не требовалась непосильная оплата обучения. Не нужны были ни протекции, ни репетиторы, ни взятки, столь популярные при нынешней «демократии», — тогда можно было рассчитывать только на свои силы и знания. Передо мной, выпускником рядовой сельской школы, были открыты двери сотен вузов страны: лишь бы сам не плошал!

Широкие возможности затрудняли выбор, у меня разбегались глаза. Я видел себя то геологом, то путейцем, прокладывающим новые железные дороги... Все это было связано с незапятанной природой, потому что непрерывным условием выбора была возможность охоты.

Но было еще одно обстоятельство, которое могло зародиться только в задорном юношеском возрасте. Учение давалось мне легко, и меня подмывало искушение испытать себя в каком-то деле, которое потребовало бы терпения, усилий воли и напряжения сил, хотелось испытать жизнь с иной, неизвестной стороны. Последнее неожиданно для меня самого определило решение послать документы в Ленинградский кораблестроительный институт, считавшийся у нас в семье — понаслышке, конечно, корабелов в родне не было, — одним из самых трудных. Я выдержал вступительный конкурс, упрямо прокорпел шесть лет над громоздкими расчетами и бесчисленными чертежами, получил диплом и убедился, как трудно будет теперь выкроить свободное время. Все отпуска я приурочивал к охотничим сезонам, охоте посвящались почти все выходные дни. Душевые силы, которые высасывала напряженная работа на заводе, восполнялись на охоте: только там, скитаюсь с ружьем и собакой, я ощущал неограниченную свободу и полноту чувств.

Охотник всегда остается охотником, не только когда он с ружьем. Полни-

Завидный путь охотоведа

лась моя охотничья библиотека. Я с удовольствием читал научно-популярные труды биологов и охотоведов: С. И. Огнева, С. С. Турова, Л. Н. Сабанеева, А. А. Силантьева, Н. А. Холодковского, Б. М. Житкова, С. А. Бутурлина, А. Н. Формозова (его «Спутник следопыта», выпущенный Детгизом в 1936 году, я получил в подарок еще до школы...)

Случалось, охота сталкивала меня иногда со специалистами-охотоведами, биологами-охотниками, общение с ними расширяло мои познания о природе и научной основе охоты, я очень дорожил — дорожу и сейчас — такими знакомствами.

И вот передо мной лежит выпущенная в 2003 году в г. Кирове книга ученого-охотоведа М. П. Павлова: «Охота. Российская охота в моей охотоведческой жизни». Она тем более интересна мне потому, что я знаком с ее автором, Михаилом Павловичем. Мне довелось бывать в его охотничьей избушке в поиме реки Чепцы. Это было дивное весеннее время, обогретое радушием ее хозяина, пора утренних зорь с отлично вызаренной подсадной, любования разливом реки, украшенного обществом великолепных легавых, источавших обожание людям, время разговоров у костра о высокой, одухотворенной охоте.

Сразу же скажу, что я прочел эту книгу с удовольствием и нарастающим интересом. Любой человек, проживший незаурядную жизнь, вправе написать о себе повесть, и она несомненно захватит читателя, если будет искренна и одушевлена отношением автора к окружающей действительности, если будет отражать прожитое время.

Именно такой предстает книга М. П. Павлова. Написанная необычным, несколько старомодным языком, не позволяющим бегло пролистать содержание, — что, впрочем, по-своему подчеркивает консерватизм занятия, дошедшего до нас из глубины веков и составляющего предмет описания, охоты, — книга словно бы приглашает читателя разделить судьбу, выпавшую на долю паренька из подмосковной деревни Верей.

Пробуждение прирожденной охотничьей страсти, окрепшей во время мальчишеских походов в лес и по берегам ближней речки, первая одностолкна-переломка, купленная в школе на пятаки, вырученные от продажи лесных ягод и букетов сирени, первая добыча — кряква.. Все это очень типично для многих русских подростков, ставших охотниками.

А далее — поступление в Пушно-меховой институт, его окончание в июле 1942 военного года по специальности

Выдающийся отечественный охотовед Михаил Павлович Павлов со своим другом-помощником и их общей добычей

Фото О. Гусева

биолог-охотовед, направление в Ташкентское пулеметное училище, фронт, тяжелые ранения, долгое лечение,озвращение в родной институт на кафедру биотехники...

Но не стоит пересказывать биографию автора — лучше и подробнее всего он написал об этом сам.

Меня, всегда мечтавшего о путешествиях, поразила география поездок по стране биолога-охотоведа М. П. Павлова: приуральские степи, Узбекистан, Крым, Азербайджан, Кавказское побережье Черного моря, Байкал, Барабинская степь и Кулунда, Украина, Беловежская Пуща, Дальний Восток — Приморье и Приамурье, Сихотэ-Алинь, Литва, Сибирь, Памир, Камчатка, вятские леса...

Это не просто путешествия — это места работы, интересной и увлекательной, места приложения знаний, опыта и сил, направленных на изучение условий обитания тех животных, которые могут быть впервые выпущены в новые, но пригодные для них края, или тех, что жили когда-то здесь, но почему-либо покинули свои угодья. Расселение ондатры, обычного речного и болотного бобра-нутрии, акклиматизация белки-teleutki, тетеревиных птиц и редкого пушного зверька с нежнейшим мехом — шиншилы...

Работа сочеталась с охотой — самой разнообразной, на различных зверей и птиц, в самых различных климатических условиях. О ней автор пишет обстоятельно и правдиво, это создает у читателя ощущение своего присутствия и сопереживания. Он не скрывает некоторых неудач — охота есть охота! — и это усиливает достоверность описания охотничьих эпизодов.

Особенное внимание Михаил Павлович уделяет охоте в вятских лесах на волков, одной из самых интересных и сложных. По сведениям, которые он приводит, за 10 лет, с 1942 по 1952 год, волки загрызли в тех краях более ста детей и подростков. Понятны нестойчивые усилия вятских волчатников, которые они затратили для уничтожения обнаглевших хищников-людоедов.

Сейчас охотники испытывают очедной всплеск антиохотничьих нападок невежественных ханжей — радетелей «неприкасаемости» к дикой природе. Их несостоительность невольно вспоминается, когда читаешь книгу М. П. Павлова: кто, как не охотники, могут дать укорот разбою волчьих стай? Кто, умножая численность промысловых животных, занимается их акклиматизацией, возвращением в исконные места и расселением в охотничьих угодьях?

По данным М. П. Павлова*, только в РСФСР за 1971—1988 годы в различных районах республики было выпущено — не говоря о десятках видов других зверей и птиц — 3682 кабана. Кто, кроме охотоведов и работников охотничих хозяйств, возьмет на себя заботу о расселении и умножении в стране количества диких свиней?

Читая книгу М. П. Павлова, я чувствовал себя словно бы соучастником его охотничьих похождений, по-доброму завидовал его судьбе охотоведа, пережитому им на охоте и впервые в жизни, кажется, запоздало усомнился: правильно ли я сделал, уступив своему юношескому задорному упрямству, отставив на второй план при выборе жизненного пути свою страсть и тягу к охоте, которой все равно остался верен всю жизнь.

* М. П. Павлов. Акклиматизация охотничье-промышленных зверей и птиц в СССР, ч. III, Киров, 1999 г.

Лесные труженики

Смотришь на груду сосновых шишек возле кузницы большого пестрого дятла и удивляешься: «Сколько же птичьего труда сюда вложено?» Нужно было каждую шишку сорвать, принести, вставить в специально подобранный и подогнанный за jaki姆 кузницы. Выщелушить из под каждой чешуйки семена, слетать за новой шишкой, отбросить обработанную и начать все сначала.

В соседнем участке леса другой дятел трудился над еловыми шишками.

Черному дятлу, добывая корм, приходится в щёлки разбивать древесину или очищать от коры иногда весь ствол старого дерева.

Впечатляет труд бобров. Валят деревья, ветками и корой которых питаются. Если поблизости нет любимых осин, подгрызают берёзы, хотя те нелегко поддаются бобровым зубам.

Не очень хочется называть кабанов лесными тружениками, вспоминая, как они громят иногда деревенские огороды. Но лентяями этих зверей не назовешь, глядя на перепаханную их рулами поляну в лесу, где они добывали из-под дерна личинок.

Не без забот о «хлебе насущном» живут и другие обитатели леса, только труды их не так заметны.

А. СЕВАСТЬЯНОВ
Фото автора

С. КУЧЕРЕНКО
кандидат биологических наук

Этот старожил уссурийской тайги от пяти других подвидов, уцелевших к нашему времени на просторах Юго-Восточной и Южной Азии, отличается наиболее крупными размерами, необычайно крепким телосложением, мощной передней частью туловища, сильными ногами и массивной головой. Он по праву считается самым могучим наземным хищником планеты. Судите сами: вес выдающихся взрослых суперкотов достигает почти 400 кг при длине тела от носа до корня хвоста без малого 3 м. Правда, таких гигантов теперь совсем мало, однако борцы тяжелого веса (3-центнеровые) еще властствуют в дебрях Сихотэ-Алиня.

Представьте себе зверя с длиной туловища 220 см и высотой в плечах 110 см при весе в 200 кг. Правда, тигрицы на одну треть легче и процентов на двадцать короче своих повелителей, но они не столь жирны и заметно стройнее.

Вполне возможно, что это наиболее красивый и совершенный хищный зверь из всех живущих, а может быть, и когда-либо существовавших на Земле. Он гораздо сильнее льва. Огромная сила его сочетается с виртуозной ловкостью, стремительностью в нападениях и выносливостью в переходах. Простота нрава ему вовсе не свойственна, но его выдержка и невозмутимость вызывают почтительное уважение.

Тело зверя состоит из крепчайшего скелета и до совершенства натренированных мускулов. И нет ничего удивительного в том, что матерый зверь во цвете лет с центнеровой добычей в зубах способен не просто легко шествовать по тайге, но и бежать, и прыгать, и взбираться на кручи. Ему не стоит особого труда увлечь лошадь или корову на сотни метров, а с чушкой в пасти перепрыгнуть через забор. В литературе о тигре можно прочесть такое: «Тигр взял в зубы девятивпудового кабана и понес на крутую гору, не задевая за землю».

Он легко лазает по кручам и отлично плавает, причем преодолевает даже такие громадные реки, как Амур. И забуреломленная тайга его не страшит. Однако ходить он предпочитает по зверовым тропам и лесным дорогам, вдоль рек, по льду, по гребням хребтов с хорошо просматриваемыми склонами. В движении он спокоен и нетороплив, а вместе с тем скор и умел. Ходит не просто легко, а с неизбежной своеобразной грацией, хотя голову нередко держит полуопущенной, словно о чем-то глубоко задумавшись и при этом высматривая следы. По лесу он идет совершенно бесшумно, то и дело останавливаясь для изучения обстановки. Любит взбираться на скалы, обрывы и другие высокие точки и подолгу там лежать или сидеть, обозревая близь и даль своих владений. Особенно на сытый желудок.

Как охотник тигр считается наиболее «профессиональным». При поисках добычи полагается в основном на замечательно острое зрение и тонкий слух. Отлично видит ночью. Обонянием он как бы обойден и тем не менее добывчу зачуивает за сотню-другую метров, а запах следов улавливает через несколько часов после прохода животного. Ну а его «орудия промысла» — зубы и когти — при моцки мускулатуры и ловкости не менее «смертоубийственны», чем пасть крокодила или акулы.

нешь — мы не тронем, а затронешь — спуску не дадим». Более того, иногда этот грозный хищник проявляет желание позабавиться перепуганным человеком и даже как бы приглашает его поиграть. Однако и при этом он постоянно потенциально опасен, причем поведение его далеко не всегда предсказуемо и объяснимо.

Он довольно чистоплотен и постоянно приводит себя в порядок, облизывает шкуру и чистит ее лапами точно так же, как и наши мурки. И все же у

Амурский

Уссурийский тигр по праву считается самым могучим наземным хищником планеты
Фото А. Шевкунова

ТИГР

Это один из самых умных зверей. Он необыкновенно хитер, способен оценивать сложившуюся обстановку и предвидеть события. У него тонкая интуиция, прекрасная наблюдательность, крепкая память. Во всех его действиях просматривается своеобразная продуманность, граничащая с разумностью.

К человеку он вполне терпим, взаимодействуя по принципу: «Нас не тро-

него сильный, неприятный, типично кошачий запах, и чем старше и крупнее особь, тем крепче она «пахнет». Нет на земном шаре другого зверя, запаха которого боялось бы все живое больше, чем тигриного. Из десятка самых отважных собак, смело атакующих даже матерых медведей, не более двух выдерживают «дух» тигра. Хищник отлично знает это свое слабое место и

потому при скрадывании замеченной добычи стремится зайти с подветренной стороны.

Амурские тигры в сравнении с южными сородичами довольно молчаливы. Молча набрасываются они и на добычу. Лишь в случае сопротивления жертв, например умеющих за себя постоять медведей и кабанов-секачей, хищники стремятся парализовать их ревом — громким, протяжным и жутким, от которого у человека стынет кровь в жилах, волосы вздыбливаются и разум мутится. Обозленные тигры рычат глухо и вроде бы тихо, в ярости же издают знаменитый кашляющий рык, от которого замирает не только все живое, но и, кажется, деревья, сопки и даже небо.

Ну а умиротворенно-довольный тигр в сообществе соплеменников мурлычет почти как кошка, только куда грому. В испуге глухо ухает, при желанных встречах издает своеобразное «уфф, уфф», что означает приветствие. Заневестившаяся тигрица при поиске брачного партнера ревет своеобразно и азартно. А вот тигрята лишь в возрасте полутора начинают приветствовать возвращавшуюся мать, сильно и громко выдыхая воздух.

Мимика тигра богата и разнообразна. Его настроению соответствуют и размеры почти черного зрачка: чем злее этот зверь, как, впрочем, и многие другие, агрессивнее и решительнее, тем зрачок шире. Хвост тоже определенно и недвусмысленно выражает настроение и намерения хищника. В спокойном состоянии он опущен, с плавно загнутым кверху концом, кстати, всегда черным. У злающегося и волнившегося зверя он извивается в горизонтальной плоскости, при изготовке к нападению — в вертикальной. Атакующий тигр как бы описывает конус приподнятым над спиной хвостом, а также использует его в качестве руля и балансира.

Амурский тигр — истый приверженец горных кедрово-широколиственных лесов, являющихся излюбленным обиталищем и кабанов, и изюбрея. Нет для этих зверей места краше знаменитой уссурийской тайги. Всяко-разные лесные неудоби, а тем более безлесье — не для него. Размеры же персональных владений определяются обилием потенциальных жертв: чем их больше, тем меньше площадь территориальной собственности. У взрослых самцов она достигает 800—1000 км², у самок — 300—400 км². Но чаще амурские тигры довольствуются площадью угодий в два раза меньшей.

Участки усердно маркируются и ревностно охраняются. И все же при использовании территории тигры не столь между собой враждебны, хотя известны случаи жестоких побоищ хозяев с пришельцами. Гораздо чаще приходилось встречать в одних и тех же угодьях и двух-трех самцов, и столько же самок, не проявляющих признаков

нетерпимости. В норме же на просторном участке матерого самца проживают две-три тигрицы.

Природой им предопределено жить оседло, и чаще всего где владыка тайги родился и вырос, там и закончит свою бурную жизнь. Бродяжничество свойственно изгоям да молодым самцам, ищущим свое место под солнцем. Однако и «состоятельные» тигры иногда предпринимают дальние вояжи. Временные. Скажем, при массовых откочевках кабана, в многоснежье, при обширных затяжных пожарах. А путешествия они помнят, что надо вернуться в родные места.

Нелюдимость для амурского тигра характерна в гораздо меньшей степени, чем для их полосатых собратьев из жарких стран. Детоубийство, там весьма распространенное, у «северян» случается редко, в основном в многоснежье и при истреблении копытных животных, когда хищники нещадно голодают. Но и при этом самцы своих детей не трогают.

И в диком мире бытие определяет сознание. При полном достатке жизненных потребностей всякое существо дружелюбно, и наоборот. При обилии дичи, хорошей погоде и отсутствии беспокойства и вольные тигры покладисты, им даже не чужд альтруизм. Расшифровывая следы на снегу, неоднократно приходилось убеждаться, что одну крупную добычу ели несколько тигров. Хозяин добычи нередко приводил «на мясо» своих соседей, не говоря уж о кормящих детенышем самках с собственных владений.

И все же территориальность у наших героев выражена четко и строго. Участки охраняются, а обозначаются их границы продуктами жизнедеятельности, выделениями анальных желез, почесами головой, царапанием коры деревьев когтями, поскребами в точках отправления естественных надобностей. Метки обычно наносятся на заметные предметы: большие пни, выворотни и камни, скальные обнажения, одиночные деревья.

Усерднее всего собственность мечтится там, где чаще встречаются соседи — в пограничной зоне, разумеется. Но и в спокойной, уединенной обстановке тигр постоянно как бы автоматически и на всякий случай заявляет о себе как о независимом удельном князе, не терпящем каких-либо посягательств на территориальную неприкосновенность. И это не блажь матерого собственника — в этом кроется глубокий логический смысл: каждый должен знать и свое место, и соседей своих.

И тут важно напомнить мудрое правило из жизни в дикой природе: «бездомные» тигры, как и большинство других зверей и птиц, на семью прав не имеют и в размножении не участвуют. Именно такие несчастливцы неприкаянно бродяжничают в поисках собственного «угла», забредают далеко за

пределы ареала. В этой связи не являются загадками периодические появления тигров не только в многоснежных низовьях Амура или Амгуни, но и на Баджалском, Становом хребтах и даже в Якутии, Приохотье, Забайкалье.

А вот собственным домом на своей территории тигры обзавестись не считают нужным, разве что тигрицы перед родами облюбовывают для логова места во всевозможных нишах, в пещерах, под каменными карнизами, выворотнями, сильно наклоненными большими деревьями. Лишь бы была защита от осадков и ветра. Самцы и бездетные самки отдыхают где придется, хотя и они имеют десяток-половину временных убежищ, которыми и пользуются периодически. Для отдыха эти убежища сравнительно удобны, особенно в непогоду. Но важно отметить другое: тигры любят отдыхать так, чтобы все было видно от края до края. Взберитесь на карниз крутой горы или на высящийся над тайгою останец — обязательно найдете там следы многократного пребывания царственных персон.

Бодрствует тигр в основном в темное время суток, хотя дневные походы и охота для него не редкость, особенно зимой и в летнее ненастье. Жару этот зверь не любит и пережидает ее в тени и прохладе на обдувах, у воды, в глубоких каменных нишах и пещерах. Хоть и южного происхождения наш герой, но от жары ему избавиться гораздо труднее, чем от холодов, от которых он надежно защищен толстым слоем жира и теплой «шубой». Потому-то в самые жаркие месяцы этот хищник уходит в хребты, в истоки рек, к морю. Часто и с наслаждением купается, подолгу лежит в воде.

Ходить он определенно не любит, хотя при необходимости может совершать далекие и быстрые переходы, иногда одолевая за сутки до 200 км. Правда, такие вояжи редки и вызваны они особыми экстремальными причинами. Но пройти, скажем, за ночь 50 км — явление обычное. Такие пременажи тигры любят сотворять после прошпи и небольших снегопадов, когда всякое существо выдаст себя следами.

Утверждению некоторых «тигроведов» о том, что тигр прирожденный бродяга, не верьте. Ходит он ровно столько, сколько требуется для того, чтобы иметь корм, убежище, брачного партнера, жить в безопасности и в комфортных условиях. Особенно мало ходит кормящая тигрица. Да и у кота в силе средний суточный ход редко превышает 10—15 км.

И вот еще что интересно отметить. Этот могучий грозный зверь ходит не только мало, но и не быстро. На суточном переходе средней протяженности насчитываются одна-две длительные лежки и восемь-десять кратковременных. Прошел километр — прилег. Более того, он часто останавливается, изучая обстановку. При подъеме в гору

отдыхает через каждые 200—300 м, а на крутых склонах и того чаще.

А вот поспать наш герой горазд. Особенно когда насытится до полного отвала, а рядом — гора не съеденного трофея, не холодно и не жарко, обдувает ветерок, ласкает солнце, нет людского беспокойства. Тоже ведь испытывает радость полноценной жизни.

В рассказах о животных трудно избегать скучных мест. Важно не увязнуть в мелочах. А потому поговорим теперь о куда более интересном: как промышляет царь зверей и чем трапезничает. Тигр — хищник очень прожорливый, всячески мясу предпочитающий жирную, сочную свежатину, привередливый, расточительный. Охотящийся тигр идет особенно тихо, вернее совершенно бесшумно, с частыми остановками. В точках с хорошим обзором застывает этаким изваянием и превнимательнейше изучает угодья. Всматривается, вслушивается, принюхивается. Замеченную жертву умело и предельно осторожно скрадывает, стремясь подобраться к ней как можно ближе и настигнуть несколькими стремительными прыжками. Бросок этого первоклассного охотника — как вспышка желтой молнии. Представьте скорость живой груды железных мускулов в 15—20 м в секунду! Единственного мига ему достаточно, чтобы достичь добычуическими большими частыми прыжками и завершить охоту одним решающим. Куда дальше приходится отдыхать от возбуждения и перенапряжения, остыть, успокаиваться, настраиваться на долгую обильную трапезу.

Но тут требуются некоторые важные уточнения. Мне довелось обследовать по следам свыше полусятни нападений тигра на жертву, и не оказалось среди них двух аналогичных. То затаившийся хищник поймает неосторожно вышедшего на него зверя одним-двумя большими, 5—6-метровыми прыжками, то бросится на другого, подбравшись к нему на 20—30 м более короткими, но очень частыми прыжками, то рванет вдогонку обнаружившему опасность зверю. И характер завершающего прыжка в каждой атаке был своеобразен.

А бросается он на жертву почти в любых условиях местности — сверху, снизу, со скалы или обрыва, в косогор. Ему во что бы то ни стало завершить охоту надо быстро,ическими прыжками. А знаете, почему? Как это ни странно, этот вроде бы совершеннейший охотник быстро устает. Его атакующий бросок продолжается не более 10—15, в редких случаях — 25 секунд или полминуты. Гораздо дольше он переводит дух. Успех заключительного этапа охоты решают мгновения. Если хищнику удается подкрасться к несчастной жертве на 8—20 м, ее жизнь обречена. А вот при дистанции атакующего броска более 20 м успех решается несколькими факторами: заметило ли животное подкрадывающееся страшилище и насторожилось ли, в каком положении

относительно него в эти роковые мгновения находилось, кто первый ринулся в бег, какова была местность, глубина снега. Предположим, на расстоянии около 20 м пасущийся кабан был рылом в сторону своего заклятого врага и увидел его на прыжке. Спасти ему не удастся: потеря всего полсекунды на разворот обрекает его на гибель. Бросок хищника на пасущегося в 30 м изюбря или кабана обычно завершается успехом, если копытное увидело его уже на прыжке: оно запаздывает на брать спасительную скорость бега. Но если им все же удается развить максимальную скорость при беге, тигр преследование прекращает уже через 50—100 м погони. Однако при глубоком снеге он догоняет кабана и на большей дистанции, чего не скажешь об изюбре. Этого крупного оленя тигру взять труднее, чем таежную свинью.

Настигнутую жертву этот виртуозный охотник убивает умело и быстро. Небольшую валит ударом лапы — косулю, например, кабаргу или собаку. Подсвинку или телку ломает позвоночник, перекусывает горло или шею у затылка. Крупным же зверям вспрывгивает на спину, заворачивает голову, ломает позвонки. Но счастье обреченного в том и состоит, что мучается оно совсем недолго, иной раз и понять не успевает, что с ним происходит.

Остудившийся и успокоившийся, тигр перетаскивает добычу в удобное место, чтобы вольготнее ему было и поспокойнее. Уж что-что, а поесть наш владыка мастак. От косули за несколько часов оставляет копыта и кишечки. Полуцентнерового подсвинка ему хватает всего на пару дней. Он обожает

жир и поедает его в первую очередь. И потому упитанный кабан — голубая мечта тигра. Никто, кроме кабана, лучше не знает, что такое тигриный аппетит и гастрономические наклонности. И жирную медвежатину царь уссурийской тайги уплетает — за уши не оторвешь.

Крупную добычу хищник имеет в среднем через 4—5 дней, но нередко и через сутки-другие. Случается ему опромыслить и несколько голов сразу. Зато вволю потрапезничав несколько суток, наш герой заваливается в долгий сон, а потом может спокойно поститься несколько дней, экономно расходуя накопленный в изобилии жир. Ему вовсе не обязательно питаться ежедневно. Проголодался — идет охотиться, всласть отъевшись — беспро-будно спит.

Сколько же съедает этот зверь? За сутки взрослый тигр в среднем потребляет 12—14 кг мяса. тигрица — около 10 кг. Но это вовсе не значит, что столько мяса им требуется. Едят ведь, как говорится, от пуз. А уменьшим эту прорву продукта вдвое — не помрут. Даже не отощают!

Как и для большинства других хищников, умеренность в добывании корма для тигра ни в малой мере не характерна, и он редко когда упускает возможность успешно поохотиться, если и сыт по горло, и полно несъеденного. Известно много примеров, когда этот зверь в избытке сил давил в день по пяти-шести изюбрей и кабанов, причем нередко к этим жертвам не возвращался. И потому-то коэффициент использования добычи у него не превышает половины.

Мимика тигра богата и разнообразна

Фото А. Шевкунова

И последнее по части питания нашего грозного всесильного красавца. За год «среднестатистический» зверь добывает 40–45 кабанов, 25–30 изюбрей, 3–4 медведей и до 20–30 более мелких животных — косуль, кабарог, барсуков, собак...

Свадебная пора у тигра к какому-либо определенному времени года приурочена слабо и размыто. И потому выводки с новорожденными приходится встречать в любые месяцы, даже в лютые зимние.

Несмотря на то что на участке тигра-самца обычно постоянно живут две-три тигрицы, моногамия этому виду вряд ли свойственна или она условна. И заневестившаяся самка отдается любому найденному ею кавалеру. Одному, потом другому. Бывает, за будущей матерью ходят несколько кандидатов в отцы, азартно выясняющих третьего лишнего. Дерутся, иногда ожесточенно. Однако не до смерти. Даже не до крови. Скорее всего это вовсе не драки, а ритуальные турниры на силу. И право на потомство завоевывается весьма малой кровью, что для столь могучих зверей при совершеннейших орудиях умерщвления просто удивительно.

Длится свадьба две-три недели. Но влюбленные в это время, естественно, крайне возбуждены, своеобразно урчат, фыркают, валяются. И даже играют! Но радости эти недолги, и их сменяет обыкновенная проза жизни. Вразъезд, разумеется. Тигры — гордые одиночки. Они не любят, когда им мешают жить один на один с тайгой.

А через 100–110 суток тигрица дарит миру два-три, реже одного или четырех наследников собственной мощи, красоты и власти. Роды происходят в уединенном логове в самых глухих местах. Лого это не утепляется, и подстилка в нем весьма примитивна, но оно обязательно сухое и защищено от ветров. А неподалеку непременно должна быть вода.

Новоиспеченнейшая мамаша первую неделю от своих ненаглядных почти не отходит, согревая их, облизывая, кормя и помогая облегчиться. Котята весят всего-то около килограмма, они беззубы, глухи и слепы. Но как стремительно врываются в жизнь эти будущие великаны, силачи и властолюбцы! В недельном возрасте они уже видят и слышат, у двухнедельных прорезаются зубы, а месячные уже изучают окрестности гнезда. С двухмесячными мать начинает экскурсировать в его окрестностях и приучает их есть мясо, продолжая вволю кормить молоком. Весят они в это время до 5 кг, еще через месяц они утраивают этот вес. Полугодовалые нагуливают в себе до 30 кг, имеют размеры овчарки и покрыты настоящей тигриной шерстью черно-беложелтого окраса. Отныне и до дней последних эта знаменитая полосатая шкура будет им и шубой, и маскалатом, и мантией величия.

Мать усиленно кормит детей своих, терпеливо воспитывает и старательно

учит их жить строго по-тигриному. Главная ее забота — обучить молодых найти и взять добычу. Уже с полугодовалыми она подолгу охотится, а годовики способны и сами опромыслить себе корм. Ну а полуторагодовалый молодняк во всем подобен матери, у него нет лишь родительского опыта и мастерства и силы еще не те. И все слабее связь с матерью, слабее. К самостоятельности рвутся.

Впрочем, мать этим не печалится. Мать в это время все больше подумывает об очередном сватовстве. Природой строго-настрого наказано приносить потомство раз в два года. А коли оно трагически гибнет в младенчестве, немедленно зачинять другое. Именно тигрицы «отвечают» за размеры приплодов, оставляя заботы о жизнестойкости потомства суперкотам. И благодаря стараниям тех и других годовой приплод у амурского тигра составляет 24–26 %, а прирост поголовья — с учетом смертности и молодняка, и взрослых — может достигнуть 16 %.

Благодаря такой хорошей плодовитости так бурно росло поголовье «наших» тигров в послевоенное время, достигнув почти полутора тысячной «отметки» к середине 80-х гг., несмотря на систематическое злостное браконьерство, легальный отлов тигрят и отстрелы по разрешениям властей.

Да, могуч, отважен и властен тигр. А вот его жизненный путь недолог. У цирковых и зоопарковских хищников признаки старения наступают с пятнадцати лет, живут же они до двадцати пяти. Всего-то! Наисчастливейшие долгожители достигают тридцатипятилетнего возраста, да и то в благоприятных условиях зоопарков и питомников. Век же вольных тигров куда короче, и редко кому из них счастливится дожить до естественной старости... Впрочем, в этом есть своеобразное достоинство: живое великолепие не должно познавать дряхлость.

Врагов у амурского тигра совсем мало: бурый медведь да человек. Сражения с медведями довольно часты. Тигр в расцвете сил чаще всего давит этого заклятого врага, но от него нередко гибнут тигрята и их матери. Тигр нападает в основном на некрупных косолапых, будучи заведомо уверенным в победе. Этот хищник вообще никогда никого не атакует безрассудно. Например, опасных вепрей и матерых сохатых он обходит стороной. Умен и отважен тигр, а вот «безумство храбрых» для него мало характерно и он редко когда рискует жизнью. Лишь тигрица в защите своего потомства готова на все.

Завершим мы этот рассказ взаимоотношениями царя зверей с людьми. Были они напряженными, часто трагическими, спокон веку. В Южной Азии они остаются в общих чертах такими же и теперь. Однако амурский тигр к людям в настоящее время относится гораздо почтительнее и осторожнее.

Небезынтересно отметить, что до освоения и заселения Амуро-Уссурийского края Россией, начавшегося с сере-

дины XIX в., нападения амбы на человека, особенно на аборигенов и китайцев, было явлением обычным, и люди здесь этого многочисленного тогда хищника боялись панически. За год от него гибло несколько десятков, в иные лета — сотни людей и многократно больше домашних животных. Еще более дерзкими были тигры в сопредельных провинциях Китая.

Однако повадки амурского тигра в отношении к людям резко изменились после трудного и долгого восстановления его едва не погибшей популяции в 30-х гг. Он как бы переродился. Объяснение этому феномену видится в том, что к 30-м годам уцелели самые осторожные тигры, избегавшие всяких встреч с людьми. И именно такие особи со временем «основали» генетическое ядро восстанавливавшейся популяции.

Тигр как был, так и остается зверем смелым, а вместе с тем у него прибавилось осторожности. Людей он не трогает, хотя и не боится. За последние 60 лет достоверно известно десять случаев неспровоцированного нападения хищника на людей, из которых частично было съедено четыре.

Однако защищаясь тигр нападает на человека довольно часто. Не боится он его, но любопытства к себе не переносит. Смертельно опасными становятся раненые и преследуемые хищники. Но поразительно другое: тигру скрасть и убить человека проще простого, тем не менее до смерти он его, как правило, не давит. Чаще всего крепко ударит, укусит, поцарапает. И уйдет, как бы предупредив, что может быть и хуже.

Амурский тигр в современной возрившейся популяции как бы предложил человеку вооруженный нейтралитет и по мере сил строго его соблюдает. Человек же нарушает его сплошь да рядом. И именно поэтому теперь снова приходится спасать этого удивительного зверя, самого элегантного, отважного и могучего наземного хищника планеты, оказывающего на людей при встречах в дебрях уссурийской тайги воистину магическое воздействие. И каждая встреча в памяти остается нептленной до дней последних.

От холодов тигр прекрасно защищен толстым слоем жира и теплой «шубой»

Фото А. Бояринова

Охотничьи фермы: проблемы становления

А. ДАНИЛКИН, доктор биологических наук
Институт проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН

Разрешение на завоз животных. Чиновничий произвол. На завоз животных из других областей России или из-за границы нужно получить разрешение территориальных органов Охотдепартамента и ветеринарной службы. На этом пути вы встретите не меньше чиновничих препятствий, чем при получении разрешений на отвод участка и организацию фермы. Яркий пример тому — мытарства Московского общества охотников и рыболовов (МООиР), одним из первых осознавшего перспективность фермерского направления. На получение разрешения на завоз копытных от Охотдепартамента МСХ общество охотников потратило 1,5 года! Эта история достойна особого упоминания, поскольку она послужит для последователей наглядным пособием в плане преодоления ведомственных чиновничих барьера.

В завозе сибирской косули и благородного оленя Московскому обществу охотников было отказано на основании заключения ГУ «Центрохоконтроль» (№ 168/01-1-06 от 13.06.2002). Цитирую мотивы отказа, вызвавшие шок у специалистов: «При полувольном содержании сибирской косули возможно бегство животных и их преднамеренная гибридизация с европейской, что противоречит закону «О животном мире» и конвенции «Сохранения биоразнообразия», поэтому расселение сибирской косули и ее полувольное содержание вне пределов ее исторического ареала считаем противозаконным. Расселение европейских благородных оленей севернее границы естественного обитания вида (Брянская-Самарская обл.) давно признано нерентабельным..., выпуск оленей малыми партиями не дал положительных результатов... и нецелесообразен».

При таких мотивах, замечу, следовало бы запретить всю зоопарковскую деятельность, поскольку животные потенциально могут сбежать, и сбегают, из вольер, в том числе крупные хищники, включая львов. По каким-то соображениям охотоведы «Центрохоконтроля» вынесли Московскую область за пределы исторического ареала сибирской косули, а северную границу рас-

пространения благородного оленя одним махом перенесли на сотни километров к югу. Более того, олена не разрешили завозить, «заботясь»... о рентабельности деятельности МООиР.

Получив столь шокирующй отказ, Московское общество охотников было вынуждено обратиться в Институт проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН за разъяснениями по поводу границ исторического ареала косули. Институт сообщил, что «...сибирская косуля в послеледниковое время населяла Русскую равнину вплоть до Днепра. ... Московская область полностью входит в исторический ареал сибирской косули. Следовательно, ее расселение здесь ни в коей мере не противоречит Федеральному закону «О животном мире» и международной «Конвенции о биологическом разнообразии» и не может служить «противозаконным» действием, о чём, видимо по недоразумению или из-за незнания истории ареала вида, сообщает «Центрохоконтроль».

После нового обращения в Охотдепартамент МСХ МООиР получает очередной отказ (письмо № 12-02-19/183

от 07.02.03) с той же мотивировкой и с дополнительными разъяснениями о том, что сибирская косуля склонна к миграциям и что доказательная база для ее интродукции в охотничьи угодья Московской области «в условиях общего снижения численности копытных и усиления антропогенного пресса» недостаточна. Последняя фраза звучит как откровенное издевательство над организацией, пытающейся увеличить поголовье копытных путем их фермерского разведения.

МООиР снова обращается в ведущий академический институт, который вновь разъясняет, что (цитирую специально для будущих фермеров): «объективных научных или международноправовых оснований для запрещения завоза сибирской косули и разведения ее в полувольных условиях (в вольерах) и в природе в Московской и Тверской областях нет, поскольку Подмосковье входит в исторический ареал этого вида (см. монографии «Европейская и сибирская косули», 1992 и «Олени», 1999). Расселение животных в пределах их исторических ареалов ни в коей мере не противоречит международной «Кон-

Наибольший восторг у экологических туристов вызывают прирученные детеныши копытных

венции о биологическом разнообразии», по которой Стороны должны предотвращать лишь «интродукцию чужеродных видов, которые угрожают экосистемам, местам обитания или вида (ст. 8 h)». Более того, содержание диких животных в неволе и полувольных условиях важно для сохранения биоразнообразия и широко практикуется во всех странах мира. В условиях общего снижения численности копытных в России, усиления антропогенного пресса, затяжного кризиса охотничьего хозяйства и неумелого управления популяциями разведение сибирской косули и других видов в вольерах крайне необходимо и как гарантия сохранения их генофонда. Реинтродукция сибирской косули в Подмосковье не может изменить «сложившуюся экосистему», поскольку данный вид уже обитает здесь вместе с европейской косулей в результате деятельности Главохоты РСФСР (Охотдепартамента МСХ РФ). Во второй половине XX в. охотничьи организации завезли и выпустили в Московской и Тверской областях около 1,5 тыс. этих близкородственных животных, потомки которых сохранились до сих пор. Все выпуски европейской и сибирской косуль (в одних и тех же районах) проходили с разрешения, под контролем и при непосредственном участии Охотдепартамента РФ. С точки зрения ведения охотничьего хозяйства, сибирская косуля гораздо перспективнее для разведения в многоснежных районах Подмосковья, нежели европейская. Курганская популяция, как установлено специалистами Института, «оседла и не склонна к миграциям».

После такого обстоятельного разъяснения, показывающего по сути вопиющую некомпетентность и произвол чиновников Охотдепартамента, после очередной длительной паузы с ответом и после многократных хождений по инстанциям разрешение на завоз копытных все же было получено.

Охотдепартамент МСХ скорее всего будет противодействовать также разведению на фермах лани, европейского муфлона и других охотничьих животных, как «чужих» фауне. С другой стороны, «заботясь» о сохранении и чистоте генофонда копытных, это ведомство почему-то не считает «противозаконной» интродукцию не только в вольеры, но и в природу европейской части России действительно чужого вида — уссурийского пятнистого оленя, который вытесняет аборигенные виды, гибридизирует с благородным оленем и наносит более существенный вред лесу, нежели другие копытные. К счастью для фермеров, чиновники пока еще никак не отреагировали на разведение в России чужеземных страусов, которые вполне могут сбегать с ферм и появляться в охотничьих угодьях.

В знаменитой «Аскании-Нова» десятки видов копытных из разных стран мира уже более сотни лет разводят в полувольных условиях и специально скрещивают между собой, однако не

видно, чтобы гибридные асканийские стада разгуливали по Украине, за исключением о. Бирюч, на котором гибридный олень был специально выпущен организацией, аналогичной Охотдепартаменту.

По моему разумению, запреты на разведение копытных не в природе, а на огороженных участках — откровенный произвол чиновников и беззаконие, творимые под маркой сохранения законности и обязательств по «Конвенции о биологическом разнообразии». Эта конвенция используется ими в качестве «страшилки» довольно часто, даже в случае отказа охотпользователям в их просьбе об увеличении норм добычи сеголеток копытных. Складывается впечатление, что специалисты Охотдепартамента МСХ или совсем не знакомы с содержанием данного документа, или применяют его противоправно вполне осознанно, пользуясь недостаточной юридической грамотностью пользователей животным миром. И то и другое не делает им чести! Проблема чиновничих запретов должна найти обязательное решение в законе «Об охоте».

Эксплуатация копытных. Получив «урожай» на ферме, нельзя быть уверенным, что вы сможете его использовать. Прямых законодательных запретов на добычу копытных в вольерах нет, но, как показывает практика, наиболее ретивые работники Охотдепартамента под всякими предлогами (со ссылками на Закон «О животном мире», на конвенции, ведомственные инструкции, на запреты стрельбы в сооружениях и т. п.) пытаются сделать это. И тогда дело доходит до абсурда. Фермеры, чтобы иметь документы о том, что они разводят и отстреливают не диких, а домашних животных, вынуждены завозить только «фермерских» оленей, а перед вселением кабана закупают до-

машних свиней черной масти. Проблему эксплуатации копытных в загонах, видимо, тоже придется решать законодательно, дабы оградить фермера от чиновничих запретов и поборов. Выпускать охотничьих зверей из вольер в природу для насыщения окрестных угодий или «под выстрел» без разрешения местных органов Охотдепартамента по действующему законодательству тоже нельзя, хотя и этот вопрос мог бы найти иное решение в новом Законе «Об охоте» или подзаконных актах.

Копытных в вольерах в целях безопасности отстреливают только с вышек. В больших по площади загонах, удаленных от населенных пунктов, возможна охота с подхода, а в кабаньих вольерах — с собакой. При наличии нескольких секачей и мелькающих по всему зверей острота ощущений вполне сравнима с таковыми при охоте в естественных условиях. Охотничьи вышки используются и туристами для наблюдений.

Кто лучший фермер? Как показывает практика, лучший результат обычно получает частный фермер-охотник, кровно заинтересованный в развитии своего хозяйства и лучше других чувствующий потребности рынка. Потуги общественных объединений охотников или государственных учреждений организовать охотничьи фермы чаще неудачны из-за пресловутого человеческого фактора и отсутствия надлежащего ухода за животными. В одной из областей, например, готовая для эксплуатации обширная вольера пустует уже несколько лет, поскольку большую часть выпущенных в нее косуль в тот же год отстреляли председатель районного общества охотников и его «дружбаны» и нескольких особей задавили рыси. Перед выпуском здесь «забыли» заготовить корма для животных и заплатить дыры в заборе.

Лось — тоже фермерское животное

На мой взгляд, законодательно следовало бы всемерно поддержать именно фермера-хозяина путем предоставления ему в собственность или долгосрочную аренду не только огораживаемого участка, но и прилежащих земельных и лесных площадей (до 1—5 тыс. га), необходимых для комплексного ведения хозяйства, посредством разумного кредитования и страхования, а также наделив его необходимыми правами по охране и использованию выращенных животных. Только тогда охотничий фермер может стать центральной фигурой в охотниче-рыболовном и туристическом бизнесе. Конечно же, нельзя оставить «вне закона» и фермы юридических лиц.

«**Корни противодействия чиновников фермеру.** Очевидно, что на пути развития отечественного фермерского охотничьего хозяйства стеной встал всесильный государственный чиновник-запретитель. Корни противодействия данному процессу, как и «войны» с общественными охотничими объединениями, на мой взгляд, экономические. Для государственного охотничьего чиновника общества охотников давно являются территориальным и хозяйственным конкурентом. Таким же конкурентом становится и фермер. При организации фермы и сооружении забора, как и при закреплении территории за охотопользователем, происходит отчуждение охотничих угодий, которых сейчас безраздельно «владеет» сам чиновник. Более того, фермер, приобретая за плату охотничих животных, по сути становится их собственником (а сами животные — средством производства) и, как всякий хозяин, хочет пользоваться ими по своему усмотрению и в любое время, фактически оставаясь вне контроля и вне поля деятельности чиновника, который такого допустить не может. Социалистический принцип «не пущать» жив и поныне. Чиновник, которого вы содержите на ваши налоги, еще не осознал, что он должен работать не на себя, а на благо всего общества. Так давайте можем ему в этом осознании!

Социально-экономическая значимость возрождения села, необходимость трудовой занятости сельских жителей, развития туризма и оздоровления населения, как и необходимость увеличения животных ресурсов и развития охотничьего хозяйства, с государственной точки зрения гораздо важнее узковедомственных интересов. Нет сомнений, что рано или поздно основные проблемы охотничих фермеров будут решены, но для этого нужно бороться с «эпидемией» чиновничего произвола и некомпетентности, для этого нужны толковые законы, работающие не на чиновника, а на рачительного хозяина, иначе у нас никогда не будет цивилизованного охотничьего и фермерского хозяйства!

Впрочем, закон «Об охоте» готовят все тот же чиновник!

СПАСИБО, ДЕД!

Георгий БУТАКОВ

В последние несколько лет мне все чаще попадаются публикации, в которых звучат самые разные обвинения в адрес охотников. И пожары-то мы, грешники, устраиваем, выбиваем в лесах все живое безжалостно, и как все это не цивилизованно, не современно и не гуманно... Я потомственный охотник и, не вступая в споры с авторами подобных статей, хочу рассказать о том, что есть для меня охота.

«Здрасьте, дядя Коля!» — только и слышно было, когда я шел со своим Дедом по центральной улице уютного, утопающего в зелени, чистенького города на Западной Украине. Моя ладошка надежно покоялась в огромной Дедовой руке. «Добра здоровьца», — отвечал Дед, слегка прикасаясь к козырьку темно-синей фуражки «сталинки», а я замирал от восторга. Да нет, не восторг это был, какое-то особое чувство, осознание того, что я — часть ауры уважения и почтения, окружающей Деда, понимание, что я — тоже Дед.

На охоту он стал брать меня с шести лет. На притятия бабушки и мамы внимания не обратил. «Девки! — сказал Дед, — молчать!» И замолчали. Да и притятали-то только для порядка, а на самом деле понимали, что это значит, и гордились. Сознавали: это не развлечение, не минутная прихоть — это выбор Деда, а Дед просто так ничего не делает. У него было, кроме меня, старшего, еще трое внуков и две внучки, но на охоту он брал только меня. Я был преемником и продолжателем его страсти, любви к земле, лесу, к их запахам и краскам. Мы с Дедом обдириались в кровь, собирая ежевику (на Украине называют — «дралаки»). Собирали чернику, грибы, шли по следам косули или кабана, и Дед объяснял мне, что и зачем зверь делал на своем пути. Если шли вдоль речки, Дед учил меня ловить налимов руками, вытаскивая их из нор в крутом глинистом берегу, и, стоя по шею в воде, мы до посинения предавались этому азартному занятию. Дед знал о лесе все и все умел... Возвращений из леса не помню. Вконец измученного, дед сажал меня к себе на плечи, я ронял голову на голову Деда и засыпал. Просыпался только утром и слышал, как не всерьез ворчит бабушка и смеется мама.

Дед, один из всей семьи, поощряя мою страсть к оружию. Ружье, знаменитую Дедову трехстволку, я мог брать,

когда захочу, только обязательно спросить разрешения. Отказа не бывало. Дед оставлял все дела и показывал, в который раз, как ружье устроено, как с ним надо обращаться, чтобы не было беды. Как держать и носить ружье, что надо сделать, когда встречаешься в лесу с другим охотником. Переломить ружье на левый локоть. Стволы в сторону. И так, небрежно, но уважительно, прикоснуться к козырьку фуражки и сказать: «Добра здоровьца!» — «Здрасьте, дядя Коля!» — ответят нам.

Когда мне было семь лет, я порадовал Деда своей первой охотничьей удачей. Большой компанией мы поехали на заливные луга и озера. Сперва ехали на военном грузовике, а после на «драбе» — так называется на Западной Украине телега с лошадью. Возница гаркнул: «Вье, бо дощь!» («Вперед, а то дождь»), щелкнул кнутом (длинный прут, а на нем короткая сыротяная бечевка), и мы поехали... Вечерний выход был неудачным для Деда. Шли по заливному лугу, растянувшись цепью, и стреляли уток, поднимающихся из-под нас. Дед мазал, а когда сбивал, не мог найти в густой траве. Наконец утку нашел я, да не одну, а сразу двух! Насстроение у Деда сразу же улучшилось. «Ну, дядя Коля! Натаскал вну�ка! — кричал, весело скалясь, молодой удачливый парень. — Мою-то отдай! Эту я сшиб!» Да куда там! Я несся как угoreлый по этой топи с утками в руках. Спрыгнулся, падал, весь мокрый и счастливый бежал к Деду, кричал: «Деда, есть! Есть!»

Когда возвращались, вдруг прямо из-под ног выбежала «водяная курочка». Зашигала среди травы, камышей. Кричу: «Деда! Вот же она! Ну, вот же, бей!» Дед не видел, никак не мог уследить за ее стремительным бегом среди густой травы. И тогда резко протянул мне ружье, крикнул: «Сам!» Я схватил ружье и выстрелил. Ах, этот сладкий миг первобытного безумства! Никогда не забыть его. Вот она, твоя первая добыча!

Все охотники высоко оценили мой трофей. Курочку добыть очень трудно. Бегает быстро, резко меняя направление, ловко использует особенности местности, иногда перепархивает, затем затаивается и опять бежит... «Ну, дядя Коля! Теперь смена есть! — говорили они. Не забыть, как был счастлив Дед. Он изо всех сил старался показать, что ничего особенного не случилось (да обычное дело, чего там!), но это плохо удавалось ему. Расцветало в улыбке обычно спокойное и даже суровое Дедово лицо. Вокруг глаз разбегались лукавые морщинки, а огромные ладони нет-нет да дотрагивались до меня. Гладили по голове, проводили по плечу, шею... А я обминал от счастья, от осознания того, что не посрамил, не подвел Деда, а сделал все как надо, как положено мужчине, охотнику.

Я окончил школу и поступил в медицинский институт, чем очень порадовал Деда. Вольная студенческая жизнь

закружила меня. Гитара, девушки, хмельные, веселые сбирачи, зубрежка по ночам перед экзаменами... Но когда я приезжал домой, мы с Дедом обязательно шли на охоту. Потом Дед начал резко сдавать, перестал ходить на охоту, кашлял и морщился от боли. Меня, однако, на охоту всегда посыпал: «Возьми ружье, сходи, недалеко хоть... зайцы вон по огороду бегают!» В один из своих приездов я прочел на рентгенограмме его легких страшный диагноз: «сансер». «Жорка, — спросил Дед, — это рака?» Он так и сказал — «рака». Похудевший, бледный, страдающий от невыносимых болей, он еще находил в себе силы шутить. «Нет, Дед, нет! — ответил я. — Это пневмония!». «Рака», — печально и тихо сказал дед. Сердце мое сжалось. Я с трудом сдерживал слезы. Невыносимо было сознавать, что Деда скоро не станет...

Дед умер через несколько месяцев, но не оставил меня.

Через несколько лет со мной на охоту пошел мой сын Илья. Я смотрел на него и узнавал себя в далеком детстве. Он так же, как и я когда-то, более всего хотел не подвести, не осрамиться, сделать все так, как положено мужику, охотнику, продолжателю моей любви. Не подвел. Из старенькой туточки подстрелил за день четырех зайцев! Двух взяли себе, остальных, по традиции. отдали тем, кому не повезло. Меня распирало от гордости. Я старался не показать виду (обычное дело, чего там!), но все норовил дотронуться до моего мальчишки. Трепал за волосы, проводил рукой по плечам, щеке...

Прошло еще много лет, новая любовь привела меня в новую жизнь. И в этой новой жизни я впервые попал в тверские леса. После Крыма здесь все для меня было новым, незнакомым. Огромные леса, болота, утренний туман, клубящийся над полем, чуфыканье тетеревов, крик журавлей в расцвеченнном фантастическими красками закатном небе... Но каким-то таинственным образом я узнавал, что это — ольха, а это вот — осина... Я видел следы на лесной дороге и понимал, кому они принадлежат, не знал, но чувствовал, куда пошел зверь и как можно его добыть. Как это произошло? Почему? Ужель так сильно во мне Дедовское начало! Его кровь?

В глухи тверских лесов в старой избе я купаю в корыте Федьку — младшего сына, которым наградила меня в мои 50 лет судьба. Мой малыш смеется, шалит, расплескивает воду, а я все на часы смотрю. Без четверти девять полетит, потянет мой вальдшнеп! Именно мой! И пройдет так, как надо, и я, дай Бог, не смажу! Прилетает. Всегда. Порой не мажу, и тогда, гордый и спокойный, я вхожу в избу, которая непостижимым образом стала родной, смотрю на старую иконку Николы Угодника, под которой купался Федька, и прошу: «Господи, сделай так, чтобы ЭТО не исчезло! Чтобы не надо было бежать куда-то, чего-то добиваться,

ведь вот же она — настоящая жизнь!» А утром мой мальчик будет трепать добычу, словно щенок. Будет взвизгивать от восторга и расшвыривать перья, а в глазенках его вспыхнут шальные, азартные искорки. А я буду спокоен. Как мой Дед. В душе моей станет тепло и уютно. Я выйду на крыльцо, посмотрю на туман, наползающий на прошлогоднюю пожухлую, сладко пахнущую траву, на вербы, склонившиеся вдоль ручья, на небо, где в предрассветном мареве еще видны звезды, и скажу: «Господи, спасибо Тебе!»

На тягу я ходил всегда на одну и ту же поляну, но как-то раз решил сменить место. Тяга в тот день была неважная. Вальдшнеп тянул в основном над лесом, а нескольких я прозевал, залюбовавшись игрой закатных красок на темнеющем небе. Небо было еще светлым, но на земле уже почти ничего не было видно, и я решил уходить. «Еще пять минут! — сказал я себе. И за эти пять минут судьба наградила меня редким зрелищем. На дальнем краю поляны из леса вдруг появились две неясные тени и двинулись прямо ко мне. Для кабанов — маловаты, для зайцев велики. Приближались они быстро. Я обмер. Перезарядиться на картечку? Спугнешь, не успеешь, к тому же непонятно, что за звери. В этот момент выглянула луна, и я увидел полосатые мордочки. Барсуки! Они подошли совсем близко и остановились метрах в трех от меня. Я тоже застыл. И вдруг прямо над головой услышал «хорканье» вальдшнепа! Резко повернулся, вскинув ружье, боковым зрением успел заметить, что резкое движение ничуть не испуга-

ло барсуков, они продолжали стоять, как и прежде. Вальдшнеп же резко спикировал над моей головой и... сел прямо между барсуками! Тут уж я совсем обалдел. Стрелять с такого расстояния сидячую птицу значит разбить ее в фарш. Этого я не люблю. Пока лихорадочно соображал, как поступить, строгая птица поднялась на крыло и на фоне темных елей стала почти невидима. Пальнул наугад и, конечно, смазал. После выстрела один из барсуков повернулся и с шумом побежал в лес, а второй отбежал метров на пятнадцать, повернулся и продолжал меня разглядывать. Я переломил стволы, сунул в карман стрелянную гильзу, второй патрон вставил в патронташ, нажал на оба курка своей ТОЗ-34, спуска их, и с треском закрыл ружье. Барсук стоял. Он постоял еще с минуту, потом повернулся и неспешно зашуршил вслед за первым...

Когда-нибудь у моих сыновей будут свои дети, и я точно знаю, что однажды мой внук поразит своих родителей, увидев, как из-под ног выпорхнула куропатка или стебанул заяц! Как он замрет, весь напрягается, быстро и хищно оглядит все вокруг. Он мгновенно оценит обстановку, в его сузившихся глазенках вспыхнут незнакомые доселе, пугающие огоньки, а маленько сердечко забывается часто-часто. Это будет. Сердце моего внука гоняет мою кровь. Кровь моего Деда и всех наших предков, которые в охоте родились и жизни своей без нее не мыслят и не понимают. Я это вижу. Я этим горжусь. Спасибо, Дед!

Отец и сын. Сборы на охоту

Фото автора

1

Фотоконкурс «Охота и природа, 2003»

Коренные народы, проживающие на побережье Чукотки, издревле занимаются промыслом морских млекопитающих. И в настоящее время для многих чукчей и эскимосов это является одним из основных источников существования.

Ежегодно в прибрежных водах Берингова и Чукотского морей коренным жителям разрешено добывать 135 серых и 5 гренландских китов. Продукция китобойного промысла идет на традиционное использование. Слой сала с кожей (многие по-эскимосски, итхильхин по-чукотски) считается деликатесом, его едят сы-

рым, срезанным с только что добывого зверя, коптият, варят. Мясо кита употребляют ввареном и вяленом виде. Кости раньше применяли при сооружении построек.

Добывают китов в основном с середины лета и до глубокой осени, в зависимости от ледовой обстановки и других условий. Ранее охота велась с кожаных байдар, потом — с вельботов, сейчас — с больших зверобойных лодок и других мотолодок. В настоящее время орудием добычи служит дотинган — гибрид огнестрельного оружия и гарпиона, который из-

готавливается в США.

Мне довелось наблюдать охоту на северного кита в Мечигменском заливе в северной части Берингова моря. Середина августа. Выдалась хорошая безветренная погода, приполярное солнце светит вовсю. В 5 часов утра отчалили от берега. В четырех больших зверобойных лодках разместилось по 7–8 человек: бригадир, рулевой, моторист, гарпунеры и ученики. Лодка напоминает хорошо известную речникам мотолодку «Крым», только в три раза больше и тяжелее. Моторы — японские, по 115–150 л/с.

3

4

2

серых китов

Первый кит попался довольно хитрый: сумел длинными погружениями с изменением курса уйти от преследования.

Небо быстро заволокло низкой облачностью, поднялся ветер, погнал высокую волну. Приблизились к другому киту. Снова началась погоня, чередующаяся с наблюдениями. В азарте лодки временами едва не сталкивались. Стартуя, лодка мчится по волнам с большой скоростью, сильно и жестко ударяясь о воду. Через пару часов зверь наконец начал слабеть, выныривать чаще и в один момент сделал два выдоха подряд, оставшись на по-

верхности чуть дольше. Этим тотчас же воспользовались опытные охотники.

Большое искусство показали и рулевые. Им надо обеспечить оптимальное расстояние плавсредства от кита, чтобы было удобно метать гарпун, и в то же время держать безопасную дистанцию.

Оставив одну лодку рядом с добычей, остальные повернули на базу. С причала выслали катер, который доставил кита к месту разделки.

Максим ГОРШУНОВ,
госинспектор по охране
морских млекопитающих
г. Магадан

1. Заганивание кита, возле лодки виден хребет, выныривания участились

2. Преследование загарпуненного кита. Хорошо виден большой поплавок «Пых-пых» — буек от краболовной снасти

3. Добытый кит

4. Охотники наготове к очередному метанию

5. Определение размеров кита

Фото автора

Высыпки вальдшнепа

И. СОНИН

Осеннюю охоту на вальдшнепа еще со временем С. Т. Аксакова называют охотой на высыпках. Необычное, на первый взгляд, название связано с осенним выходом вальдшнепа из лесных крепей и массовым появлением (высыпанием) в более открытых местах, как правило в мелколесье. В это время вальдшнепа находят в порослях молодого леса, лесных вырубках, отдельных островках леса или кустарниках. Здесь птицы держатся только днем, а ночь проводят на богатых кормами угодьях: открытых пастбищах, посевах озимых, паровых полях, сено-косах. Основным кормом являются черви, добываемые из почвы длинными клевами. Вылет на кормежку начинается на вечерней заре. Вальдшнепы покидают дневное пристанище поодиночке, летят молча, невысоко, как говорят охотники, в полдерева. Наочных кормежках при благоприятных условиях может собираться значительное количество птиц. На рассвете, опять поодиночке, вальдшнепы разлетаются по окрестным лесам. Пути их перемещения индивидуальны, однако существуют трассы, по которым на протяжении многих лет наблюдается немногочисленный, но устойчивый пролет, чем пользуются вездесущие охотники.

После возвращения с кормежки вальдшнепы распределяются более-менее равномерно в типичных для этого времени местах. Но иногда птицы очень кучно собираются на небольшой территории, оставляя незанятыми соседние окрестности. Такие массовые локальные скопления вальдшнепа охотники и называют высыпками. У находящихся на высыпках вальдшнепов отсутствуют какие-либо признаки стайного поведения, они продолжают вести себя как индивидуалисты. Преследуемые охотниками и собаками, никогда не покидают высыпку сообща или группами, а только строго индивидуально в случае появления непосредственной опасности.

Пребывание вальдшнепов на высыпке ограничивается одним световым днем. Вечером птицы опять отправляются на ночную кормежку, но на следующий день, как показывают наблюдения, на прежнее место уже не возвращаются. Из года в год места высыпок не повторяются и, по оценке С. Т. Аксакова, вероятно, носят случайный характер.

Вальдшнепы высыпают иногда в самых неожиданных местах. Случалось, что их находили не только на лесных опушках, вырубках, в кустарниках, но и в парках, садах и даже в огородах.

Фото автора

Известен случай, когда двое охотников, безрезультатно обыскав самые заветные уголки, вдруг обнаружили богатейшую высыпку в непопулярном доселе угодье — небольшом травянистом мысике леса, выходящем в поле. Внимание охотников привлек самопривлекательно вылетевший из мысика вальдшнеп. Направленные в поиск собаки поднимали одну птицу за другой. Невразумный мысик был буквально забит лесными красавцами. Позже ставший знаменитым небольшой кусочек леса регулярно посещался местными охотниками, но впусту, хотя буквально в двухстах метрах от него находилась небольшая поляна, известная как одно из самых добычливых в округе мест.

Попасть на высыпку — заветная мечта многих охотников, но высыпка — событие редкое, непредсказуемое и необъяснимое. По этой причине слово «высыпка» можно услышать в сочетании со словами «загадка», «тайна», «секрет». Высыпки вальдшнепа интересуют не только охотников, но и научных-орнитологов. Некоторые из них высказывают предположение, что группирование птиц достигается с использованием звукового общения, но доказательств этому нет.

Любителям вальдшнепа, вероятно, будет небезинтересно познакомиться с версией о природе возникновения осенних высыпок. Она возникла в результате логического осмысливания современных знаний о вальдшнепе, содержащихся в литературных источниках, бытующих в среде охотников, а также личного опыта, приобретенного за многолетнюю охотничью практику.

Изложение сути вопроса имеет смысл начать с анализа годичного цикла жизни вальдшнепа, чтобы попытаться оценить, чем может быть неординарен период, на который приходятся локальные высыпки. Приблизительно половину своей жизни (с апреля до октября) вальдшнеп проводит в местах размножения (для России это — вся лесная полоса вплоть до 60—64° северной широты), остальную часть — на зимовке (Западная Европа, Кавказ, Турция, Иран). Климатические и природные условия на зимовке близки к тем, в которых вальдшнеп находится весной, после прилета в места размножения, и осенью, перед отлетом. Таким образом, 2/3 жизни вальдшнепа (с середины сентября до середины мая) проходят практически в однотипных условиях. Остальная часть жизни птицы, составляющая наиболее важный и ответственный момент их развития, включая в себя спаривание, насиживание яиц и выращивание потомства (у самок), линьку, приходится на лето и протекает в условиях, резко отличающихся от предыдущих. Тепловой режим, характерный для этого периода, и богатый растительный покров в значительной степени изменяют среду обитания. А ведь известно, что поведение животных в повседневной жиз-

ни в основном формируется под влиянием трех факторов: среды обитания, состояния кормовой базы и наличия врагов. Подстраиваясь под изменяющиеся условия, птицы летом выбирают места пребывания, наиболее соответствующие их потребностям в данное время и одновременно обеспечивающие повышенную безопасность. Как говорят охотники, вальдшнеп уходит в крепи. Идущее следом за летним периодом осеннее переселение птиц в мелколесье не относится к экстремальным событиям, оно является переходом к условиям, характерным для большей части их жизни. В это время идет подготовка к отлету на зимовку, происходит пополнение физических ресурсов. Переселение птиц в мелколесье совпадает с началом каждого ненавистных кормовых перелетов. Оба эти момента в жизни вальдшнепа являются взаимосвязанными и представляют собой звенья одной и той же цепи, главным из которых является интенсивное кормление в ночное время. Возвращение птиц в лесные массивы, на дневку связано с их безопасностью, так как кормовые места слишком открыты и находятся там в светлое время опасно. Подобный суточный режим имеется у многих других перелетных птиц, например у уток. Таким образом, все происходит по типовой схеме и каких-либо причин биологического характера в отношении локальных осенних высыпок не просматривается. Кстати, в настоящее время появились сведения о том, что высыпки вальдшнепа происходят также и на местах зимовки.

Из накопленной информации о вальдшнепинных высыпках наибольшая часть относится к вопросам, связанным с местом и временем появления высыпки. В кратком изложении она сводится к следующему: для локальных высыпок у вальдшнепов нет излюбленных мест, они могут собираться не только в привычных угодьях, но и совершенно не типичных и даже неожиданных, например поблизости от человеческого жилья (в парках, садах); пребывание птиц на высыпке ограничивается одним световым днем; в течение сезона из года в год места высыпок не повторяются.

Из всех обстоятельств наибольший интерес вызывает кажущаяся неразборчивость в выборе места сбора. Складывается впечатление, что птицы в преддверии высыпки находятся под властью какой-то стихии и вынуждены принимать решение о месте остановки второпях, не имея возможности для выбора лучшего. Возможно, что здесь оказываются задействованными факторы внешней среды, например ветер, который в жизни пернатых играет немалую роль.

В этой связи определенный интерес представляет опыт, накопленный тульскими охотниками. Чтобы стало понятным, почему мы обращаемся к тулякам, следует сказать несколько слов об особенностях охотниччьей культуры Тулы. Развитие охотничьего дела там во много-

гом обязано успехам оружейного производства. Экономическое благополучие города, обилие охотничьих угодий, окружающих Тулу (лесные массивы тульских засек, болотистые поймы реки Упы), способствовали интенсивному развитию массовой любительской охоты, в том числе с легавыми собаками. В дополнение к этому, как и во всей России, процветала ловля певчих и промысловых птиц. Наличие большой концентрации охотников в компактном районе обеспечило формирование массового знания о повадках и поведении птиц. Охота на вальдшнепа у туляков с давних пор — одна из самых любимых. В среде охотников-вальдшнепятников даже родилось новое красавое слово «молодель», которое стало обобщением таких понятий, как мелколесье, молодняк, невысокий молодой лес, молодая поросль, заросшая вырубка. Слово чисто тульское, его нет ни в одном из словарей русского языка. Вот еще один пример популярности у туляков вальдшнепа как объекта охоты. Вплоть до первых послевоенных лет, когда граница охотугодий проходила в километре от конечной остановки трамвая, находились немало любителей рано утром, до начала работы, «сбегать» на осеннюю тягу: так тульские охотники называли перелет вальдшнепа с ночной кормежки в лес. Авторитет тульских охотников в России был достаточно высок, подтверждением чему служат неоднократные упоминания о них в охотничьей литературе, например у профессора М. А. Мензбира в 1882 г., у В. Н. Каверзнова в 1935 г.

От старых тульских охотников можно было услышать такую фразу: «птица с длинным хвостом летит против ветра, с коротким — по ветру». В какой мере справедливо это утверждение, сказать сложно, однако упомянутые признаки объективно разделяют птиц на две группы, существенно различающиеся по аэродинамическим свойствам строения тела и оперения. В отношении вальдшнепа существовало твердое убеждение, что он предпочитает лететь по ветру. Этот факт многие охотники использовали при поиске вальдшнепа. Действительно, можно заметить определенную закономерность, связывающую направление ветра с расположением места дневки вальдшнепа. Например, в неширокой и длинной вырубке, начинающейся от опушки и уходящей в глубь леса, вальдшнеп обычно садится у границы крупного леса, открытой для ветра, но не на противоположной, закрытой от ветра стороне. Появление высыпок обычно ожидалось после холодной погоды с резким порывистым ветром и дождем или мокрым снегом, который частенько бывает в конце сентября — начале октября. О связи высыпок пролетного вальдшнепа с ветрами есть высказывание у Л. П. Сабанеева. В «Охотничьем календаре» он пишет, что на юге «обыкновенно высыпки бывают вместе с северными ветрами, чего в средней России не замечено».

Другой важной составляющей, характеризующей взаимодействие вальдшнепа с внешней средой, является ориентирование на местности и выбор маршрута полета. У разных особей вальдшнепа наблюдается некое единство в выборе маршрутов полета и мест посадки. Объясняется оно, очевидно, одинаковой реакцией на внешнюю обстановку, схожестью поведения в однотипных условиях. Частично это качество известно многим охотникам по весеннеей тяге. Все, кто бывал на этой охоте, знают, что вальдшнеп любит пролетать вдоль просек, лесных дорог, оврагов, около границы крупного леса. В осенний период, как уже отмечалось, за вальдшнепом замечена привязанность к определенным трассам и за пределами леса (при возвращении с кормежки).

Руководствуясь информацией об особенностях лётных и «штурманских» способностях вальдшнепа, нетрудно представить механизм образования локальных высыпок. Предположим, что на месте кормежки собралась многочисленная партия птиц, прилетевших туда из близлежащих лесов. Ветра уже нет, он затихает еще с вечера до вылета вальдшнепов на кормежку. Ночью, как правило, ветра тоже не бывает. Возобновляется он обычно после рассвета. В утренних сумерках по окончании кормежки птицы начинают покидать кормовое угодье. При отсутствии ветра они, очевидно, потянут в направлении того леса, откуда прилетели, а возможно и в другое место — у птиц есть свобода выбора. Но если надвигается перемена погоды, то ветер может начаться еще затемно. При сильном ветре птицы будут вынуждены подстраиваться под него и станут его попутчиками, а точнее — пленниками. Направление приземленного ветра не является постоянным. Оно может в некоторых пределах меняться в зависимости от особенностей рельефа местности: наличия холмов, лощин, оврагов. Вследствие этого в движущейся массе воздуха образуются местные течения, которые при благоприятных условиях могут сближать траектории птиц, поднимающихся с одного кормового участка, и группировать их в единый поток. При наличии высокой плотности вальдшнепов и в условиях кратковременно-

сти утреннего пролета не исключена возможность визуального наблюдения птицами ближайших попутчиков. Если позволяют условия, то летящие вальдшнепы могут увидеть и место посадки сородичей. Перелет завершается, как правило, при обнаружении на пути следования подходящего участка. При неблагоприятной для полета погоде местом остановки на дневку могут оказаться не только лесные массивы и привычные молодели, но и совсем неожиданные, по меркам охотников, сады, парки и другие насаждения, расположенные поблизости от населенных пунктов.

Если птицы на дневку приземлились в небольшом островке леса, то наиболее вероятно, что высыпка будет обильной. В противоположность этому случаю, в большом лесном массиве поток птиц может быть растянут по пути следования на значительной площади. По данному поводу уместно вспомнить наблюдения Я. С. Русанова, который отмечал, что в островных лесах вальдшнеп действительно «высыпает», сразу появляется в массе, а там, где леса обширны, «высыпание» вальдшнепа происходит как-то постепенно.

Из рассмотренных примеров можно сделать заключение, что при благоприятном стечении обстоятельств высыпки вальдшнепа могут возникать чисто механическим путем с помощью стихийного организатора — ветра. Это логично объясняет механизм формирования высыпок и хорошо согласуется практически со всеми известными фактами о них. Достаточно просто и убедительно раскрывается одна из самых загадочных сторон явления: каким образом птицы-индивидуалисты, никогда не путешествующие сообща, вдруг в большом количестве на непродолжительное время оказываются вместе.

Снятие завесы таинственности с феномена высыпок не означает, что открыта прямая дорога к их предсказанию. Принципиально это возможно, но при условии получения определенного объема необходимой информации. Чтобы с высокой степенью достоверности предугадать время и место локальной высыпки, необходимо, во-первых, разыскать в интересующем районе самое посещаемое кормовое угодье

вальдшнепов; во-вторых, обеспечить систематические наблюдения за ветровой обстановкой в вечерние,очные и утренние часы; наконец, при благоприятном ветровом режиме на карте местности или добравшись до нужного места установить район возможной высыпки и организовать поиск. Рядовому охотнику в лучшем случае могут быть известны вероятные места кормежки вальдшнепа (озимые, пастбища, паровые поля) и ветровой режим на текущий момент. При хорошем знании лесных угодий охотник может, руководствуясь знанием о ветровой зависимости вальдшнепа, ориентировочно установить вероятные трассы полета и соответственно им организовать поиск в наиболее подходящих участках. При обнаружении первых вальдшнепов появится возможность оценить прогноз и, при необходимости, скорректировать его. Такой поиск вальдшнепа на осенних высыпках проверен на практике и дает преимущество по сравнению с беспорядочным прочесыванием «молоделей», полян и опушек.

Кроме вальдшнепа загадки высыпок задают и его ближайшие сородичи: бекас, дупель, гаршинеп. Все вместе они образуют семейство бекасов в отряде ржанкообразных (куликов), а охотники и гурманы произвели их в разряд красной дичи. В образе жизни и повадках упомянутых птиц много общего с вальдшнепом. Все они — индивидуалисты. В осенний период их суточный режим, по аналогии с вальдшнепом, складывается из периодически повторяющихся циклов, включающих ночную кормежку на открытых угодьях и дневку в безопасных, удобных для маскировки местах с сопутствующими им утренними и вечерними перелетами. Высыпки на местах дневки носят непредсказуемый характер. Все представители красной дичи схожи по аэродинамическим формам и, очевидно, по этой причине имеют схожую реакцию на ветер. Как мы видим, все узловые моменты, характеризующие условия появления локальных высыпок у вальдшнепа, свойственны остальным представителям красной дичи. По всей видимости, локальные высыпки у всех происходят по одной схеме: в связи с кормовыми перелетами, по причине ветровой зависимости.

Охотники, заготовители, предприниматели!

Покупаем за наличный и безналичный расчёт шкурки и хвосты беличьи, колонковые. Оплату поставленного Вам сырья, расходов по пересыпке гарантируем в кратчайшие сроки.

610004 г. Киров, ул. Р. Люксембург, 23
тел. (8332) 62-94-27, факс 69-03-22.
E-mail: chief@brush.kirov.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Не прибытку ради, но и утешу себе творяще

Р. БОБРОВ,
кандидат сельскохозяйственных наук

Исторический опыт россиян свидетельствует: врожденный интерес к охоте редко кого оставлял равнодушным. Страсть к охоте глубоко сидела в самом подсознании народном.

Известный наш писатель Л. М. Леонов не без основания поминал о том в «Русском лесе»: «Было бы неблагодарностью, — писал он, — не назвать лес в числе воспитителей и немногочисленных покровителей нашего народа. Так же, как степь, воспитал он в наших дедах тягу к вольности и богатырским утехам в поединках, лес научил их осторожности, наблюдательности, трудолюбию и той тяжелой, упорной поступи, какой русские всегда шли к поставленной цели. Мы выросли в лесу и, пожалуй, ни одна стихия родной природы не сказалась в такой степени на бытовом укладе наших предков».

Иными словами: земледелие воспитывало в русской душе наклонность к спокойствию и вдумчивой серьезной мысли, к влиянию же охоты можно отнести такие качества русского духа, не раз удивлявший мир, как бесстрашие и стойкость, о которые разбивались былье беды и бури. Интерес к охоте у человека — генетический.

Барская охота с переменным энтузиазмом существовала в России почти во все времена ее истории. Самыми заинтересованными ее устроителями оказывались великие князья и царский двор. Расцвет охоты относится к царствию Василия III. Царский ловчий — вельможа, управлявший охотой, был одним из

приближенных великого князя. Все русские самодержцы любили охоту. Исключением был разве что Петр I, у которого за делами до нее руки не доходили. Зато преемники Петра на протяжении ста с лишним лет охоту организовывали с поистине царским размахом, не уступавшим в пышности своей лучшим королевским домам Европы. Разница, конечно, была, и прежде всего в «добычливости» и величине прибыли. В Европе, благодаря теплому климату и изобилию пищи для зверя и птицы, охота приносила неплохой доход. В европейских государствах в средние века существовал даже особый вид поощрения подданных — так называемые «регалии», то есть право на охоту в тех или иных угодьях за услуги, оказываемые королю. (А. Несалевич. Главные исторические моменты императорской охоты. СПб, 1911). Российские самодержцы прибыли заботились меньше, зато, в расчете сохранить свою забаву нетронутой, заинтересованно занимались охранностью своих охотничьих угодий. Более других в том преуспела императрица Анна Иоанновна, любившая сама пострелять, особенно тетеревов, и не допускавшая к охоте в любимых своих местах иных подданных — например, на Аптекарском острове в столице, а также на сто верст вокруг Москвы и Санкт-Петербурга. Царственные особы женского пола, как ни странно, охотниками оказывались не менее страстными, чем мужчины. Елизавета Петровна могла днями не слезать с седла в погоне за зверем. Чуть менее азартной была Екатерина II. Ее охоты были скорее придворной забавой для императорских любимцев и дипломатов. Именно при женщинах-императрицах начала формироваться при дворе особая постоянная охотничье-егерская служба: при Анне Иоанновне в 1740 г. — Ягд-Штат с управляющим императорской охотой в селе Измайлово под Москвой, а при Екатерине — уже егерская контора со штатом придворных чинов. До XVIII столетия, как известно, охота подразделялась на два раздела: «Сокольничий путь» и «Ловчий путь». Главным составляющим первого был сокол, второго — охотничьи собаки. Сокольничий путь постепенно уступал дорогу ловчemu. При Елизавете Петровне царская охота уже почти полностью была ловчей — псовой. Сама царская охота при ней перебралась из Подмосковья в Пулково, что у Царского Села, затем в Красное Село, а потом ближе к императорскому любимцу Разумовскому, в его

Все же то дал Бог на угодья человекам,
и на снедь, и на веселье
Владимир Мономах

имение Гостилицы. Побывала царская охота и в Петергофе и окончательно осела в охотничьей слободе у Гатчины, где и закончила свою славную историю в 1917 г.

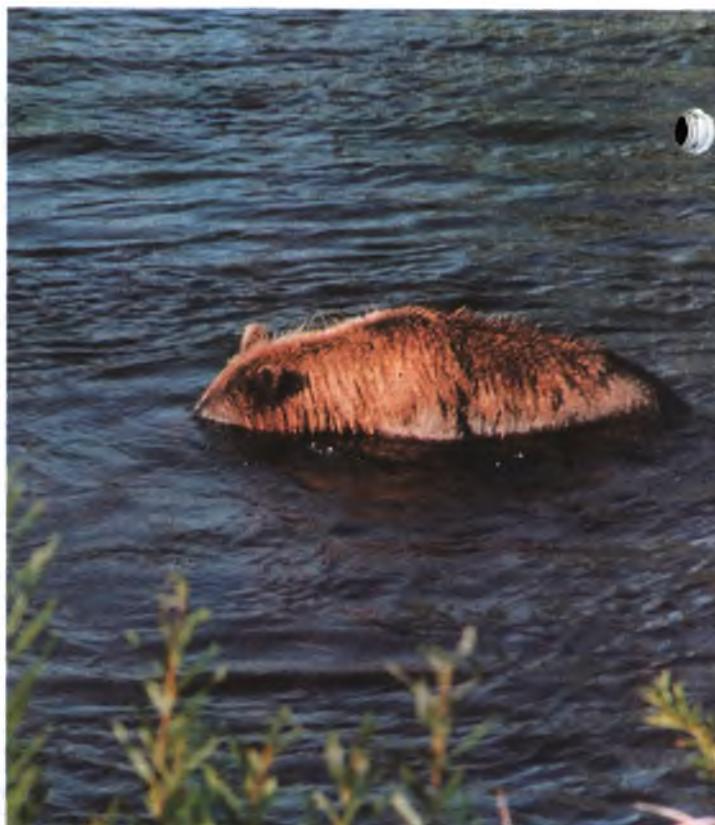
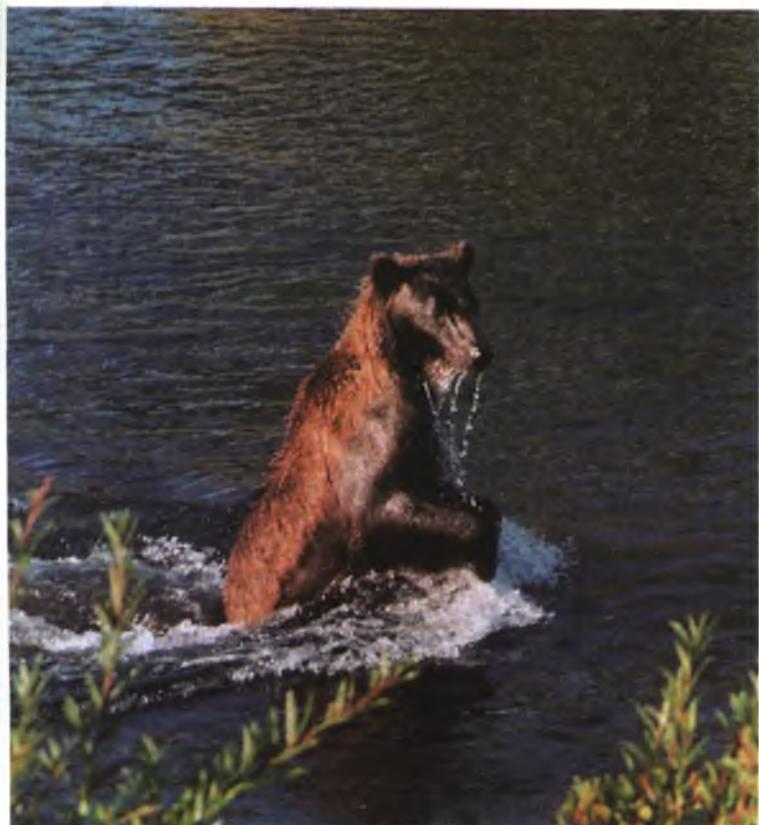
Русские императоры, в отличие от многих европейских королей, были людьми состоятельный и мало заботились в XVIII—XX вв. о доходности своей охоты. Хотя при определенных условиях охота могла бы не только окупить себя, но и приносить прибыль. По данным Г. Г. Доппельмаира («Очерки Германского охотничьего хозяйства. Петроград, 1916. М. 3.»), доходы от добывшего зверя, продажи оружия и патронов в Германии приносили до 10 млн марок ежегодно. В Австрии (по Димитцу) только одних патронов ежегодно «жгли» на 1,1 млн марок, а в Пруссии (по Реригу) — на 2,8 млн марок.

Число охотников росло из года в год. В начале XX в. численность охотников в России составляла уже несколько млн человек. Для кого-то она по-прежнему оставалась «промыслом», а для кого-то превратилась в увлекательное занятие, сравнимое с истинным «искусством», нуждающимся не только в физической, но и моральной поддержке, обретаемой в компании единомышленников. Ими могли быть охотничьи общества. К началу XX столетия (1908 г.) в стране насчитывалось 216 общественных охотничьих организаций, утверждавшихся в Министерстве земледелия, Министерстве внутренних дел и в губернском правлении. Больше всего охотничьих обществ появилось в Санкт-Петербурге и Москве (по 20—30 обществ). По 10 обществ имелось во многих южных губерниях. Центральные губернские российские города ограничивались 1—3 обществами. Общества эти по интересу своему можно было бы разделить на три группы: охотничьи, спортивные и специальные. Наибольший интерес представляли собою охотничьи общества второй группы. Кроме охоты, немало времени они уделяли знакомству с новыми видами вооружения, стрельбами. Как правило, членами их состояли офицеры и молодежь, интересующаяся оружием. Третья группа охотников состояла из охотников-промышленников, любителей собак, лошадей. Общим во всех охотничьих обществах была работа просветительская, связанная с сохранностью животных и деятельностью спортивно-воспитательной, направленная на подготовку людей сильных, жизнеспособных, привычных к невзгодам, неутомимых и страстью любящих природу.

Медведь выходит на рыбалку

ФОТОКОНКУРС

«Охота и природа, 2003»

Осень — время массового нереста лососевых рыб на Камчатке. Из моря в реки устремляются кета, кижуч, горбуша, нерка. В это же прекрасное время года полноправные хозяева земли камчатской бурые медведи стекаются к нерестовым рекам с окрестных лесов, тундр и шеломайниковых зарослей. Они выходят на Большую рыбалку, предвкушая полную азарта, съятную жизнь.

В стремлении поймать лосося медведи проявляют виртуозное мастерство и изобретательность. У каждого зверя своя тактика, в которую постоянно, в зависимости от возникающих условий, вносятся поправки. И чем старше медведь, тем более он изощрен в своем ремесле. Уважающие себя старейшины практически не делают лишних движений, их действия продуманы, отточены и результативны. Молодежь, напротив, ведет себя на реке активно и беспечно, постигая методом проб, ошибок и неудач рыболовную науку.

Часто медведи разыскивают рыбу, перемещаясь берегом либо водой вверх или вниз по течению реки. Завидев добычу, они делают стремительный бросок, стараясь схватить ее лапами и зубами. Нередко босолапые предпочитают ждать,

когда рыба подплывет к ним сама, и по долгу простояивают, просиживают или пролеживают на одном месте, внимательно всматриваясь в воду. Рыбача, медведи часто встают на задние лапы — так можно увидеть жертву с большей дистанции. Там, где из-за глубины не видно дна, животные прибегают к иной уловке: они погружают голову в толщу воды и высматривают рыбу там. С опущенной под воду головой они могут перемещаться по реке и даже гнаться за добычей. Отдельные умелцы ныряют под воду полностью и разыскивают рыбку подобно тюленям. Медведи могут выхватывать поднимающихся на нерест лососевых на перекатах. Один из интереснейших способов медвежьей рыбалки — нащупывание рыбы под водой лапами с последующим ее прижатием к дну или берегу. Часто медведи комбинируют различные способы лова.

Выуженную рыбу они могут поедать прямо на месте, стоя в воде. Если глубоко, стоят на задних конечностях и откусывают от рыбы по кусочку, удерживая ее передними лапами. Чаще животные выходят с добычей на берег и там не спеша, со знанием дела принимаются за трапезу. Не избалованные звери съедают рыбу полностью или оставляют только челюсти. При достатке корма медведи не доедают голову. Гурманы выедают только икру или молоки. Всегда найдутся желающие доесть остатки: в роли нахлебников выступают чайки, вороны, норки, а

также медведи, менее разборчивые в пище.

Чем больше в реке рыбы, тем выше численность промышляющих медведей. Одиночным по природе зверям приходится часто встречаться и порой бок о бок рыбачить. Среди животных устанавливается строгая иерархия. Доминантные особи рыбачат на наиболее удобных и рыбных местах. Другие в это время терпеливо ждут очереди. Обычно разногласий между ними не возникает, менее сильные особи уступают. Бывают случаи, когда матерые медведи, пользуясь своим положением, отбирают улов у более слабых. Лишь в исключительных случаях дело доходит до драки. Медведицы с маленькими медвежатами вовсе стараются не отмечаться на нерестовой речке, чтобы не провоцировать самцов на нападение и сохранить потомство.

Рыбы лососевые пород в жизни камчатских медведей имеют определяющее значение. Большинство животных нагуливают на них жир, благодаря которому переживают суровую зиму и весенний голодный период.

Популяции проходных рыб от этого нисколько не страдают. Медведи в основном поедают уже отнерестившихся ослабленных рыб, обреченных на гибель. Мертвую рыбой они также не брезгуют, что способствует очистке рек от загрязнения разлагающимися останками.

И. СЕРЁДКИН
Фото автора

Особенности воспитания щенков разных пород

Л. ГИБЕТ,
эксперт-кинолог Всесоюзной категории

Хорошо, когда молодая лайка начинает работать по утке

Фото автора

Выращивание и воспитание щенка — неразрывно связанные действия. Но использование охотничьих собак очень разнообразно, поэтому и воспитание щенков отдельных пород должно быть разным. Каждая группа пород, а среди них и каждая порода имеют свои особенности выращивания и воспитания. Поэтому с первых дней надо закладывать определенные навыки, необходимые для дальнейшей подготовки собаки к серьезной работе: натаске, нагонке, нахаживанию и притравке. Разберем особенности воспитания по породам.

Борзые — собаки крупного и выше среднего роста, высоконогие. Их строение свидетельствует о приспособленности к быстрой скачке. На охоте борзая должна увидеть зверя на значительном расстоянии, как говорят охот-

ники, она должна обладать «зоркостью» и, обладая большой ревностью, очень быстро его догнать, не потерять зверя при скачке и на угонках и поймать, то есть она должна обладать злобностью к зверю. Поэтому помимо общих правил осуществляется специфическое выращивание и воспитание щенка борзой.

Щенок борзой быстро растет, у него длинные ноги, и он нуждается в движении, поэтому много бегает по квартире и прыгает. Для того чтобы беготня не закончилась вывихами или даже переломами, нельзя пускать его на скользкие полы или застилать их полотенцами, старыми одеялами и т. п. После завершения прививок щенок борзой должен очень много двигаться на свежем воздухе, бегать, играть со сверстниками. До шести месяцев ему не нужны дальние прогулки, он не должен утомляться, но в то же время ему не-

обходимо много времени проводить на солнце. У него слабая мускулатура и кости еще не сформировался. Во время прогулок следует повторять и закреплять уже известные команды, а кроме того, надо приучать выполнять команду «стоять!», что очень пригодится на практике охоты. После 6 месяцев физические нагрузки нужно постепенно увеличить — в день проходить с собакой несколько километров, давая ей побегать. Для укрепления мускулатуры щенка ему полезно бегать по склону, по песку или по снегу, а летом поплавать. В это же время надо приучать щенка ходить на сворке, сначала одного, потом с другой собакой. При этом нужно следить, чтобы он не тянул поводок, а напряженно шел чуть впереди хозяина и смотрел вперед («в поле»). К 12 месяцам пешие прогулки надо увеличить до трех и более часов, чтобы молодая борзая проходила 10—15 км в день. Можно попробовать вместе со взрослыми борзыми давать щенку просакивать, но не больше одной скачки в день.

Группа других зверовых собак — охотничьих лаек резко отличается от борзых по своему экстерьеру и по использованию на охоте. Лайки по облику ближе всего к своим дальним предкам. На охоте лайка работает совершенно самостоятельно, не требует никаких указаний охотника, да обычно и не подчиняется им, за исключением подзыва. С помощью всех своих органов чувств она находит зверя или птицу и лаем подзывает охотника, одновременно следя, чтобы птица или зверь не ушли. При передвижении птицы или зверя лайка преследует их до новой остановки и опять облавливает.

У лайки прекрасный шерстный покров с жестким остьевым волосом и плотным подшерстком, которые позволяют держать ее круглый год на улице. Благодаря рациональному обмену веществ и природным качествам, лайки потребляют пищи намного меньше, чем собаки других пород. Поэтому во время выращивания щенка лайки еду можно оставлять на весь день. Щенок никогда не переест, а в течение дня постепенно будет съедать оставленное.

При выращивании щенка лайки следует заниматься не его дрессировкой, а вырабатывать необходимые в быту или на охоте навыки. С ним надо много гулять в лесу. Поначалу надо внимательно следить, чтобы его не потерять, так как он еще не умеет ориентироваться и отыскивать хозяина. По лесу, периодически меняя направление, следует ходить не по дорожкам и тропинкам, а минуя их, чтобы не приучать щенка бегать взад и вперед по дорожке. Такая отрицательная привычка может впоследствии привести к развитию прямолинейного поиска лайки, который очень нерационален: собака прямиком пробегает много необъсканных мест, а охотнику приходится делать длинные пустые переходы.

Щенка лайки можно брать с собой в лес, когда идешь по ягоды или грибы,

только нельзя увлекаться и забывать о его существовании, чтобы не потерять, а если он чем-то заинтересовался и дал голос, все занятия приходится бросать и выяснять причину лая. Если его задержка и лай нежелательны — отвести подальше. Не следует поощрять щенка облавливать ежей, раскапывать норки мышей и полевок.

При выращивании щенка и подготовке его к охоте следует применить прием, который в дальнейшем очень пригодится при натаске по белке. Во время прогулок с четырехмесячным лайчонком где-нибудь во дворе, а может быть в лесу, следует внимательно наблюдать за его поведением. Если щенок заинтересуется голубями или воробьями, а в лесу маленькой птичкой, стоит спугнуть ее, и щенок станет с интересом следить за ней. При этом нужно тихонько повторять: «следи, следи!» Если же щенок подаст голос, похвалите его: «хорошо, хорошо!» Таким образом щенок постепенно привыкнет подымать голову вверх и следить за тем, что происходит наверху, а позже следить за убегающей белкой. Только не стоит такие упражнения проводить с воронами, которые могут встретиться в лесах вблизи городов, — лайка может облять их во время испытаний.

От гончих требуется иная работа на охоте. Пущенная в поиск (полаз) гончая должна тщательно обыскивать местность и, найдя с помощью чутья зверя, поднять его (побудить) и настойчиво преследовать по следу, отдавая звучный, доносчивый голос. Казалось бы, дрессировка гончей проста — от нее требуется четко и безотказно выполнять только четыре команды: «Нельзя!» («Отрыщи!»), «Стоять!», «Вперед!», «Ко мне!» — и спокойно ходить у ноги или за ногой. На самом деле не все так просто. С трехмесячного возраста со щенком желательно много гулять в поле, в лугах, в лесу. На прогулку надо ходить до кормления щенка. Во время прогулок следует отрабатывать уже известные команды, особенно «рядом!» и «ко мне!» Дома надо начинать вырабатывать условный рефлекс на рог. Для этого недалеко от щенка дают сначала негромкий сигнал рогом, после чего ставят миску с едой, а щенка удерживают за ошейник или под грудь в продолжение нескольких секунд по команде «стоять!». После этого его пускают к миске. Такую процедуру надо проводить каждый день, постепенно удлиняя стояние перед миской до одной-двух минут. После того как щенок станет выполнять требуемое и ему исполнится полгода, подавать сигнал в рог перед кормлением можно два-три раза в неделю.

Во время прогулок перед тем, как спустить щенка с поводка, его надо выдерживать на месте по команде «стоять!» около минуты, потом пускать побегать командой «вперед!», минут через двадцать надо потрубить в рог и, когда щенок побежит, его нужно обя-

зательно поощрить лакомством и повторить всю процедуру.

Гончую часто приходится держать на привязи. Для того чтобы у нее не выработалась привычка перегрызать поводок, в продолжение первого года жизни привязывать ее надо только при помощи цепи. После такого воспитания гончая никогда не станет делать попыток перегрызть поводок. Все это относится не только к гончим, но и ко всем другим породам собак.

Охота с **норными собаками** — таксами и терьерами имеет свою специфику. Эти собаки небольшого роста должны быть физически сильными и очень выносливыми для продолжительной работы в узких норах по достаточно злобным зверям: лисице, енотовидной собаке, барсуку. Такая работа требует смелости и значительной злобы. Эти собаки могут применяться и при охоте по кровавому следу и для подачи подранков ибитой дичи. Для подготовки охоты в норах выращивание и воспитание этих собак требуют некоторых особенностей.

Норных собак очень желательно выращивать в паре с незлобной старой собакой или устраивая ежедневные встречи во время прогулок с сородичами. При таком воспитании вырабатывается бойцовский характер, так как в игре щенки берут противника «по месту»: за горло, шею и этим самым вырабатываются «приемистость» хваток, которые уже всерьез понадобятся при работе в норе по зверю.

Кроме того, с раннего возраста щенка норной собаки следует приучать интересоваться темными узкими про странствиями и заходить в них. Лучше всего это делать, если найти неширокую трубу и закатывать туда лакомство или игрушку, понуждая щенка заходить туда, а потом приучать выносить от туда игрушки. Для этого можно использовать крыльцо, какой-нибудь настил. Щенок, обученный таким приемам, смело войдет в настоящую нору.

Так называемые подружайные собаки — **легавые, спаниели и ретриверы** при воспитании также требуют специфического подхода. Легавые собаки во время охоты на большой скорости должны рационально обследовать территорию и при помочи чутья (обоняния) обнаруживать пернатую дичь, которая затаивается на земле, указывать ее местонахождение стойкой и только по приказанию охотника продвигаться и поднимать птицу на крыло. Легавую любой породы можно приучить к разыску и подаче убитой или раненой дичи с суши и с воды.

В отличие от зверовых собак, подружайные должны быть полностью подчинены воле хозяина, и поэтому их воспитание всегда более жесткое. Приходится воспитывать безуокоризненное подчинение, но при этом нельзя их лишать охотничьей самостоятельности, азартного стремления найти дичь. Помимо основных указанных выше навыков, легавые должны быть очень выдержаными, по первому звуку выпол-

нять команду «тубо!» («нельзя!»). Для воспитания этого навыка легавую каждый раз перед кормлением укладывают перед миской с едой и выдерживают сначала в продолжение секунд, а затем и одну-две минуты. После этого собаке разрешают есть.

Команду «даун!» («лежать!») легавая должна выполнять моментально по первому звуку, даже если ей приходится ложиться в лужу. Когда легавая находится вдали от охотника, может быть в поиске, она должна ложиться по поднятой вверх руке. От выполнения этой команды порой зависит успех охоты.

К стойке можно приучать щенка после того, как ему исполнится пять месяцев, во время прогулок даже в городе. Для этого, увидев кормящуюся стайку голубей, надо потихонечку подводить к ней щенка и, когда щенок начнет тянуться к голубям, надо удержать его поводком так, чтобы он остановился, как на стойке. Когда щенок немногого постоит, голубей следует вслугнуть, а собаку удержать на месте, чтобы она не сделала броска за улетающими птицами. Со временем щенок при виде голубей начинает тянуть к ним и замирать на стойке. Добившись этого, при взлете голубей щенка надо укладывать по команде «даун!». Сначала этого добиваются при помощи рывка поводком, а потом щенок при взлете птиц даже без команды начинает ложиться сам. Указанные выше уроки помогают в натаске легавой по дичи. Кроме того, собака должна быть приучена ходить рядом у левой ноги хозяина на поводке, не на тягивая его, и без поводка. Это нужно для сохранения сил собаки и хозяина на пути к охотничим местам.

Спаниели, так же как легавые, применяются на охоте по пернатой дичи. Задача спаниеля разыскать птицу, всем своим видом показать ее наличие, самостоятельно, без приказания, поднять ее на крыло и после выстрела охотника, по его приказанию, подать убитую птицу. Как и легавая, спаниель должен четко усвоить команду «нельзя!» путем выдерживания перед миской с едой, научиться ходить у ноги хозяина. Но главная для него команда — «сидеть!», которую он должен четко выполнять как рядом с хозяином, так и на расстоянии, подобно тому как легавая должна выполнять команду «даун!». С помощью команды «сидеть!» хозяин может управлять собакой на охоте и предотвращать погонку за улетающей дичью.

Ретриверы — довольно молодая для нашей страны группа подружайных собак. Основная их задача на охоте — найти подранка илибитую птицу и подать ее охотнику, желательно в руки. От этого и зависит их специфическая дрессировка — настойчивое приучение к плаванию даже в холодной воде, приучение внимательно следить за падением дичи, за жестом руки владельца, показавшего направление, в котором собака должна разыскивать дичь, безуокоризненные послушание и подача дичи.

Наш Дикуня

В горах

В. ПОЛИН

Наша семья лишилась преданнейшего друга, постоянного спутника полевых геологических работ и большинства охот последних тринадцати лет — умнейшего и добрейшего ирландского сеттера Дика, сына Лорда В. Дубницкого и Рады В. Ивлева.

Не будет преувеличением сказать, что среди легавых собак всего обширного Дальнего Востока равных ему по полевым качествам при жизни Дика не было. Судите сами. Имея год от роду, он уже имел «уверенный» (68 баллов) полевой диплом третьей степени; в три — был обладателем пяти полевых дипломов всех степеней и носил титул (увы, неофициальный — из-за неверно оформленных документов) полевого чемпиона Приморья, а по сути и всего Дальнего Востока, поскольку других полевых «перводипломников» среди легавшей в нашем регионе при жизни Дика так и не появилось.

К трем годам Дик работал по всей мыслимой для легавой собаки дичи, включая, помимо птицы, также зайцев, косуль и оленей. Причем по копытным работал именно в своей, «легавой» манере, то есть, причуда затаившегося зверя, шел на «потяжке», «подводил» к нему и поднимал «на крыло». Работал и по следу, но с обязательным со-

провождением, не отходя далеко от охотника.

Погиб он, можно сказать, трагически, будучи еще полон сил, энергии и охотничьего азарта, — из-за некомпетентности лечащего врача-ветеринара. А сколько было планов: и на ближайшие недели, и на месяцы, и на годы! Увы, остались лишь воспоминания...

Взяли мы Дикуню месячным кутенком-несмышенышем. Что сразу привлекло внимание при выборе щенка, так это его любознательность, какая-то исследовательская пытливость, доходящая до настырности. В то время как собратья сладко спали после сытного ужина, этот успел обследовать всю комнату, еще не знакомую ему, все обнюхал и лишь после этого тоже прикорнул, но во сне, по-видимому, грезил охотой, поскольку часто подергивал лапками и поскребывал. Все это решило выбор, хотя и были некоторые сомнения насчет будущих экстерьерных достоинств. Но верх взяла надежда на хорошие охотничьи качества: ведь брал-то я его для охоты! И не только ни разу не пожалел о выборе, но считаю, что мне крупно повезло, поскольку собачка оказалась, что называется, «охотником от Бога»!

Уже в полтора-два месяца Дик ста-

новился в натуральную стойку, вначале — по невесть как сохранившейся в зимней квартире... большой мясной мухе, потом — по воробьям, голубям, кошкам. К трем-четырем месяцам щенок освоил большинство команд общей дрессировки, поиск членком, потяжку, подводку и стойку, правда, еще не по дичи, а по спрятанным кусочкам печенья, сухаря, тем же воробьям и прочей живности.

В возрасте восьми-девяти месяцев Дик настолько грамотно работал по полевой и болотной дичи, что вполне мог бы получить свой первый полевой диплом, проводясь в то время испытания. По осени мы уже активно охотились на уток. Дик освоил подачу дичи с воды.

Поздней осенью того же года посчитлилось мне достать лицензию на отстрел трех фазанов и, несмотря на собственные сомнения и скепсис бывальных охотников, освоили мы с девятимесячным Диком и эту охоту. Как оказалось, вовсе не в ущерб другим, менее азартным ее разновидностям. Фазанов Дик искал самозабвенно, легко брал их верхним чутьем, но мог и подолгу тропить низом. Не скрою, поначалу он, войдя в азарт, частенько забывал обо мне и, оторвавшись слишком далеко, поднимал птицу вне выстрела. Но уже ко второму фазаньему полу природный ум и смекалка взяли свое, пошли успехи, и по третьему полу Дикуня большинство причуянных фазанов отдавал под выстрел.

Показать свои способности природно Дику представилась возможность в год с небольшим от роду, когда, после одного лишь тренировочно-го окончании зимы выхода в поле, он уверенно сработал на диплом третьей степени.

Особенно памятно лето 1993 г., когда мы с женой получили вызов — приглашение на полевые работы в составе Крестовского геолого-съемочного отряда (пос. Эгвекинот, Чукотка). Естественно, Дик поехал с нами. В течение сезона эта добрая и умная собака своим присутствием скрашивала наш довольно суровый полевой быт, напоминая о доме. Ближе к осени Дик начал оправдывать и свое прямое предназначение. К тому времени взматерили выводки белых куропаток, последо потомства многочисленных в Амгуэмо-Канчаланской тундре полярных зайцев-беляков. И мы с Диком, особенно не напрягаясь, практически ежедневно стали пополнять меню нашего полевого отряда разнообразными мясными деликатесами. Охотились, как правило, по вечерам. Из-за обширности угодий и богатства их дичью по добротной порции зайчатины и по полтушки куропатки на брата поставляли к столу почти регулярно. Попутно на близлежащем озере стреляли перелетную хохлатую чернеть, крохалей, изредка, если повезет, то и гусей, но главной добычей были все же куропатки. Охотились мы на них с учетом местной специфики не совсем стандартно.

Вначале я пускал собаку в поиск по участку мелкорослой ивняково-ольховой лесотундры. Как только Дик причищивал выводок и переходил на потяжку, я брал его на поводок, поскольку выводком куропатки стойку не выдерживают. После чего, медленно подвигаясь рядом, старался перевидеть перебегающих меж кустов птиц. Как только это удавалось, стрелял одну на земле или на взлете, вторым выстрелом бил влет. Проследив полет куропачей, после перелета пересаживающихся порознь, мы вновь подходили к ним и, теперь уже классическим методом, обыскивали новый участок. Как правило, удавалось взять еще 2–4 птицы, после чего, довольные охотой и друг другом, возвращались в лагерь, где нас ожидала почетная встреча проголодавшихся коллег-геологов.

По чернотропу нам нередко доводилось взять за выход одного-двух зайцев. Как и все беляки, чукотские зайцы в этот период лежат крепко и подпускают охотника чуть не плотную. С лежки же срываются именно в момент замирания легаша на стойке! Здесь перед охотником стоит двуединая задача: резкой командой осадить собаку, не дав ей погнать, и быстрым точным выстрелом положить бегущего зайца. В принципе это напоминает охоту с первопольной собакой по дупелю. После небольшой практики получаться у нас с Диком стало очень неплохо. По эмоциональности, общему настрою, равно как и по результатам, эта охота, на мой взгляд, даже превосходит охоту по болотной дичи.

Пять полевых геологических сезонов мы отработали с моим верным «Гобой» (так поначалу звал его наш малолетний сынишка) в Приалданье, близ границы южной Якутии и севера Хабаровского края. Горно-таежная местность, характерная для Приалданья, конечно же, не лучшее место для охоты с сеттером, но и здесь Дик лишним не был. Места те богаты соболем, оленями, медведем, глухарем, рябчиком, реже встречаются белка, выдра, норка, горностай, росомаха. Пушных зверьков Дик легко причищивал на земле и в валежнике, иной раз и сидящего невысоко на дереве деликатно облавивал, но быстро терял его, стоило зверьку уйти в крону. Но вот куропаток на верховых затундрованных болотцах и марях мы по осени все же постреливали. В маршруте, попутно, порой брали и одного-двух рябчиков — столько, сколько требовалось для полевого обеда. Изредка встречались и глухари, но с охотой на них как-то не везло. Надо отметить, что каменный глухарь в тех краях водится местами в изобилии.

Больше всего петухов встречалось в районе старого большого горельника, по обоим бортам долины длинного топкого ручья, где они кормились прошлогодней брусликой. Глухарей Дик срабатывал классически, челноком обыскивая местность и стойкой указывая на затаившегося бородача (копалухи стойку не держали). Как-то, идя на

потяжке, Дик поднял сохатого. Некоторые петухи затаивались под стойкой, но в большинстве не выдерживали ее и медленно, с оглядкой, уходили, недовольно тккая, с тем чтобы, после небольшой пробежки, с шумом перелететь метров за 200–300. Одного лишь, на свою беду не очень боязливого и присевшего метрах в ста на сухостоину, я отстрелял. По прочим же лишь имитировал охоту, поводя стволом карабина вслед улетающим. Не буду лукавить, уверяя, что ощущения при этом были те же, что при полноценной охоте, но эмоции тем не менее были через край, особенно у собаки, которую более всего обескураживало молчание моего ружья.

Говоря о полевых работах, нельзя не вспомнить, что Дикуня несколько раз фактически если не спасал мне жизнь, то помогал избежать беды — уж точно! Как-то раз, описывая пробы, я так увлекся работой, что не заметил и не услышал почти вплотную подошедшего ко мне с горы медведя. И тут-то Дик, до той поры дремавший у моих ног, вдруг с громким рычанием бросился куда-то мне за спину, откуда тотчас послышался треск ломаемых ветвей. Схватив ружье и быстро обернувшись, я успел

у заслуженной добычи

лишь увидеть зад убегавшего «лесного хозяина» да взъерошенного напружинившегося кобеля, яростно лаявшего медведя вслед. Наверное, для медведя эта встреча была не менее неожиданной, чем для нас, но именно в этой ситуации он мог бы, с перепугу, основательно помять меня, не спугни его собака. И еще не раз, то в Приалданье, то на Чукотке или юге Приморья, Дик, прочесывая местность впереди по ходу маршрута, спугивал медведей, которых я успевал увидеть, как правило, лишь мельком.

Еще вспоминается, как однажды в Приалданье, на хребте Кет-Кап, Дик выручил наш полевой отряд из 17 человек, бедствовавший из-за нехватки продуктов, связанной с серией затяжных циклонов, не пропускавших вертолет. В одном из дальних маршрутов он помог вытрапить крупного быка-согжоя, мясо которого мы потом экономно растянули без малого на три недели, до прихода «вертушки» с продуктами, что в итоге позволило продолжать работы и не сорвать выполнение геологического задания. А уж случаев, когда Дикуня помогал по возвращении с маршрута в ночное время, безошибочно выводя меня к лагерю по бездорогу

жью своим более чем полусуточной давности следом, пожалуй, и не счесть!

В заключение хочется рассказать о наиболее мощном пласте нашей совместной охотничьей жизни — осенней охоте на фазана. Посумме переживаний и глубине эмоций, по степени серьезности и длительности подготовки к ней, по красоте как самой охоты, так и, в еще большей мере, ее трофеев, нет на юге Дальнего Востока более увлекательной, интересной, а нередко и добывчивой охоты, чем эта!

Готовиться к ней начали еще с весны, закупая наиболее подходящие боеприпасы, снаряжая (вручную, для надежности) патроны, обдумывая список необходимого и планируя будущие маршруты. К началу сезона надлежало оформить уйму разрешительных бумаг, да не абы куда, а в проверенные места. В Приханковье, в северо-западном углу Приморья, есть у нас этакое фазанье Эльдорадо, куда наиболее опытные фазанитники стремятся попасть в первую очередь, желательно на открытие сезона. И когда решены все проблемы, в том числе транспортная, наступает долгожданный момент выхода на охоту...

И если у тебя хорошая собака, работающая не только с азартом, но и с умом, если сам ты не последний стрелок и серьезно подготовился к охоте, наконец, если имеешь на примете забетные места или хотя бы умеешь их находить, — успех тебе и твоему четвероногому напарнику обеспечен, равно как и огромная масса удовольствия вам обоим!

С охотой у меня связано множество воспоминаний и переживаний: и от картиных, мертвых стоек, и, напротив, от длительного напряжения при распутывании следа, нередко завершающегося бешено гонкой по сверхгорячему следу, с итоговым подъемом на крыло ушлого петуха-профессора. Не раз и не два после отличной работы собаки хотелось расцеловать ее добрую и тоже весьма довольную результатом физиономию! Бывало и так, что, потеряв на быстром скаку след, Дик резко тормозил, после чего закладывал широкий, почти правильный круг, порой — еще и еще, пока вновь не становился на след. Случалось, запетлявший фазан уходил внутрь круга, прячась где-то возле меня, и тогда подъем его происходил буквально рядом, заставляя вздрогивать, а то и... пуделять, чего греха таить!

Должен отметить, что до большинства охотничих премудростей Дик доходил сам, равно как самостоятельно освоил своеобразный анонс: отыскав далеко ушедшего подранка и придавив его, Дик немножко забавлялся, восторженно обнюхивая добычу и зарываясь носом в перо, затем возвращаясь ко мне, всем своим видом приглашая следовать за ним. Подведя к добыче, он трогал ее лапой и подталкивал носом, как бы предлагая: «Вот он, красавец, можешь забирать!»

Красную дичь Дик явно предпочитал водоплавающим, и переубедить его не удавалось. Сначала я пытался принуждать, даже наказывать его, но в конце концов смирился, поняв, что «каждому — свое!» В прочих ситуациях претензий к Дику практически не было. Даже случавшиеся, в общем-то, редкие потери фазаных подранков были вполне простительны, поскольку происходили они либо в местах кормежек птицы с множеством свежих жировочных набродов, либо при пересечении собакой нового фазаньего следа, еще более «горячего», чем у подранка.

Ряд последних лет мы выезжали на фазанов сплоченной компанией из пяти охотников и трех собак. Бессобачники постоянно оказывались в аутсайдерах. Причин тому было несколько, и все они связаны с отсутствием четвероногого помощника: это и меньшее число встреч с птицей, и невозможность предварительного настроения на выстрел, и, главное, на порядок большее число безвозвратно ушедших подранков. Про огромный проигрыш их охоты в плане эмоциональном нечего говорить!

Как стрелок я не выделяюсь из нашей тройки собаководов, тем не менее по результатам охоты ниже почетного второго места никогда не опускался, в основном благодаря хорошей работе Дикуни. Некоторое снижение результатов происходило либо из-за потерь подранков, которые у моего главного соперника, спаниелиста Сергея, случались реже, либо из-за вынужденно предельной дистанции стрельбы, поскольку быстрая напористая работа собаки иногда провоцировала слишком высокий вылет птицы. Дика подводило стремление к быстрому широкому поиску с работой верхним чутьем, в то время как на этой охоте, особенно при доборе фазана-подранка, требуется неторопливое скрупулезное распутывание закрученного следа с использованием нижнего чутья. Но на охоте как на охоте — бывает всякое. А уж разговоров при обсуждении результатов, с похвалой работой своих собак, хватало не только на охотничьи вечеринки и посиделки, но и на многие дни по завершении сезона.

Долго еще можно вспоминать эпизоды этой замечательной жизни! Много чего было у нас с Дикуней!.. Бывало, и болел он, порой тяжело, и выхаживали мы его тогда, как ребенка; были и беды на испытаниях и выставках; много прошло незабываемых разнообразных охот... Но главное, Дик остался в памяти всех нас умным, неизменно ласково-добрым, преданным и, конечно же, неистребимо охотниче-страстным.

Похоронили Дикунию на сухом лесистом склоне на берегу Амурского залива, близ мест его былых прогулок. Дай Бог каждому охотнику иметь рядом такого преданного друга и надежного помощника!

Фото автора

БИБЛИОТЕКА ОХОТНИКА

Все о собаке. — Ростов-н/Д: Издво «Владис», 2003. — 6000 экз. 640 с.

Книга дает представление о породах собак, разведениях, содержании, воспитании и дрессировке собак, о болезнях собак и оказании докторской помощи. Отдельные разделы посвящены подготовке к выставке, а также взаимоотношениям ребенка и собаки.

Состояние популяций, охрана и использование ресурсов кабарги Восточной Сибири / Материалы региональной конференции: Вопросы охотоведения. Вып. 1. Иркутск: ИрГСХА, 21003. — 236 с.

Рассматриваются вопросы состояния региональных популяций, охраны и рационального использования кабарги как ценного охотничьего вида. Участие в обсуждении обозначенных тем не только научно-педагогических кадров факультета охотоведения, но и специалистов из различных регионов в пределах ареала кабарги позволяет констатировать высокую степень достоверности главных итоговых выводов конференции. Внедрение рекомендаций научного форума в производство значительно улучшает существование этого ценного биологического ресурса, обеспечивает его оптимальное воспроизводство, повышает эффективность охранных мероприятий, рационализирует его использование.

Собаки: Практическая энциклопедия. М.: ООО «Издательство АСТ»; Донецк: «Сталкер», 2003. — 464 с., ил.

Издание для тех, кто любит собак и хочет их завести. Содержание собаки — дело не простое. Вам нужно знать, какой породе отдать предпочтение, как правильно выбрать щенка, как за ним ухаживать, чем кормить, что делать, если заболел, как дрессировать и готовить к выставкам.

Книга предоставляет всю нужную информацию о собаках и обо всем, что с ними связано.

Янковский В. Ю., Янковский Ю. М., Янковский Ю. Ю., Янковская В. Ю., Янковский А. В. *Корея. Янковским.* Творческая сага. Позэзия. — Владимир, Маркарт, 2003. — 352 с.

Книга разделена на две части. Охотники были и семейные истории писателя Валерия Юрьевича Янковского, напечатанные в первой части, хорошо известны российскому читателю.

Вторая часть представляет всю творческую семью Янковских: отец, брат, сестра, сын — все описали свои жизненные приключения в прозе или в стихах, хотя не всем удалось посвятить свою жизнь литературному творчеству. Но дух творчества всегда жил в Янковских благодаря хорошему воспитанию и образованию.

Сергей Владимирович Мараков. В этом году ему исполнилось бы 75 лет

Фото О. Гусева

ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК

Памяти С. В. Маракова

Мой отец, Мараков Сергей Владимирович, родился в 1929 г. в Москве в семье служащих. Семья жила в старом московском доме на Таганке. А неподалеку, в Калитниках, по выходным дням шумел знаменитый Птичий рынок, куда мой дед водил сыновей. Самым лучшим подарком в семье считалась хорошая книга. Родители дарили отцу книги Брэма, Плавильщика, Кайгородова, Сабанеева и других авторов. Возможно, с посещения «Птичек», как ласково звали москвичи рынок, с чтения книг о природе и началось увлечение Сергея животными, природой. Отец занимался в кружке юных зоологов при Зоомузее МГУ.

В 1947 г., окончив школу, отец подает документы на биофак МГУ, куда он шел вне конкурса как активист кружка. И тут ему попадается на глаза газета с объявлением о приеме документов на охотоведческое отделение зверовод-охотоведческого факультета Московского Пушно-Мехового института в Балашихе. Не раздумывая он забирает документы из МГУ, едет электричкой в Балашиху и поступает в МПМИ, чтобы стать биологом-охотоведом.

Однокурсник Маракова, Виктор Александрович Игнатьев, пишет в своей книге «Биологи-охотоведы»: «В МПМИ С. В. Маракову меткие на слово друзья охотоведы дали прозвище «Профессор». То ли угадали они его будущее, то ли сам Сергей хотел оправдать шутливую кличку, но всю свою жизнь, со студенческой скамьи до последних дней, он был не по форме, а по сути своей профессором. А вот воспоминания об отце тех лет В. В. Дёжки-

на, его друга и соавтора: «Сергея выделяла из общего ряда внешность (постоянно бледное лицо с пристальным взглядом небольших глаз) и рано возникшая известность хорошего фотографа. Был он, помимо всего, контактен, любознательен до въедливости, словом, очень замечен в факультете охотоведения независимого Московского пушмеха, идеально руководимого «дядей Петей», любимым студентами профессором П. А. Мантейфелем. И у Петра Александровича он был на виду почти с первого курса как несомненный будущий натуралист».

В 1952 г. на распределении предлагаются два места на Командоры. Хотя как москвич отец мог остаться в Москве, он выбирает Командоры. В августе 1952 г. на корабле «Глеб Успенский» отец и Олег Николаевич Данилов, его друг и сокурсник, прибывают из Владивостока на остров Медный. Вот как вспоминает появление Маракова старожил алеут Сергей Илларионович Сушкин: «В те времена прибытие парохода-снабженца являлось большим событием. В выгрузке участвовало практически все трудоспособное население, включая женщин и детей старшего возраста. Вместе с пассажирами прибыли по направлению два специалиста-зоотехника, выпускники Московского Пушно-Мехового института Мараков Сергей Владимирович и Данилов Олег Николаевич. Сразу же сойдя на берег, они вместе с прибывшими и местным населением активно включились в работу — под мешки, ящики и др. Весь груз в те годы выгружался вручную. Своей контактностью, любознательностью ко всему, про-

стой человеческой добротой Мараков сразу снискнул себе уважение и авторитет, особенно среди местных жителей; у него быстро появились друзья и единомышленники.»

Отец проработал на островах почти 10 лет. Сначала зоотехником, потом сотрудником ТИНРО. Но и после отъезда он не забывает острова. Возвращается сюда снова и снова. Результаты его наблюдений легли в основу диссертации «Природа Командорских островов», успешно защищенной в МОПИ им. Н. К. Крупской. Руководителем отца был известный зоолог, профессор А. П. Кузякин. Во время своих странствий по островам отец много фотографировал, вел дневниковые записи. Все это вошло в его книги: «Край непуганных птиц», «Природа и животный мир Командор», «Каланы возвращаются на берег» (в соавторстве с Дёжкиным), «Загадочный мир островов», «Природа с фотоаппаратом» и многие другие. Он очень любил острова, их жителей. Выписывал газету «Алеутская Звезда», чтобы быть в курсе островной жизни.

С 1961 г. Сергей Владимирович работает сотрудником ВНИИЖП, который распоряжением правительства переводят из Москвы в Киров. И вся его дальнейшая жизнь связана с Вяткой. Правда, поездки не прекращаются: Балхаш, Курилы, Байкал. Он участвует в работе международных конгрессов по охране природы в Заире, в США. Получает приглашение на Всемирную Выставку Охоты в Венгрию.

С 1973 г. переходит на преподавательскую работу в КСХИ. Занимается подготовкой биологов-охотоведов, которых сумел увлечь дальними краями. Многие его выпускники работали и работают на Командорах, Камчатке, Чукотке, Курилах. Я назову только некоторых из них: Николай Мырмин, Юрий Муляр, Александр Бурдин, Владимир Бурканов, Владимир Фомин, Владимир Татаринов, Владимир Севостьянов, Александр Сомов, Владимир Арамилев и многие другие.

В последний раз отец побывал на любимых им островах в 1983 г. Очень хотел вернуться сюда еще раз, но не удалось. Не смог справиться с тяжелой болезнью. Он ушел из жизни 1 мая 1986 г., прожив всего 56 лет. В этом году С. В. Маракову исполнилось бы 75 лет. Мне хотелось бы привести слова Николая Николаевича Дроздова: «У Сергея Маракова было много профессий. Ученый, писатель, журналист, охотник, следопыт, фотограф... Но главная его «профессия» — по-настоящему Хороший человек. Добрый, сердечный, будто бы и мягкий, а попробуй, попадись ему на том, что он считает недопустимым — браконьерство ли, или просто непорядочный поступок, — уничтожит презрением, резким словом, отчуждением. Не пришло мне побывать вместе с Сергеем в его любимых местах — на Командорах, на Курилах. Но приезжал я туда ненадолго в последние годы, и всюду о нем говорят, добром поминают его дела и слова. Яркий радостный след оставил Сергей Мараков в людских душах».

Н. ФОМИНА (МАРАКОВА)

Оружие и патроны на боровую дичь

М. БЛЮМ

Патроны на боровую дичь должны быть различны по своему поражающему действию, так как на самых разных дистанциях приходится отстреливать птиц различной величины. Возьмите, например, глухаря и рябчика. Патрон, который хорош для отстрела рябчика, будет совершенно непригоден для добычи глухаря.

К боровой охотничьей дичи относятся: глухарь, тетерев, рябчик, вальдшнеп, различные виды голубей и другие пернатые.

Оружие не следует применять меньше 20 калибра, а для отстрела глухаря и тетерева оружие 20 калибра лучше иметь под патроны «магнум». Практически охотники, имеющие ружья 12 или 16 калибров, имеют как раз то оружие, которое пригодно для охоты на боровую дичь всех размеров. Перечисленное оружие пригодно для стрельбы по боровой дичи на расстояния до 55 м. Иногда стреляют и дальше, но результат редко бывает удовлетворительный. Если применить нарезное малокалиберное оружие, то глухаря можно добить и за 150 м, а тетерева, при удачном стечении обстоятельств, на расстоянии 100–120 м.

Для гладкоствольного оружия дистанция стрельбы условно разделяется

на близкую (примерно 15–25 м), среднюю (25–35 м) и дальную (40–55 м). Поскольку охотнику на боровую дичь приходится стрелять на все эти дальности, то и патроны он должен иметь с различной кучностью боя. Для стрельбы на близкие расстояния патрон в совокупности со стволовом должен иметь разброс дроби на дальности 20 м такой же, какой имеет стандартный патрон при стрельбе на 35 м. Это так называемый разбросный патрон. Патрон повышенной кучности боя в сочетании со стволовом должен иметь кучность боя на дистанции 50–55 м – такую, которая позволила бы поразить 4–5 дробинками тушку остреливаемой дичи, то есть иметь кучность стандартного патрона при стрельбе на 35 м. Это и будет достаточной кучностью боя.

Практически ее определяют так. Вырежьте силуэты всех видов боровой дичи, на которых вы собираетесь охотиться и для отстрела которых вы сами будете снаряжать патроны. Затем, снаряжив, к примеру, разбросный патрон для стрельбы на 15 м, вешаете мишень с кругом диаметром 75 см и точкой прицеливания в центре диаметром 5 см. После выстрела соответствующим номером дроби для той дичи, на кото-

рую вы собирались охотиться, накладываете на дробовые пробоины силуэт дичи. Если 4–5 пробоин в разных местах 75-сантиметрового круга располагаются на площади силуэта, то это как раз то, что вам нужно. Более плотная осыпь будет сильно разбивать тушку, а менее плотная не всегда надежно поразит дичь.

Таким же образом определяют эффективность стрельбы из конкретного ружья по всем видам боровой дичи на разные дистанции стандартными патронами и патронами повышенной мощности и кучности боя, а также покупными.

Теперь остановимся на тех основных моментах, которые необходимо знать для качественного снаряжения всех типов дробовых патронов.

Прежде всего, для снаряжения патронов желательно применять согласованную со стволов вашего ружья дробь. Согласованная дробь – это такая дробь, которая укладывается в дульном срезе ствола ровными слоями, плотно прилегая друг к другу без выпучиваний и просветов между дробинами. Согласованная дробь улучшает равномерность и кучность боя на 3–7 %. Следует обратить внимание на то, что согласованная дробь должна иметь дробинки одинакового размера, что влечет за собой необходимость в ее просеивании.

Пороховой картонный пыж должен быть сделан из плотного картона толщиной 1,5 мм, а общая толщина картонных пыжей, досыпаемых на порох, должна быть не менее 3 мм. Очень хорошую обтюрацию дают картонные чашечки с высотой обтюрирующей юбочки не менее 3,5 мм, которая направлена в сторону порохового заряда. Все это обеспечивает равномерную передачу давления пороховых газов на войлочный пыж и дробь, не допуская их прорывов. Чтобы картонный пыж не промокал от осадки войлочного пыжа и не пропускал ее в пороховой заряд, он должен быть покрыт с обеих сторон водостойким лаком.

Пороховой войлочный пыж должен изготавливаться из однородного плотного войлока без каких-либо вкраплений инородных частиц и иметь строго цилиндрическую форму с параллельными плоскостями срезов. Цилиндрическая поверхность должна быть осалена на глубину 2 мм; диаметр пыжа должен превышать диаметр канала ствола на 0,2–0,3 мм, а высота пыжа должна равняться половине диаметра канала ствола с допуском +1 мм. Войлочные пыжи незаменимы при охотах на морозе, а при плюсовых температурах можно использовать, помимо войлочных, полиэтиленовые пыжи различных конструкций, но лучше с контейнером для дроби.

Полиэтиленовые пыжи с контейнером повышают кучность боя до 15 %, что позволяет поражать дичь на более далекие расстояния, а также увеличивают начальную скорость дроби. Кроме того, они обеспечивают стабильный

бой ружья и делают все дробины убойными из-за отсутствия их истирания о стенки канала ствола при движении дробового снаряда. Это как раз то, что необходимо для создания патрона с увеличенной мощностью и кучностью боя. Увеличить кучность боя и дальность поражения можно и за счет заполнения промежутков между дробинками каким-либо сыпучим материалом.

Надо сказать, что применение дробового контейнера в сочетании с заполнением промежутков между дробинами сыпучим материалом создаст наиболее благоприятные условия, сводящие к минимуму разброс дробин, а значит такой патрон позволит поразить дичь на расстояниях 40–55 м, а иногда и дальше.

Так называемый стандартный патрон снаряжается с войлочным осаленным пыжом или с полиэтиленовым, но без контейнера для дроби или пересыпки дроби сыпучими материалами.

Разбросные патроны или с пониженной кучностью боя можно снаряжать различными способами. Снижение кучности боя на 35–40 % можно получить с помощью расслоения дроби в снаряде. Для этого засыпают порцию дроби, равную 1/4 или 1/5 от полного веса дробового снаряда, на основной пороховой войлочный осаленный пыж, на котором обязательно следует поместить картонную прокладку, прежде чем начнете засыпать дробь. Затем досыпается войлочный пыж толщиной 3 мм и снова дробь. То есть весь дробовой снаряд разделяется на части тонкими войлочными пыжами. После засыпки последней порции дроби на нее помещается картонная прокладка, а края гильзы завальцовываются. Можно дробь разделять и картонными прокладками, но это менее эффективно.

Снижение кучности боя на 30 % по сравнению со стандартным патроном можно получить за счет картонной крестовины, вставленной в дробовой снаряд. В гильзу с пороховым зарядом и войлочным пыжом, на котором расположена картонная прокладка, вставляют крестовину, изготовленную из двух картонных прокладок толщиной 1,5–2 мм. Для этого каждую прокладку разрезают по радиусам до центра и разрезами вставляют друг в друга. В образовавшиеся четыре отделения засыпают 4/5 дробового снаряда. Затем досыпают картонную прокладку толщиной в 1 мм и на нее высыпают оставшуюся часть дроби. Сверху кладут картонный дробовой пыж, а дульце гильзы завальцовывают.

Для получения дробовой осыпи диаметром 70–80 см на дальности 15 м войлочный пыж высотой 15–18 мм следует надрезать сверху вниз через каждые 3 мм (для 12-го калибра) параллельно оси пыжа, не доходя до конца около 4 мм, а затем такие же надрезы делают перпендикулярно предыдущим. Таким образом, с одной стороны пыжа образуется нечто похожее на «кисточ-

ку», или, если хотите, на «лапшу».

Снаряжение производится следующим образом. На основной войлочный обтюрирующий пыж засыпают 60–70 % дробового снаряда, затем вставляют разрезанный войлочный пыж «лапшой» вверх и насыпают оставшуюся часть дробового снаряда.

Каким же образом конкретно поступать при охоте на ту или иную боровую дичь?

При стрельбе по рябчику или вальдшнепу с расстояния 15–25 м следует применять патроны с дробью № 7–9 из стволов с цилиндрической сверловкой. Для ружьи 12 или 16 калибра применять разбросные патроны, а для 20 калибра – стандартные. Ружье может быть двуствольное с короткими (600–650 мм) стволами, короткоствольные самозарядки, магазинки с болтовым затвором или помповики. Если же дистанция стрельбы предполагается не ближе 25–35 м, то дробь рекомендуется применять не мельче № 8 при стандартном снаряжении патронов, причем дульные сужения в стволах 12 или 16 калибров должны быть получоками, а в 20 калиbre – полным чоком. Двуствольные ружья должны иметь нормальную длину ствола (680–750 мм), это же относится и к одностволкам. Для стрельбы на 40–55 м следует применять патроны повышенной мощности или «магнум» (особенно это касается ружьи 20 калибра) и стрелять только из стволов с полным дульным сужением (чоком) и нормальной длины.

При отстреле диких голубей на расстояниях 15–25 м следует использовать цилиндрический ствол 12 или 16 калибров нормальной длины и разбросные патроны с дробью № 7 или 6. Ружье 20 калибра должно иметь получоковую сверловку, а применять в нем следует стандартные патроны. Если дистанция стрельбы находится в пределах 25–35 м, то любое применяемое оружие должно иметь стволы стандартной длины при использовании обычных патронов с дробью № 6 или 7, а в 20 калибре желательно иметь ствол с полным чоком. Для стрельбы на 40–55 м используется дробь № 6 или 5 с чоковым стволов. В стволах 12 и 16 калибров следует применять патроны с повышенной кучностью боя, а в 20-м калибре – патроны «магнум». Система оружия может быть любой, но со стволами обычной длины.

Если вам необходимо добить тетерева, то, вооружившись 12 или 16 калибром со стволов, имеющим цилиндрическую сверловку, можно порекомендовать для стрельбы на 15–25 м разбросный патрон с дробью № 7 или 6, но и для 20 калибра следует применять патроны «магнум» из оружия, рассчитанного под такой патрон. При стрельбе на большее расстояние, до 35 м включительно, следует применять ствол 12 или 16 калибра со сверловкой получок и стандартный патрон с дробью № 5 или 4, а 20 калибр можно использовать только с тем оружием, ко-

торое рассчитано на применение патронов «магнум». Если приходится стрелять на 40–55 м, то следует брать патроны с дробью № 4 или 3 и ствол с полным чоком. Для 12 и 16 калибров патроны нужны с повышенной кучностью боя, а в 20 калибре применять только оружие, рассчитанное под патроны «магнум», и, соответственно, такие патроны. А если расстояние до тетерева 60–120 м, то можно применить оружие, рассчитанное под патроны кольцевого воспламенения калибра 5,6 мм, с начальной скоростью пули весом 2,6 г не менее 400 м/с. Для этого надо только иметь магазинный или самозарядный карабин, но можно и трехстволку или комбинированную двустволку с оптическим прицелом с шестикратным увеличением.

И, конечно, возделенный трофей для охотника – это глухарь. Если он находится от вас в 25–35 метрах, то стрелять в него следует из получокового ствола 12 или 16 калибров стандартным патроном с дробью № 4 или 2 из тяжелого двуствольного ружья, один ствол которого имеет получоковое сужение, а другой – полный чок. Либо использовать помповик или самозарядку с полным чоком. При охоте на глухаря с ружьем 20 калибра нужно применять патроны «магнум». Если расстояние до глухаря 40–55 м, то ствол нужен 12 или 16 калибра только с полным дульным сужением, а патроны с повышенной кучностью боя и дробью № 3; если ружье 20 калибра, то только под патроны «магнум». Если глухарь находится от охотника на расстоянии 60–150 м, то его можно взять только из достаточно мощного оружия калибра 5,6 мм, а патрон должен иметь оболочечную пулю с начальной скоростью не менее 600 м/с.

Проанализировав все вышесказанное, приходим к выводу, что самым универсальным ружьем для боровой дичи на все доступные дистанции является трехствольное ружье с двумя стволами 16 калибра и нарезным стволов под патрон типа «Хорнет». Для охоты же в обычных условиях, где следует применять дробовой выстрел, лучше, чем двустволка 16 калибра, вряд ли найти. Судите сами! На глухаря 16 калибр: получок и чок для стрельбы на 25–55 м; для отстрела тетерева, дикого голубя, рябчику и вальдшнепа то же самое. Так что этот калибр самый универсальный, наиболее приемлемый для длительных ходовых охот, так как в меньшей степени утомляет охотника (ведь вес ружья меньше), что способствует более точному выстрелу. А это и меньший вес патронов и более дешевая их покупка при том же количестве, что потребуется к оружию 12 калибра, а результативность выстрела зависит от тренированности охотника в любом случае. Так что спасибо заводу «Молот», что он начал серийное возрождение этого калибра.

Феерия осени

В. ИЖКО

Порой мне кажется, что я в деталях помню каждый из примерно 1200 моих охотничьих походов, но один из них, волею стечения особого рода обстоятельств, все же следует выделить.

Наступили наконец возделенные дни спелой охотничьей осени. Спелую осень охотничья натура узнает с закрытыми глазами, чутко и трепетно обоняя ее тайный исцеляющий бальзам; именно запахи спелой осени вместе с ее красками возбуждают во мне непередаваемый эйфорический озноб — одно из самых благостных и желанных состояний.

Спелая осень волнует и торопит, скротечна она — глядиши, и уже перестояла: там мощный «Кировец» перепахал заросшую бурьяном, пахнущую прелой тыквой бахчу, здесь, хуже всего, заполыхали огнем камышовые заросли, отравляя живительный бальзам осени ядом дыма и гари...

От выходного к выходному унимается буйство красок, и однажды, проводя последних вальдшнепов, замечаешь, что все стало не так, хотя охотничий сезон продолжается.

Накануне того памятного дня до меня дошел слух о «курятнике» за поселком Адагум. «Курятником» на местном охотничьем сленге называется участок угодий, который облюбовали фазаны и где последние пребывают в великом множестве. Для истого дратхаариста не было предела фантазиям предвкушений, а бессонная ночь почти наверняка была гарантирована.

Скомкав ночь кое-как, я поднялся очень рано: первый рейс автобуса до Адагума в 5 утра, езды на автобусе минут сорок, а там пешком в сторону Кубани около 6 километров.

Вышел во двор «осмотреться» на погоду — и так и застыл на несколько минут, подняв голову и обратив свои очи на небо... Право, не знаю, что в большей степени произвело на меня увиденное — изумление, удивление или, не скрою, небольшой мистический «напряг»... Шел настоящий «звездный дождь»! Конечно, я и раньше видел «падающие звезды», но это...

Уже вечером, к концу дня, из новостных телевизионных сообщений я узнал об ожидаемом природном явлении, но в этот момент был потрясен увиденным. Это производило совершенно магическое действие на впечатлительную натуру. В этом зрелище было что-то абсолютно фантастическое! Поистине космический гипноз... Впечатление было настолько сильным, что смеша-

лись чувства: небесная феерия завладела мною настолько, что на какое-то время приглушила переживания и эмоции предстоящей охоты. Весь путь до автостанции я преодолел в каком-то забытьи, пребывая во власти «сил небесных».

До отправления автобуса оставалось несколько минут, и я зачарованно продолжал смотреть в небо. Причудливые, размытые инверсионные ленты хвостов тянулись из десятками, сотнями метеоритов по всему небосводу. В зависимости от стороны горизонта они были то фиолетово-розовыми, то оранжево-зелеными и не вдруг, а медленно таяли, растворяясь в густом ультрамарине неба...

На все это время я даже забыл про свою любимицу Марту, сидевшую рядом и с тревогой смотревшую на меня. Ей наверняка передалось мое состояние, и она выразила его взглядом и своим собачьим чутьем.

Личное дело каждого, верить или не верить в предзнаменование, но помимо воли из глубины подсознания возник вопрос: в честь какого великого торжества этот небесный салют? Торжества добра или зла, жизни или смерти? Время нынче какое-то...

Автобус с темными окнами и единственным пассажиром без огласки тихо «снялся с якоря», и я чуть не остался один на один со звездным небом. Хватившись, мы в последний момент застыгнули на подножку.

Почему-то не хотелось, как обычно, вести разговор с водителем так, ни о чем... Я сидел и молча смотрел сквозь грязное оконное стекло на небо. Несколько тяготило то, что ни водитель, ни пассажир никак не выразили своего отношения к происходившему над их головами.

Незаметно подъехали к Адагуму. Выйдя из автобуса, мы пошли по осевой дороге, разделяющей поселок на две части, прочь от оживленной трассы, в заветное урочище, поближе к Кубани.

Магия звездопада продолжалась, она даже усилилась по мере удаления от огней поселка и животноводческой фермы на его окраине. Среди степного приволья ее уж не стеснял электрический свет и мирские звуки.

Здесь, в одиночестве, в предрасветной тишине стало чудиться, что от небесного фейерверка исходит легкий, приятный уху звездный шум. Я тотчас же поймал себя на том, что подобный звездный шум я уже слышал, когда ле-

жал лицом к небу в копне соломы, когда августовскую ночь перед открытием охоты на перепела. Это было давно, в донской степи, и вот... Тогда, помнится, меня вспугнула от сладостного забытья большая сова, бесшумно опустившаяся совсем рядом на соседнюю копнушку соломы...

Мы двигались набитой дорогой в сторону Кубани. Приближался рассвет. Небо слегка просветлело, и зрелище, безраздельно владевшее мною, меняло краски и формы. Издалека, из-за горизонта, солнце начало поднимать, подпирая своими еще невидимыми лучами, купол этого доселе невиданного действия: хвостатые звезды вспыхивали выше и выше, хвости их становились белесо-бежевыми и наконец совсем померкли в свете зарождающегося дня.

Охватило состояние какой-то неопределенности — то ли беспричинной тревоги, то ли сожаления, что небесное представление окончено...

Неизгладимое впечатление породило мимолетное смятение: а куда, собственно, я иду?.. В этом промежутке на время приглушились даже охотничьи инстинкты. Я буквально потерялся между небом и землей.

Из мира мистического в мир реальный меня выдернуло не менее магических действующих, трудно подражаемое гортанное: ко-хок, ко-хо-хок-ко-хок!..

Марта встрепенулась: каким непостижимым образом она увязывает этот гортанный клич с самим обладателем голоса? Можно понять генетический код реакции на запах птицы, но на голос!.. Голоса других птиц ее практически не волнуют.

В атмосфере раннего утра голос петуха звучал по-особому, призывающе-утверждающе. Низкий прикубанский туман скрывал от глаз «резиденцию» кликуши, но напряженный слух и буйное воображение подсказывали: это здесь, недалеко, за ближайшей грядой камыша вдоль оросителя, шагов сто, не более...

Туман ограничивал наши тактические возможности, и мы невольно его пережидали, унимая с трудом волнующую дрожь, колотившую тело.

Волнение нарастало. И опять: ко-хок! — теперь ближе и левее.

И вдруг — Боже милостивый! — со всех сторон сразу: ко-хок, ко-хок-ко, ко-хок-ко! Проснулся «курятник», захлопнули крылья. Вдоль гряды в редеющем тумане пронеслись темные длиннохвостые силуэты четырех птиц и плавно

Наш новый автор

опустились у самой дороги, на которой мы стояли. Туман подчеркивал эффект таинства, происходившего вокруг.

Тело пронизал столбняк безудержного, неподвластного воле ликования.

Марта начинает скучить и гундеть: фазан — это ее «коронный» номер. Она все знает, все понимает и страстно торопится исполнить этот номер, который после исполнения и поцелуя в мокрый нос будет повторен на «бис».

Солнечный диск ответил взаимностью на мое ритуальное приветствие, приподняв туман, а вскоре и совсем рассеялся.

Теперь спелый осенний день выставил напоказ всю свою палитру: к северу вдалеке вытянулся мольберт пойменного кубанского леса, а вокруг на многие километры — хаотичная рельефная мозаика желтого, бурого, серого и всех мыслимых и немыслимых их сочетаний и оттенков.

Когда туман рассеялся, картина прояснилась: мы стояли у заброшенного, непонятно почему не убранныго пшеничного поля. Тучные, потемневшие от влаги колосья пригибались к земле. Все поле обильно поросло «родимым» кубанским сорняком амброзией. Дородная, густая, в пальц толщиной и высотой в пояс, а местами и по грудь, она надежно укрывала золотисто-огненных длиннохвостых кавалеров; сытный же обед, что называется, был под ногами...

Да простят меня великодушно радетели от сельхозпроизводства, но нет ничего милее охотничьему глазу и сердцу созерцания полей, на которых сражение выиграли амброзия и камыш. Как возрождаются многообразием Божьих тварей угодья, оставленные в этом сражении арендаторами и колхозниками!

Фазанье эльдорадо простиировалось на сотни гектаров вокруг, и суматошное, горячее желание объять необъятное лихорадило все больше и больше.

Уже пора, уже достаточно светло, вперед, туда, где приземлились петухи. «Ко-хок!» — как инъекция в мозг — в придорожном канале, заросшем камышом, шагах в пятнадцати...

Марта взяла «пеленг» и метров через десять замерла в мертвой стойке, тотчас прилав брюхом к земле. Это означало — петух у нее под самым носом и нужно торопиться: фазан — это не сентябрьский разжиревший перепел, ждать долго не станет, а метнувшись пушечным ядром вдоль канала, он на верняка продемонстрирует свое пышное великолепие вне досягаемости ружья...

Следует азартное «возьми». Стремительная подводка, треск камыши, наложившийся на треск тугих фазаньих крыльев — и петух с авральным «ко-хо, ко-хо-ко-хо!» ярким метеоритом, угодившим на заре в камыш, полыхнул обратно, навстречу восходящему солнцу.

Феерия продолжалась... Этот утренний миг был мигом единения небесного и земного; это был счастливый миг осмысления великой гармонии миро-

здания и осознания своего места в нем...

Заряд шестерки из штучного ижевского бокфлинта выполнил свое предназначение: был материализован и выхвачен из временного потока этот самый миг, предназначение которого — рождать мысли о вечном, о смысле бытия...

Марта быстро разыскала и с озорным «бесом» в глазах вручила мне петуха. Яркие перья прилипли к ее мокрому носу и застрияли в усатой морде, и это придавало ей очень забавный вид. Сколько раз за многие годы подобное повторялось! Но великое таинство охоты и состоит в том, что в ней нет места будничному, обыденному, нет того, к чему можно привыкнуть, потерять осторожность переживаний.

Это был поистине миг великого торжества. Опять нахлынули «космические» впечатления: не торжество ли сегодняшнего дня ознаменовали Высшие Силы звездным дождем? И следом тревожное: доведется ли еще вот так, спешным осенним днем... Неутешительные экологические тенденции все назойливее подпитывают подобные опасения.

Я держал петуха в руках словно впервые: прикладывал к щеке и губам теплую, благовонную первьевую кольчугу на его груди, которая была выкована из дивного сплава, потому как сработана была Самим Создателем — первым мастером-штурщиком во всем мире.

Более четверти века назад я впервые держал петуха-фазана в руках, но с годами эмоциональное восприятие только усилилось...

Алые, в изумрудно-черную мелкую пестринку бархатные щеки, острые шпоры, длинные в «елочку», полосатые перья-стрелы хвоста. Похоже, голову свою фазан подставил кисти Творца в момент, когда тот наносил краски «зеркальца» на крыло крякового селезни...

К бедру прильнула услаждающая тяжесть приторченного петуха; кончики хвостовых перьев чертили по земле, и это умиротворяло. Не пристало до поры мять в рюкзаке его убранство.

Волнение понемногу улеглось.

Сообразно лицензионной норме мы могли добыть еще одного петуха. Двинулись по краю пшеничного поля. Конечно же, кормиться фазаны должны здесь, хотя пристрастия их непредсказуемы.

Не суждено было в это утро разместиться выбросу адреналина: по периметру поля, по межевым дорогам между невероятно заросшими чеками — всюду был частый пункт фазаньего помета. Так мастер с помощью кондитерского шприца кремом украшает праздничный торт.

О, это было зримое подтверждение того, что фазанов много, ой как много! Это уже демонстрировала Марта: прилав брюхом к земле, она буквально ползла по краю поля и скоро замерла в стойке перед нешироким прокосом в огромном массиве.

По поведению собаки я предположил, что это курица-фазанка. «Просто-ватель» в сравнении с петухом не только в оперении, но и в поведении под собакой, сразу три курицы шумно поднялись на краю прокоса. На курицу — табу. Для меня табу не нормативное, табу — нравственное. Благоговейно провожаю птиц взглядом, втайне надеясь, что хоть одна из них доживет до следующей весны...

Не очеловечивая собаку, все желагаю, что за многие годы охоты она научилась адекватно реагировать на отсутствие выстрела после подъема курицы. Глаза ее выражают спокойное, меланхоличное «что, опять?» или «ну так и знала!»

Петухи, ко времени, устроили перемолчу. Если бы не «какофония» на рассвете, если бы не бисер помета на дороге, неискущенный охотник без собаки и не подозревал бы, что забрел в «курятник».

Марта была в ударе. Набродов было очень много, и она изрядно горячилась. Стремительный прямик по прокосу однозначно указывал — петух! Я едва успевал за собакой; фазан, висевший на тороках, мешал бежать, и его приходилось придерживать рукой. Секунд через двадцать я смиренно осознал — не успеваю!

Фазан петардой взорвался впереди, прямо по прокосу, шагов за двести. Марта вернулась, тяжело дыша, в глазах ее было участливое: «Бывает, а что поделаешь?»

Наверняка здесь неподалеку таилось еще много птиц, но ноги, вслед за глазами, уже несли меня туда, к картинным бивуакам арендаторов-овощеводов, рядом с которыми в амброзиевую крепь опустился петух-мудруля. Именно такие «мудрецы», а отнюдь не «халявные» поддерживают в сердце огонь безотчетной охотничьей страсти.

Глазомер довольно точно определил координаты поиска. Марта немного впереди горячо пыталась напасть на волнивший запах.

Предстояла непростая задача: плотная амброзия стояла высотой по грудь. По ней трудно ходить, не то что бежать, но главное — крайне проблематично было следить за собакой: ее маршрут выказывали только качающиеся верхушки бурьяна, благо не было сильного ветра. В противном случае контролировать собаку и вовсе не представлялось возможным.

Марта быстро прихватила беглеца и пошла, поехало...

В крепи петух находился в своей стихии. Здесь он хозяин положения, здесь он проводит «тестирование» и охотника, и собаки.

Сейчас мне непременно нужен был именно этот петух; он мне был нужен как доминантная нота в мелодии сегодняшнего дня...

Я с трудом поспевал за собакой: неужели и на сей раз он нас перемудрит?! Временами я терял собаку из вида, а обнаружив, устремлялся быть накорот-

ке. Наше «броуновское» движение по высокому бурьяну и глубоким бороздам под ногами быстро изматывало, кровь подступила к вискам. Сердце колотилось уже где-то под горлом, а предстоящий выстрел (если суждено!) имел все меньше шансов на результативность.

Скоро стало очевидно, что фазан направляется к широкой полоске высокого камыша, контрастно возвышающейся над огромным массивом бурьяна.

У самого камыша Марта остановилась. Я не видел ее и лишь гадал, с какой стороны и как далеко вылетит петух. Он упредил мой посып собаки, спровоцировав ее: Марта с голосом, наверняка по зрячему, бросилась вслед. После спринтерской двадцатиметровки петух свечкой взмыл над бурьяном.

Распиравшее волнение и неровное дыхание никак не давали петуху задержаться на планке моей ижевки...

Неуверенно стреляю на паршивенькую тройку. Результат — так и есть, подранок... Что ж, для меня «выяснение отношений» с этим петухом на этом закончилось. А для Марты, похоже, только начиналось... Заходил ходуном бурьян на том месте, куда упал фазан. Временами взлаивая, легавая стала удаляться и вскоре совсем затерялась.

Досадуя, мне оставалось только ждать — помочь ей, увы, я уже ничем не мог; тяготило чувство вины за фальшивый заключительный аккорд.

Я безгранично верил в свою любимицу, хотя и гонимому опасению оставалось место: этот щеголь до последнего будет спасать свой эксклюзивный мундир.

Подождав минут двадцать, я выбрался на дорогу и медленно побрел, с надеждой прислушиваясь и вглядываясь по сторонам.

Оглянувшись назад, я увидел то, что так хотелось увидеть: Марта по дороге догоняла меня с петухом в зубах! Бедолага была вся мокрая и перепачканая дурно пахнущей грязью, пасть ее была забита тиной. О всех имевших место перипетиях красноречиво свидетельствовало отсутствие главной регалии красавца — его длинного хвоста! Несмотря на свой «курьезный» вид, этот трофей дорого стоил. Он был дороже десятка роскошных других.

Марта распласталась рядом, тяжело дыша; глаза ее излучали торжество выполненного долга, в них читалось: «А как же? знай наших!»

Только теперь можно было слегка ослабить до предела натянутые струны. Расположенный неподалеку островок камыша послужил мне алтарем: я встал на колени, ревниво таясь от посторонних глаз, обратился к моему Богу. Я благодарил его за безграничную любовь, щедрость и снисхождение ко мне, за дарованное счастье быть сегодня здесь. Я ни о чем его не просил, потому как уверовал, что этой данности и так чересчур много...

Теперь, понемногу приходя в себя, можно было неторопом выдвигаться в сторону Адагума. Там, глядишь, еще поспеем на четырнадцатичасовой автобус... Каждую клетку наполняла сладостная истома, отзывающаяся в сознании жизнеутверждающим: «До чего же прекрасен этот мир!»

Именно в такие минуты, если на то будет воля свыше, хочется умереть, в сладостные минуты высокого блаженства...

Контуры оставшегося позади пойменного леса размывались все больше и больше. Мне нравилось отмерять пешком эти километры. Они были тихими звуками приближающейся коды сегодняшней симфонии, а физическая и эмоциональная усталость уже громоздились в построении планов на завтра: сразу сюда, к пшеничному полю, только с другой стороны, ближе к подсолнухам...

Чтобы не дергать за хвост змея-искусителя, пошли по участку гравийки, изогнувшемуся большой буквой «Г». По обе стороны дороги тянулись камышовые гряды. Марта бежала чуть впереди, старательно зондируя чутьем все по пути. Как раз в месте изгиба дороги она сходу застыла в мертвый стойке. Следует команда «возьми», и две курицы взлетают у самого края дороги. По всей видимости, они

вышли к гравийке поклевать мелкую гальку.

Успокаиваю слегка загорячивающуюся собаку, и идем дальше. Прямо впереди, в районе одиноко стоящей обгоревшей ивы, коварный змей отозвался петухом: «ко-хо-хок!» В следующий момент на дороге чудным видением «написовался» сам... С поднятым вверх торчком хвостом он перебегал дорогу. При свете дня появление его в непосредственной близости на голове производило эффект удара под дых: непроизвольная остановка и спрятая на вдохе грудь...

На секунду петух остановился в растерянности и, завидев устремившуюся к нему собаку, с паническим «ко-хо, ко-хо-хо, ко-хо-хо!» взвился по направлению к спасительной крепи.

«Так вот, — подумалось, — и портят даже вежливых собак...» Марта с трудом удалось удержать от преследования наглого «провокатора».

Наступая на горло искущению, остававшуюся и зачехляя ружье: так спокойнее (лукавое чувство!)...

По курсу мост черезбросный канал, а за ним начинается поселок.

Сразу за мостом возле безобразной свалки Марта затеяла «разборку» с деревенским Барсиком, мышковавшим в дальних городах. Если городских хозяев мусорных контейнеров она просто «имеет в виду», то деревенским, отбившимся от дома, она при случае напоминает, что по документу является душителем хищников. На сей раз я пресек ее притязания, к большому ее неудовольствию.

Идем знакомой уже дорогой по длинному поселку. Марта чинно шествует левой ногой, вяло реагируя на стервеноющих цепных узников, поднимающих на уши полпоселка. Им вторят табуны гусей-паникеров, и мы, помимо нашего желания, становимся предметом пристального внимания бдительных хуторян. Им неведомо, что их гуси-утки вместе взятые нам не нужны и даром, что мы обладаем райской птицей! Поселок заканчивается; вытягиваемся на противоположную сторону трассы...

Подобрал нас попутный вахтовый «рафик», к моему удивлению резко сам притормозивший. Причина столь редкого по нынешним временам жеста тотчас же прояснилась:

— Ну шо, убил?

— Убил, — отвечаю, простодушно ухмыляясь...

— Как твой, хорошо гоняет?

— Хорошо, — отвечаю.

— А моему уже третий год, и не гоняет, гад, ни хрена, — продолжал раздущий водитель «рафика». — И что с ним делать, не подскажешь?

— Да Бог его знает, — вяло отвечаю.

— А шо у твоего за порода?

— Дратхаар...

— А мой — помесь поляка с дворняком...

Минуты через две опять вопрос:

— А твой кабана берет?

— Мой, — с трудом сдерживаю смех, — все берет!

Далее он рассказывал о своем ружье, которое лет восемь уже не чистил, и клял на чем свет стоит дорогие путевки и членские взносы.

Он еще долго о чем-то рассказывал, но я его уже не слышал. Утомленный эмоциональным напряжением мозг крутил перед глазами калейдоскоп из бежевых и фиолетовых хвостов комет, сменявшихся длинными фазаньими хвостами. В ушах стояло гортанное «ко-хок!»

Спохватился я, когда проехали светофор на углу возле магазина. Марта, спавшая как убитая у моих ног, испуганно подпрыгнула и, сориентировавшись, направилась к выходу.

Мы шли вдоль бойких торговых рядов, тесно обжатых плотной обоймой «жигулей», «Audi» и «BMW».

Марта очень вежливо, деликатно нюхала живых раков, шипастых осетров и бананы, чем вызывала добродушные умильственные улыбки и сакраментальное: «Что, не кормит хозяин? замучил бедную собаку...»

Годами она была здесь старой знакомой. «Ну хоть хвост от зайца покажите», — обратилась женщина средних лет, торговавшая семечками и таранью. Со словами: «Хоть и не от зайца, а хвост я вам покажу» я развязал рюкзак и осторожно, оправляя перья, положил на лоток своего сегодняшнего «премьера»...

Именно сейчас мне захотелось искренне поделиться частичкой пережитого с этими живущими в своем, ином мире людьми.

Немое изумление широко раскрытыми глазами рассматривало диковину. Я нарочито молчал.

Никто не проходил мимо не оставившись. Через пять минут собралось человек двадцать. «А что это?» — повторялся один и тот же вопрос.

Любопытство побеспокоило важных владельцев «круtyx» авто, наблюдавших за происходящим не выходя из машин. Подойдя ближе, они присоединились к коллективному познавательному процессу.

— Цесаря! — бросил кто-то из второго ряда.

— Это фазан, — констатировал я, разрядив обстановку.

Маленькая девочка по-детски ликовала: «Мама, мама, жар-птица!» Одни гладили петуха, другие навскидку определяли, сколько в нем мяса. Не заставило себя ждать предложение обменять фазана по бартеру.

Нет, им было не понять, что миг счастья не продаются. В городской толчее было немного не по себе от того, что не востребованы добрые традиции носить дичь на виду. Быть может, тогда многие, о ком метко замечено, что они, будучи зрячими, живут в неувиденном мире, знали бы и сказочных птиц, обитающих буквально за околицей.

Было немного не по себе и оттого, что никто не восторгался звездным дождем и даже долгожданный обычный осенний дождь после засушливого лета многих откровенно раздражал...

Рисунки Б. Игнатьева

Современные проблемы подготовки охотоведов. Материалы по охотоведческому образованию. Киров: Вятская РСХА, 2004. — 150 экз. 51 с.

Издание содержит следующие материалы: В. К. Мельников «Подготовка охотоведов в России и за рубежом», В. К. Мельников, В. М. Козлов, В. В. Ширяев «Профессионально-образовательная программа подготовки по специальности 011600 «Биология», специализации 011613 «Охотоведение» и доклад В. К. Мельникова и В. В. Мельникова (на английском языке) на 49-й сессии Международного Совета дичи и охраны природы, посвященной охотоведческому образованию, проходившей в мае 2002 г. в Стамбуле.

Ресурсы охотничьих птиц Красноярского края (2002–2003 гг.) [А. П. Савченко (отв. редактор), В. И. Емельянов, Н. В. Карпова, А. В. Янгулова, И. А. Савченко; гл. редактор В. В. Луцкий]. Красноярск: Красноярск. гос. ун-т, 2003. — 326 с.

Книга отражает состояние и динамику охотничьих птиц, отнесенных к объектам охоты на территории Красноярского края в 2002–2003 гг. Приведены сведения по их пространственному распределению с учетом административного деления территории и природных условий. Рассматриваются успешность размножения и сезонные перемещения птиц, лимитирующие факторы и вопросы рационального использования ресурсов.

Линьков А. Б. Охотничьи водоплавающие птицы России. ГУ «ЦентроХотконтроль», 2002. — 268 с. ил.

Книга, подготовленная А. Б. Линьковым, заведующим отделом охотничьей орнитологии Контрольного информационно-аналитического центра охотничьих животных и среды их обитания (ГУ «ЦентроХотконтроль») Охотдепартамента Минсельхоза России, предназначена в первую очередь для охотников и специалистов охотничьего хозяйства. Охотникам, начинающим и опытным, отдельные разделы помогут не только распознать вид водоплавающих птиц, но и познакомиться с некоторыми особенностями их биологии, определить пол и возраст того или иного вида речных и нырковых уток.

Николаенко Виталий. Камчатский медведь. Фотоальбом. М.: Логат, 2003. — 1000 экз. 120 с.

Натуралист-медвежатник и фотограф-анималист Виталий Николаенко 20 лет отдал постижению загадок медвежьей жизни. «С медведями, — пишет он, — меня роднит не только медвежий облик, но и звериная страсть следопыта. Выходя в маршрут, дрожу, как охотничьи собаки, от нетерпения встречи с медведями. Каждая встреча оставляет неизгладимый след и хранится в дневниках, «фотопленках» памяти и сердца».

Автор текста и фотографий Виталий Николаенко.

Шурка

Сергей ГЕВЕЛЬ

Весна 1994 г. была дружной, солнечной, радовала погожими днями. Охоту открыли вовремя. Повезло с подсадной уткой — работала, как сумасшедшая. А когда уставала, так стоило только кулак ей показать, начинала работать с удвоенной энергией. Селезни, совсем ошалевшие от ее призывных воплей, «пачками» шли на выстрел, и потому охота была веселой и добычливой. Не всякий раз так удачно получается.

Как-то, хорошо отстояв утреннюю зорю, с парой кряковых селезней и тремя свиязями в бауле возвращался с зари домой. Шел довольноный, не торопясь, мимо Палихи, когда увидел Рогдая — кобеля костромской гончей породы, принадлежащего моему здешнему приятелю Максиму. Рогдай, кобель уже довольно старый, вывернулся из леса от Брюшковских бродов, признал во мне своего, покрутился недолго рядом, потыкался сырым носом в баул с утками и, не дожидаясь меня, подался вдоль леса к деревне. По всему было видно, что гулял по лесу без хозяина. Максим имел слабость поспать по утрам.

Рогдай уверенно шел размеренным шагом к деревне, но вдруг резко развернулся и припустил к лесу. С того места, где я стоял, хорошо просматривалась лесная опушка, и поэтому я сразу разглядел, куда он так резво двинулся. Кобель на махах шел к старой лисьей норе, давно уже нежилой. Что ему так привиделось? Однако долго гадать не пришлось. Точка, к которой он бежал, была всего лишь в какой-то сотне метров от меня, и я все разглядывал быстро. Под старой одинокой сосной возился выводок лисят, грязясь на солнце. К ним-то Рогдай и спешил. Лисы поблизости видно не было, да если бы и были, шансов на спасение у лисят не оставалось. Какого рожна влез я в это совершенно обычное дело? Нашел себе головную боль. Ну подумаешь, затрепал бы всех... Первый раз что ли? Сколько от собак молодняка гибнет — не сосчитать! Но все же не утерпел, побежал выдириать лисят из зубов Рогдая. Да где там! К тому моменту, когда я оказался рядом, старый злодей додирал четвертого лисенка и уже собирался ухватить последнего, пятого, но мне в каком-то невероятном прыжке удалось выхватить бедолагу перед самым носом у пса. Кобель долго и удивленно смотрел на меня своими мутными глазами, видно, не понимая, зачем я спасаю детеныша врага. Порычал немножко, лизнул меня в нос, мол,

как знаешь брат, и подался не торопясь в деревню. Наверное, Макса будить.

Я еще некоторое время полежал на сухой траве, потом привалился к сосне, немного отдохнуть, погреться на солнечном сиянии и стал рассматривать трофеи. Лисенок — серенький комочек, еще слепой, весь сжался от страха и мелко дрожал. Выглядел он примерно как месячный котенок. Очень у него красивый окрас был — дымчатый. Непонятно было одно — где его мать? Почему лисята остались одни? Решил побродить рядом — может, выясню что-нибудь. Бродить пришлось недолго. Метрах в ста от упомянутой сосны нашел разрушенную лисью нору под корнями поваленной ветром ели. Судя по следам, ночью прошли кабаны, порушили все в поисках кореньев, а вот куда делась лиса — по-прежнему было непонятно.

Однако и на этот вопрос ответ нашелся еще минут через десять. Лежала лиса недалеко от своего неудачного жилья, стрелянная в левый бок крупным номером дроби. Кому взбрело в голову стрелять по апрельской линяющей лисице, да с сосками, волочащи-

мися по земле? Не ведаю. Скверно. Однако брать лисенка домой — глупость, а оставлять — на верную смерть. Вот и пошел домой, недовольный собой, всем случившимся, а пуще всего злой на поганца, лису без толку на тот свет отправившего.

Шел к деревне и все никак не мог понять — что же произошло с лисьей семьей? Лисята сами не могли перебраться на новое место. Куда им, слепым-то? Если бы кабаны выгнали семью из норы, то лисята бы точно сожрали; эти твари едят все подряд, даже несъедобное. Значит, задолго до их прихода лиса перетаскала лисят от разрушенной норы. Имела, видно, намерение поселиться в старой... Не успела. Скорее всего вечером ее подстрелили, судя по пустому животику лисенка. А уж до причин, побудивших к переселению, мне не добраться.

Войдя в избу, спросил с намеком:

— Лис заказывали? Получите, оплачено.

Домашние засуетились, тетка запричитала, заохала, спросила:

— И где же ты ево, такого маленько-го, взял-то?

— Как где? Известно, в лесу. В честном сражении с Рогдаем добыл. Ему четверо достались, мне — один. Четыре-один не в мою пользу.

Ну и пришлось в картинках повествовать обо всем произошедшем. Не радовался только дядя, в конце концов и спросивший:

— Так. И чего ты себе думаешь с ним теперь делать?

— Не рви душу. Не знаю. Наверное, придется идти норы лисьи проверять все подряд. Может, в какой-нибудь и приветят...

— Приветят, жди... Кому-нето на ужин сгодится.

— Дядь Леша, а может, как со щенками?..

— Это как?

— Забыл, что ли?.. Года три назад у

Серафимыча сука после щенения издохла. Так мы тогда щенков к егерю увезли, в Игрищи, и его суке подкинули. Собаку увезли сначала, щенят всех вымазали сметаной... Сука-то как их вылизала, так и не смогла отличить своих от чужих.

— Это ты, конечно, дельно придумал. А тока в нору-то со сметаной сам полезешь или... Рогдая пошлешь?

В общем, переругались за вечер до хрипоты, придумывая, как лисенка к собратьям возвратить. Путного ничего не придумали и остановились на том, что с утра идем проведать все извест-

ные нам норы. Тетка, внимательно слушавшая наш разговор, щипала уток и заключила:

— Ничего у вас не получится, — чем привела нас в еще большее раздражение.

На что дядька ей ответил:

— А не получится — так отдадим Рогдаю. Пусть доедает.

На следующий день, возвращаясь с утренней зари, пошли обследовать известные нам норы. Но все как-то не заладилось сразу. Одни норы уже были заняты енотами, другие — барсуками. третьи вообще «мертвые» были. Наконец нашли то, что нужно, хоть и далековато. Затолкали лисенка в один из отнорков и ушли без надежды на успех.

Все утро промытились, переживая за лисенка. Как он там? К обеду не утерпели, пошли проводить. Подходили тихо, осторожно. Нашли бедолагу метрах в пяти от норы, всего помятого, с прокрученной лапой. Пересиливая себя, опять спрятали лисенка в нору и ушли с тяжелым сердцем.

Вернулись домой. Дома, как на грех, нас уже дожидался Макс, сразу насыщенный с претензиями. Тетка рассказала ему обо всем происшедшем, и теперь он стал городить огород, сплошь состоявший из претензий. Начал с того, что ему ничего не сказали сразу, пропел детскую песню о том, как всю сознательную жизнь хотел завести для домашнего содержания лису, а закончил тем, в общем-то, верным утверждением, что хозяином любой охотничьей добычи является тот, из-под чьей собаки трофей был добыт. Честно говоря, на сердце и так тяжело было, а тут Макс еще... Короче, разругались вдребезги. Но, как он ни пытали нас о том, куда унесли маленького, — не выпытала. Грыз меня червь сомнения, что все равно найдет. И уже вечером, когда я поспешал на зорю, шлепая по лужам старыми болотными сапогами, встретил Макса, возвращающегося из леса. Приятель сиял, как солнце ясное: вычислил-таки нору, в которую мы лисенка определили... И теперь возвращался довольный собой.

Сдержаться было сложно.

— Ну, и на хрена? — спросил я.

— А на хрена ты его вчера у Рогдая выцепил?

Отвечать было нечего, и, сплюнув с досады, я пошел дальше, до зари оставалось совсем немного. Глядя на уходящее за горизонт солнце, отстраненно подумал о том, что этой ночи лисенок пережить просто не смог бы. Мороз крепчал. Из-за холодного ветра утки летали плохо, подсадная не работала по той же причине.

Возвращаясь затемно домой, зашел к Максу. У него все семейство на ушах стояло, «хороводы» водя вокруг зверушки. Застал я их при деле важном: Максим купал в сметане месячных котят и лисенка, его старшие сестры на крыльце держали кошку. Кошка не-

рвничала, норовила вырваться на волю, верно, чувствовала неладное. Прямо с порога я наехал на девчонок:

— Девки! Гребено сено! Ну ладно я, дурак, опростоволосился, ладно у Макса крыша съехала... А вы-то о чем себе думаете?

— А вот о том и думаем, что из-за тебя весь сыр-бор затеялся. Кабы не ты, так и нам легче было бы, — ответила старшая.

Что ж... ответила справедливо. К тому же и Макс уже стал звать в избу. Наступал момент ответственный — «слово» теперь должна была сказать кошка. Слов, конечно, не дождались, да и какие там слова! С четырех котят да лисенка сметану слизать — тоже время и силы надо иметь. Но общей радости не было предела, когда Мурка, растянувшись у подтопка на мягкой подстилке, обновленной по такому случаю, подставила свой живот котятам и не оттолкнула лисенка, потянувшегося к соскам. При таком раскладе за него можно пока не беспокоиться. А дальше... Что будет, то и примем.

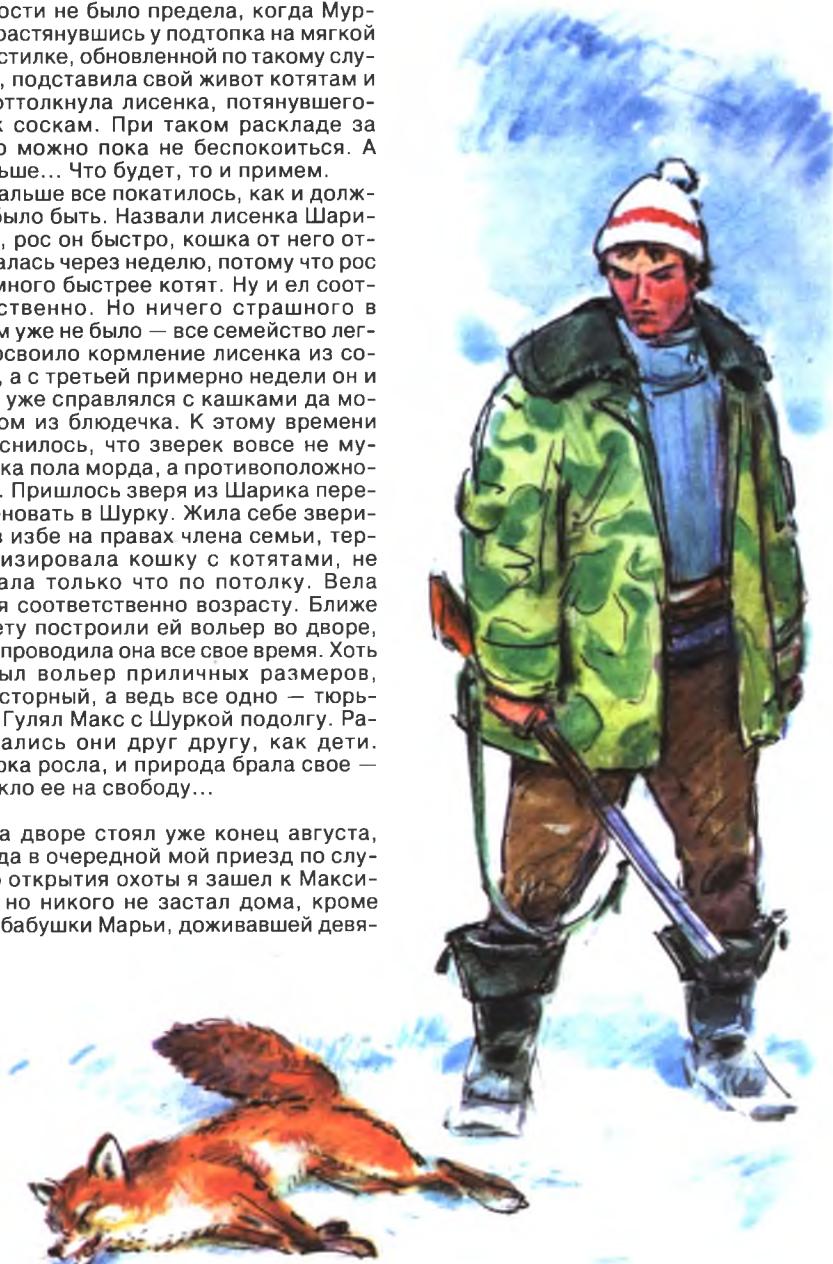
Дальше все покатилось, как и должно было быть. Назвали лисенка Шариком, рос он быстро, кошка от него отказалась через неделю, потому что рос он много быстрее котят. Ну и ел соответственно. Но ничего страшного в этом уже не было — все семейство легко освоило кормление лисенка из соски, а с третьей примерно недели он и сам уже справлялся с кашками да молоком из блюдечка. К этому времени выяснилось, что зверек вовсе не мужеска пола морда, а противоположного... Пришло зверя из Шарика переименовать в Шурку. Жила себе зверина в избе на правах члена семьи, терроризировала кошку с котятами, не бегала только что по потолку. Вела себя соответственно возрасту. Ближе к лету построили ей вольер во дворе, где проводила она все свое время. Хоть и был вольер приличных размеров, просторный, а ведь все одно — тюрьма. Гулял Макс с Шуркой подолгу. Радовались они друг другу, как дети. Шурка росла, и природа брала свое — влекло ее на свободу...

тый десяток лет. Она давно уже была слепой, однако по дому передвигалась легко и просто, с какой-то (как мне казалось) неестественной для ее возраста легкостью. Узнавала всех жителей деревни по шагам и по голосу. Вот и в этот раз стоило войти в избу, как она подняла на меня давно ничего не видящие глаза и сказала:

— На охоту приехал, ангел ты мой?

— На охоту.

— А я вот, как тебя слышу, так все твою бабушку вспоминаю — Павелку. Подружками мы были... в девчонках-то.

— А где народ-то весь?

— Так, а где... Шурка у нас убегла. Подрыла вольер-то и убегла... утром ишо. Максимка только что не плачет... Сильно переживает. Уж больно ласковая Шурка-то наша, как она в лесу жить будет? Вот и поразбежались все, ищут.

Потолковав еще некоторое время с бабушкой, пошел к себе. Вечером на пруду в соседней, давно уже вымершей деревне встретил местных охотников, отстояли зорю, выхлестнули кто по паре, кто по две уток. Обмыли открытие, потолковали о страданиях приятеля по убежавшей лисе. По дороге домой встретили расстроенного Макса, был он уже при «хороших градусах» и при поганом настроении, позвал в гости. Сидели мы с ним в садочке, смахивали «вишневку», когда Бог весть откуда вывернулась Шурка. Вот радости-то было! Уж и не знаю, кто был больше рад — человек или лисица.

Все это мне не понравилось. С того дня лисица взяла за правило убегать все чаще и чаще. Возвращалась... Возвращалась, но уже какая-то совсем другая. Да и понятно — повзросла. Да так и все бы ничего, но пришло ее время — стала кур таскать да уток. Сначала-то своих, и больших проблем не было. Но когда добралась до соседских, ситуация изменилась. Пошли скандалы, Максим за любовь свою к Шурке платил исправно, без оговорок. Я так думаю, проплачивал он не только Шуркины грехи, а, наверное, прочих добытчиков тоже. Но сути дела это не меняло.

Первой жертвой Шуркиного взросления пала хромая курица-несушка. По факту этой дерзкой агрессии Михалыч (отец Максима) вяло изрек:

— Вона... Никак зубы прорезались.

Вот и вышло, что кровный лисий интерес обеспечил семью куриным супом на обед. Новый акт агрессии был пережит с меньшим энтузиазмом, большого раздражения не вызвал, но был про-комментирован главой семьи в свойственной ему манере, полу вопросом-полутверждением:

— Мать! У нас опять курятина на харч пошла?

Через пару недель жертвой Шуркиных игр стала пара соседских куриц. Скандала избежать не удалось. Тетка Нина ссыла гражданкой голосистой, и потому вопли ее разносился далеко окрест, и при этом поминалось величайшее множество близких и дальних родственников до десятого колена. Пришлось платить. Хоть и невелики деньги, а все одно — неприятно.

Как-то странно получалось: чем больше было скандалов и претензий в адрес Шурки, тем спокойнее домашние переносили их. Надлом произошел в день, когда с затрепанной курицей пришла Богом и жизнью обиженнная Лизавета. Зашла она в избу тихо, не решительно. Претензий высказывать не стала, а, пряча глаза в пол, показала растерзанную курицу. Положила ее на лавку и вышла. Она тоже любила лисенка...

Михалыч, хмуро наблюдавший эту сцену, высказался определенно:

— Ну, вот что, сын... Пора с этим «звероводством» заканчивать. Вон, погляди, уже и до Лизиних добралась...

Максим, и без того расстроенный сверх меры и переживавший больше всех, не выдержал и сорвался.

— Далаась вам всем Шурка моя!.. — закричал он и выбежал из избы. Ворвавшись в вольер к лисенку и дал ей трепку. Понятное дело, совершенно бесполезную. Чуть успокоившись, сидел с лисой в обнимку, гладил по спины, почесывал живот и с тоской в глазах смотрел куда-то вдаль.

Какое-то время после случившегося шли вялые разговоры о необходимости устроить лисенка в зоопарк или в школьный уголок для зверей. Но так ни на чем определенном и не остановились. В конечном итоге — укрепили вольер, наземь постелили сетку-рабицу и на какое-то время успокоились.

Скверно выходило. Образно говоря, не получалась из Шурки ни Богу свечка, ни черту кочерга. Повисла где-то между небом и землей. Дома жить не может, к лесу не приспособлена. Кровь, конечно, во многом заменила ей знания и обучение среди себе подобных, но многое она просто не умела, потому как выросла не среди собратьев. К тому же она и внешне сильно отличалась от диких лис, выросших на природе. Шерсть ее не была достаточно густой, цвет меха также был неравномерным. Понятное дело, было это связано с домашним питанием. Как Макс ни старался вести верную линию в питании, а все одно — получалась еда домашняя. К тому же кровушки живой Шурка тоже пробовала редко. Разве что галок да ворон, коих в избытке настреливал Максим во время их совместных прогулок. Да и двигалась она не так, как ее вольные сородичи. Исходя даже из этой малости, перспективы Шуркины не могли быть радужными.

Тем временем жизнь шла своим чедом. Лето неохотно уступило место осени и ушло вместе с листопадами и беспокойными стаями птиц, стремящими свой полет за свинцовый горизонт. Пришел холодный ноябрь с проливными дождями вперемежку со снегом, и уже явственно ощущалось дыхание приближающейся зимы.

На ноябрьские праздники деревня гудела, как пчелиный рой. Максиму покоя не давали понаехавшие из города односельчане. Приходилось вытаскивать из грязи разбитой дороги их беспомощно завывающие легковушки. Вот и был Макс со своим стареньким, потрепанным трактором первым парнем на деревне. Калыма было больше, чем мечталось. Ну, а чем в таких случаях расплачиваются на деревне, известно всем... Вот и накалымялся он к вечеру так, что по пьяному делу свернул угол Шуркиного вольера и сам того не заметил. А лиса, истомившись за три месяца по свободе, второго приглашения погулять ждать не стала и ушла в темную ночь явно без намерения воз-

вращаться.

Поутру, проспавшись, с тяжелой головой вышел Макс на волю, увидел развороченный угол вольера и понял, отчего так грустно смотрела на него мать. Искать лису, похоже, смысла уже не было. В гневе на самого себя выругался от души, поплакал немножко... так, чтоб никто не видел. И как в омут головой бросился в загул.

Неделю спустя Шурка появилась в деревне и снова ушла в лес, наведя пепероху в курятнике. К двадцатым числом ноября на ее боевом счету было пять куриц, петух и две утки. Скандалы покатились по нарастающей, как снежный ком с горы. И остановить их уже было невозможно. Домой Шурка не возвращалась. Лишь временами покрывалась вблизи от дома, но как ни звали ее, больше, чем на сто метров, не приближалась. Уходила в лес.

К тому времени Максим, и без того наполненный другими проблемами, решение принял. Участь лисы была предрешена. Ведь Макс был хорошим охотником. И уж если решил зверя добить, так добывал, чего бы это ни стоило.

И настал этот день, двадцать пятое ноября, когда Максим, возвращаясь с охоты, увидел Шурку, неторопливо шагающую вдоль огородов с соседским петухом в зубах. Она была явно за пределами выстрела, но обернулась на свист хозяина и неторопливо зашагала к нему, но, почувствовав что-то неладное, остановилась. Макс опять позвал ее. Она прошла еще шагов двадцать и опять остановилась. Лиса и человек долго смотрели друг на друга, затем Максим сорвал ружье с плеча, приложился и нажал на курок. Раздался хлесткий звук выстрела, пронзившего сырой воздух, словно воду ножом. Какое-то мгновение Шурка еще стояла на вмиг ослабевших ногах, затем опрокинулась на первый снег и ушла в путь, на котором она отстала от собратьев не по своей воле.

Макс еще долго стоял, тупо глядя в пространство, редкие слезы стекали по его обветренному лицу. А я поклинал то удачное апрельское утро и свой безумный прыжок, не давший Рогдай завершить начатое. К моменту выстрела Рогдай, уже устроившийся на охапке соломы возле дома досматривая свои старикивские сны, услышал голос хозяинского ружья, высокочил за околицу и, поставив нос против ветра, пошел в поиск. Спустя некоторое время, найдя Шуркин след, обнаружил ее и, но, еще издалека увидев хозяина возле мертвой лисицы, останавливаться не стал, лишь по ходу ткнулся в нее носом и не замедляя шага двинулся к Максу. Немного покрутился рядом, сел у ног, всем своим видом демонстрируя готовность исполнить любую волю хозяина. Так вышло, что в этой истории он оказался единственным по-настоящему последовательным и безупречным героям.

Рисунки Б. Игнатьева

Детские и взрослые сказки семьи Бианки

Александра ГОРЯШКО

Кандалакшский заповедник. Остров Ряшков и дом, в котором Виталий Витальевич Бианки работает с 1955 г.

Фото А. Горяшко

Дача, охота и познание леса

Они очень похожие и очень разные, эти Бианки. Этому не устаешь поражаться, читая воспоминания Отца о Деде, слушая воспоминания Внука об Отце. Не оставляет ощущение, что судьба семьи ходит по спирали. Но закрученная спираль всегда вокруг одного — природы.

Каждую весну Дед перевозил все семейство на дачу. Отец: «Величайшим праздником для меня всегда был переход из города в деревню». Величайшим праздником он был и для всей семьи, невзирая на бытовые сложности. Ехали подводами, вместе со всем зверем за 60 км, за Орианиенбаум, в Лебяжье. «Дача Бианки недалеко от моря, — в штормовую погоду в комнатах слышен гул прибоя, и в любую по-

году целый день звенят там птичьи голоса. Птицы местные, за исключением нескольких привезенных из города кенаров. Живут в клетках во всех помещениях и вольере на веранде, огороженной сеткой от пола до потолка. Во дворе дачи много ящиков и клеток. Там ежи, лисенята и прочая лесная живность. Громко просят есть птенцы ястреба. В большой притененной клетке светятся круглые глаза филина. Помню, как он дробно щелкал клювом, когда ему приносили кусок мяса или мышь. Над двором, на вершине сосны, сидит ворона. Сидит и не улетает, хоть палкой на нее махни. Это свой вороненок-выкорымыш. Пугая всех дерзкими насоками и трескотней, вокруг дома летает ручная сорока. Мухнатая аршинная морда тыкается вам в спину. Стойте смирно! Это не страшно, это

свой — лосенок» (из воспоминаний соседа по даче А. Ливеровского).

Дед на даче продолжал сбор материала для музея. Командированный препаратор там же снимал шкурки для будущих чучел. Сборы на специально нанятых финских парусниках перевозились по заливу и Неве прямо к музею. При каждой возможности Валентин Львович брал с собой в лес Виталия. Показывал и учил всему, что знал сам. «У меня надолго создалось убеждение, что мой отец — что-то вроде какого-то лесного духа, маленького, но могущественного... Он знает в лесу все тайные тропинки, все скрытые роднички, знает всех лесных птиц и зверей, понимает их язык и распоряжается ими».

Учил Дед и охоте. «Когда мне исполнилось 13 лет, отец подарил мне двухстволку. Из настоящих охотничьих ру-

Окончание. Начало см. № 8.

жей я стрелял и раньше, но это было — собственное, новенькое, только что из магазина». Нынешние профессионалы, возможно, воспринимают скептически подобное увлечение, но раньше охота почти всегда была второй специальностью зоологов. «Охота — это совсем не только убивать зверей и птиц. Это, прежде всего, — сильное желание, страстная любовь. Охота — целыми днями, выбиваясь из сил, бродить с ружьем по лесам и болотам, или часами терпеливо сидеть с удочкой над рекой, или, встав чуть свет, по холодной росе идти брать грибы».

Все заложенное Дедом осталось на всю жизнь. И страстный интерес к охоте, и ежегодные поездки на лето в деревню, без которых Сын, став взрос-

лым, не мог жить так же, как не мог Дед. Рассказ Внука кажется прекрасным знакомым мотивом: «Отец всегда старался увезти семью из города, это и ему очень нужно было, и нам всем было хорошо. Лебяжье, где вырос Виталий Валентинович, на южном берегу Финского залива, стало закрытой пологранничной зоной, туда было не проехать. Но без выездов из города Отец существовать не мог. Новым местом отдыха семьи стала с 1928 года Новгородчина». Так же, как когда-то Дед, выбирал Отец места поглощие, поближе к дикому лесу. Так же, как Дед, вез большую семью со всем имуществом: «Ехали с железодорожной станции на нескольких подводах, везли очень много вещей — и продукты все, кроме

самых деревенских, и книги отцу нужны были, чтобы работать». Так же, как Дед, стремился Отец передать Внуку все, чем владел сам. Но не во всем нашел отклик: «Охотником он был и меня хотел сделать охотником, но вот охотника из меня не получилось. Да, с отцом охотился, он меня научил, но интереса особого никогда не было. Помню, что даже во время охоты — ведь охотники расходятся, не идут вместе — я в некоторых случаях играл в ножички или еще во что-то... А отец был всю жизнь охотником, настоящим, хотя любил, естественно, спортивную охоту, а не профессиональную».

Но было еще одно дело, которым со страстью занимались все Бианки.

«Переводчики с бессловесного»

Так назвал Виталий Валентинович рассказ о своих друзьях, писателях-анималистах. «Растения и животные, леса, и горы, и моря, ветра, дожди, зори — весь мир вокруг нас говорит с нами всеми голосами. Но мы ему не внимаем. ... Есть среди нас редкие люди: широко раскрытыми глазами ребенок смотрят они на мир, чутко внимаю всем его голосам — и все, что он рассказывает им о себе, переводят для нас на наш, человеческий язык — язык любви к полной красоты и чудес нашей вселенной». С полным правом эти слова можно отнести ко всем Бианки. Обучение не было их главной целью. Но все они им занимались, и весьма эффективно. Как истинно увлеченные своим делом люди, они притягивали и заражали им окружающих. Нет лучше способа обучить и воспитать. Их обучение, как круги по воде, расходилось все шире и шире.

Валентин Львович был главным лесным учителем Виталия. «Отец рано начал брать меня с собой в лес. Он каждую травку, каждую птицу и зверюшку называл по имени, отчеству и фамилии. Учил меня узнавать птиц по виду, по голосу, по полету, разыскивать самые скрытые гнезда. Учил по тысяче примет находить тайно от человека живущих зверей».

Еще в Бийске, работая преподавателем биологии в местной школе, Виталий Валентинович устраивал для учеников экскурсии в лес. Ученики той школы вспоминают: «Свои лекции он читал с воодушевлением, с любовью. Он прививал нам любовь к жизни, к природе. Мы стремились к нему, как пчелы к цветку». Когда он начал писать — охват вырос в тысячи раз. Все дети становились его учениками. «Я с жадностью читаю и перечитываю книги Бианки. Они для меня самые счастливые» (из письма школьника). Юннаты приезжали к нему в гости на дачу. Студенты-зоологи традиционно раз в

год посещали его в городской квартире. Учениками становились и взрослые — начинающие писатели, которые приносили ему свои первые литературные опыты. Некоторые из них, как, например, Николай Сладков, стали впоследствии писателями не менее известными. Отец учил других всю жизнь той удивительной науке, которую преподал ему Дед. «В лесу надо только громко не разговаривать, не шуметь, не делать резких движений и научиться неожиданно исчезать у всех из глаз... Тогда остается Вам только хорошо запастись терпением — и Вашим глазам предстанет многое из того, о чем рассказано в этой книге, а может быть и такое, чего не видел ни один человек на свете».

Отец передал Внуку не только начальные знания по орнитологии, не только бесконечное терпение и внимание ко всему живому, но и талант заражать этим интересом других. Все Бианки собирали вокруг себя интересных людей, притягивали их, а во многом, видимо, и формировали. Может быть, наиболее очевидно, зримо это прослеживается в деятельности Внука в Кандалакшском заповеднике. Остров Ряшков — один из сотен заповедных островов. Кордон на нем — один из десятков кордонов заповедника. Но и остров, и кордон эти — совсем особые, у них свое лицо, которое ни с чем не перепутаешь. Это остров и кордон Виталия Витальевича Бианки, работающего здесь с 1955 года. Отличается кордон редкой добротностью построек, любовностью даже, с которой они сделаны, и концентрацией интересных людей. Почти все нынешние научные сотрудники заповедника, начинавшие свой путь к профессии юннатами или студентами (а их около половины всего штата), прошли именно через Ряшков, а значит — через Бианки. Всего за 45 лет работы в Кандалакшском заповеднике под его руководством прошли

практику более тысячи студентов и школьников.

История Ряшкова, как никакого другого кордона заповедника, богата легендами, имеет свою мифологию и историографию. Для давних друзей и коллег несомненно — Ряшков сделал Бианки. Но сам он об этом не говорит, заслон своих не признает. Ни в строительстве и порядке на острове («просто я, как человек активный, обращал на это внимание»), ни в концентрации интересных, талантливых людей. Как ему это удалось? Производили ли он сознательный направленный отбор или само его присутствие выполняло роль отбирающего фактора? Отвечая на мой вопрос о причинах притягательности заповедника для молодежи, он отвел себе последнее место (и даже на этом последнем месте укрылся за беззывным «мы»): «Я думаю, что это в первую очередь — море, потому что такого моря никто больше нигде не видит. Это и, мне кажется, очень красивые пейзажи. В какой-то степени, очевидно, и те порядки, которые мы стараемся здесь выдерживать. А мы стараемся поддерживать определенные принципы работы, отношения к людям, к природе... Это, прежде всего, отношение и к школьникам и к студентам как к взрослым людям. Меня раздражает, когда старшеклассников называют детьми. Я с этим никак не могу согласиться и думаю, что это большая ошибка. Это не дети, это взрослые люди. Да, у них нет опыта, у них много чего еще нет, но это уже взрослые люди. А вообще со стороны надо смотреть, Бог его знает, какие принципы. Ведь это все делаешь не потому, что это обдумано и сформулировано, просто так получается. Все, что сейчас есть, делалось десятилетиями. А формулируют и оценивают пусть другие. Но когда удается что-то дать, это очень приятно. И я думаю, что, давая другому, человек получает и сам».

Счастье семьи Бианки

Может быть, в этом и состоит счастье всех Бианки? В этом простом, веками известном рецепте, который так редко удается осуществить на практике. Ни один из них не повторил путь другого след в след. Но в главном они делали одно дело. Отец: «Вот соловьи: известно, что старые и опытные соловьи обучают пению молодых. Как говорят птицеловы — «ставят их на хорошую песню». Но как ставят! Не тычут носом, не призывают и не заставляют. Они просто поют. Из всех своих птичьих сил стараются петь как можно лучше и чище. Главное — чище! Чистота свиста ценится у них превыше всего. Старики поют, а молодые слушают и учатся. Учатся петь, а не подпевать! За это соловьиная песня и ценится, на этом она и держится».

Дед умер 10 января 1920 г. в Петрограде. Ему было 64 года. В 1917—1918 гг. он заведовал Зоологическим музеем Академии Наук, но в 1919 г. сдал заведование А. А. Бялыницкому-Бируле и умер на своем посту заведующего орнитологическим отделением Музея. Причиной смерти явилось воспаление легких, вызванное теми условиями, в которых жили в те годы учёные даже в Академии Наук. В квартире Бианки температура всю зиму была не выше +3. Стены покрылись плесенью от сырости. Не хватало еды. Этим было вызвано общее истощение организма, определившее исход болезни. Не будь их, Валентин Львович, по мнению близких, мог бы прожить еще долго, так как до последнего дня сохраняя большой запас жизненной энергии.

Он остался в памяти как уникальный зоолог. Зоолог, который одновременно написал две монографии — про птиц и про стрекоз. Научное наследие его очень значительно. Он опубликовал около 120 работ, не считая ряда статей в энциклопедиях и популярных журналах. Еще несколько больших работ осталось в рукописях. Им переведены и снабжены примечаниями книги Г. Дункера «Перелет птиц» и В. Кобельта «Географические распределения животных». Он перевел и (совместно с Н. М. Книповичем) редактировал «Жизнь животных» Брема. В честь Валентина Львовича носят названия две птицы: саянская белобрюхая оляпка (*Cinclus leucogaster bianchii*) и верхнебухарский фазан (*Phasianus chrysomelas bianchii*). Он состоял действительным членом Петроградского общества естествоиспытателей и Русского энтомологического общества, почетным членом Германского Орнитологического общества. В работах о нем постоянно встречаются слова «добропровестность его работ известна всяко му орнитологу», «работа выполнена с характерной для него тщательностью», «некоторые из монографий по своей обоснованности и тщательности выполнения вполне могут называться образцовыми», «один из лучших представителей русских орнитологов».

Отец умер в 65 лет. Умер известным и любимым писателем. За свою жизнь он написал более 300 рассказов, сказок, повестей. Одних лишь сборников его произведений только при его жизни вышло около 40. Они переведены и изданы почти на всех языках и во всех странах мира. Но при всеобщей известности доброго лесного сказочника Бианки мало кто знает, какой дамоклов меч всю жизнь висел над ним. Советская власть так никогда и не простила ни кратковременного увлечения эсзерством, ни столь же кратковременного и невольного пребывания в Колчаковской армии. «В 1921 году, в Бийске, был дважды арестован ВЧК», — пишет он, — и раз сидел вместе с 79 другими «зложниками» в тюрьме недели три». В сентябре 1922 года он от кого-то узнал, что ему грозит новый арест. Не желая больше испытывать судьбу, Бианки продал любимое ружье, добыв таким путем денег на дорогу, и выехал в Петроград, навсегда простившись с Бийском. Но Петроград, естественно, не был спасением. В декабре 1925 года Виталий Валентинович вновь был арестован. Он ждал ареста еще в начале года, после того как узнал, что органами ОГПУ взяты два его бывших товарища. По надуманному обвинению в причастности в какой-то подпольной организации Бианки был приговорен к трем годам ссылки. О его освобождении ходатайствовали многие, в том числе и Максим Горький. Весной 1928 года Бианки разрешили переехать в Новгород (за пресловутый 101-й километр), а в начале 1929 года вернуться в Ленинград. В ноябре 1932 года — вновь арест, но вскоре Бианки освобожден «за отсутствием улик». В марте 1935 года, при очистке Ленинграда от «социальному опасного элемента» (после убийства Кирова), Бианки был опять арестован как «сын личного дворянин, бывший эсер, активный участник вооруженного восстания против советской власти». Особым совещанием при НКВД СССР приговорен к пяти годам ссылки, вместе с семьей, в город Иргиз Актюбинской области; по ходатайству жены Максима Горького Екатерины Павловны Пешковой ссылка отменена.

Не эти ли многолетние несправедливые преследования так губительно отразились на его здоровье? В последние годы он тяжело болел. Системное заболевание сосудов вызывало постоянные сильные боли в ногах, почти полностью лишавшие возможности ходить. Он, всю жизнь живший лесом, больше не мог выбираться в лес. «У меня уже был инфаркт (в 1949 году) и два инсульта. Правая рука так и осталась парализованной наполовину, писать пером почти не могу (тоже мне — «писатель!»), все стучу вот на машинке. Не пускает «ad patres» (к праотцам) работа: так мало в жизни сделано, так много еще надо сделать! Я не чиновник, своей работой увлекаюсь до чер-

тиков, работаю с утра до ночи (стучу на машинке одним пальцем) — и вполне счастлив» (из письма). В больнице, за день до смерти, он слушал «Вести из леса» — радиопередачу, которую сам придумал, собрал авторов. И очень радовался, что удалось записать на магнитофон и включить в передачу настоящие голоса птиц.

Внук прожил у большой воды Белого моря всю свою жизнь учёного. «Условия работы здесь как раз соответствуют и моему желанию, и, видимо, моему характеру, и стремлению так вести научную работу, как мне хотелось бы. Здесь я все полевое время — а это несколько летних месяцев — самостоятелен. Надо мной нет непосредственной руки руководства, и это очень ценно. И еще — меня привлекает многолетняя стационарная работа». Все годы работы в заповеднике Виталий Витальевич, ведущий научный сотрудник, доктор биологических наук, Заслуженный эколог Российской Федерации, работает в одном районе, на одних островах, живет в небольшой квартирке бревенчатого дома на острове. Вся его жизнь связана с исследованием птиц Мурманской области и Кольско-Беломорского региона в целом. По мнению многих зоологов, на сегодняшний день никто не знает птиц этого района так хорошо, как В. В. Бианки. Его монография «Кулики, чайки и чистиковые Кандалакшского залива» стала классической, переиздана на английском языке. Он участвовал в написании многотомных сводок «Птицы СССР», «Миграции птиц Восточной Европы и Северной Азии», издаваемых АН России. Есть у него любимые виды — полярная крачка, гоголь. Благодаря ежегодному колыбеванию самок и птенцов гоголя на протяжении 30 (!) с лишним лет, Виталий Витальевич получил уникальный материал о династиях.

Всего Виталий Витальевич опубликовал более 150 научных работ и более 400 научно-популярных статей об охране природы, по экологическим вопросам. Но еще огромное количество уникального материала не опубликовано, хранится в его полевых дневниках.

«Наверное, вы счастливый человек...» — сказала я Виталию Витальевичу. «Конечно, счастливый, — ответил он. — Я достаточно прожил так, как мне хотелось, в общем, удовлетворен тем, что мне удалось сделать, ну а разве это не счастье? Зарабатываю я на жизнь тем, что мне очень нравится, работаю с людьми, с которыми мне нравится работать, что же еще лучше может быть? Боже мой, конечно!»

P.S. Сестра Виталия Витальевича, Елена Витальевна Бианки, — художник, она иллюстрирует книги о природе, в том числе и отцовские. Его двоюродный брат, Всеволод Львович Бианки, также был биологом, профессором Ленинградского университета. А сам Виталий Витальевич сейчас собирает материал и пишет книгу о замечательном орнитологе — своем деде, Валентине Львовиче Бианки.

Охотничье хозяйство Северной Америки и российские реалии: обоснованность сопоставлений

В. ДЕЖКИН, профессор

В книге «Охота и охотничье хозяйство мира», вышедшей в 1983 году, имелась глава об охотничем хозяйстве Северной Америки, свидетельствовавшая об очень высоком уровне развития этой отрасли хозяйства в Канаде и особенно в США. Именно там мне пришлось констатировать: Россия утратила титул «ведущей пушной державы мира», который перешел к Соединенным Штатам. Приводились соответствующие объяснения этого невеселого события. Глава содержала подробную информацию о природных условиях и охотничьих ресурсах континента, способах их восстановления и эксплуатации, объеме добычи зверей и птиц, стоимости продукции охоты, об охотничьих традициях американцев и канадцев. Больше всего автора интересовали, конечно, организационно-экономические особенности ведения охотничьего хозяйства упомянутых стран.

Американская тема вновь привлекла

моё внимание после получения и публикации в нашем журнале новой впечатляющей экономической информации, которая говорила о том, что в США с деятельностью любительского охотничьего хозяйства, любительского рыболовства и других общественных форм использования дикой фауны связаны суммы, сопоставимые с годовыми государственными бюджетами таких отнюдь не маленьких стран, как Россия (Дёжкин и Кузнецов, 1998; 2000; 2003; 2004). Возникло желание выяснить детальные причины глубоких различий, существующих в биологическом природопользовании США и России (с использованием некоторых данных об охотничьем хозяйстве Канады). Естественно, их нельзя убедительно объяснить одним лишь превосходством природных условий Северной Америки над таковым Евразии, как это пытаются сделать некоторые специалисты. Так в чём же дело?

около 10 млн. Всего, таким образом, в этой стране занимаются любительской охотой и рыбной ловлей, а также наблюдениями в природе за дикими животными 112 млн человек! Поражает, что более половины из них тратят свой досуг для наблюдений в естественной природе за образом жизни диких зверей, птиц и других животных, причем 13 млн энтузиастов работают над улучшением местообитаний дичи, то есть добровольно занимаются биотехническими мероприятиями.

В таблице 2 характеризуются затраты американцев на различные формы контактов с дикими животными. В сумме они составляют свыше 87 млрд долларов, что является, по нашим представлениям, колоссальной суммой. Это те деньги, которые люди тратят на удовлетворение своей страсти, или хобби, тратят совершенно добровольно (если не считать некоторых сумм на приобретение лицензий и оплату аренды охотниче-рыболовных угодий). По имеющимся данным, к началу XXI столетия эти цифры возросли. В таблице приведена обобщенная структура этих затрат. Для охотников и рыболовов она раскрывается в предыдущих публикациях (Дёжкин и Кузнецов, 1999; 2004).

Следует подчеркнуть, что приведенные показателями экономическое значение охотниче-рыболовного хозяйства США далеко не исчерпывается. Во-первых, они относятся только к любителям, а не к профессионалам. Во-вторых, эти показатели не учитывают стоимости натуральной продукции, добываемой всеми охотниками и рыболовами. А она исчисляется многими сотнями миллионов долларов.

Дополним приведенные сведения, упомянув, что в 1996 году 18,8 млн канадцев были причастны к одному или более видам деятельности, связанным с живой природой. Примерно 57 % индивидуумов участвовали в наблюдении, фотографировании, изучении или кормлении диких животных в Канаде. Приблизительно 18 % жителей ловили рыбу и 5 % охотились. Общие затраты канадцев, которые принимали участие в рекреации, связанной с дикой природой, составили в 1996 году примерно 4 млрд долл. (Chardone a. o., 2002).

Мы не будем повторять подробные данные о численности и добыче охотничьих животных в Северной Америке, приведенные нами прежде (Дёжкин, 1983; Дёжкин и Кузнецов, 2000). Назовем лишь несколько наиболее ярких показателей, относящихся к концу прошлого — началу нынешнего столетий. Численность канадского бобра составляет 6–12 миллионов, ежегодная добыча 700–800 тыс. особей (Башер, 2001) (в России, соответственно, примерно 240 тыс. и около 4 тыс. шт.; Улитин, 2001.). Численность вапити достигла 1,2 млн особей, добыча — нескольких сот тысяч особей в год, белохвостого оленя — 33 млн особей, добы-

Белые гуси на остановке во время перелета с острова Врангеля в Калифорнию. Провинция Саскачеван, Канада.

Сводные данные об экономике рекреационного природопользования Северной Америки. В качестве исходных приведем некоторые дополнительные статистические данные о «рекреационном

природопользовании» в США, еще не публиковавшиеся в нашем журнале. Оговоримся, что число рыболовов-любителей в таблице 1 указано без учета лиц моложе 16 лет, а их насчитывается

Американский полевой ландшафт под крылом самолета штат Джорджия (США)

ча — около 2 млн особей в год (Данилкин, 2004), (российские показатели добычи благородного оленя 3,9 тыс., косули — 17,5 тыс. шт.; Улитин, 2001).

В полевых угодьях Северной Америки обитают десятки миллионов фазанов, а также виргинских и калифорнийских перепелов, численность диких индеек в лесах достигла 5,6 млн особей (в 1973 г. было 1,3 млн птиц). Это позволяет многочисленным любителям охоты на пернатую дичь полностью удовлетворять свои интересы, «оставляя» в казне государства миллиарды долларов.

Сказанное, как нам кажется, уверенно подтверждает большую экономическую роль охотничьего хозяйства — далее будем говорить преимущественно о нем — и позволяет нам продолжить анализ ситуации, которая обеспечивает американцам достижение таких высоких показателей.

Некоторые российские данные для сопоставления. Статистика России в сфере биологического природопользования, в том числе охотхозяйственная статистика, чрезвычайно бедна и не предоставляет нам адекватных данных для сравнения с американской. Что нам известно?

По нашим данным, на середину 70-х годов стоимость валовой продукции охотничьего хозяйства Российской Федерации оценивалась в 122,4 млн руб., товарной — в 41,9 млн руб. в ценах того времени (Дёжкин, 1978). С учетом стоимости основного воспроизводственного поголовья охотничьих животных экономическая оценка ресурсов охотничьего хозяйства могла составить 400 млн руб. До начала экономического кризиса в России эти цифры можно использовать в качестве экономических ориентиров отрасли.

В 90-х годах происходит постепенная деформация охотничьего хозяйства, распад его десятилетиями складывав-

шейся структуры, разрушение (и без того несовершенной) охотничьей статистики. Широкомасштабными учетами численности охотничьих животных занимается лишь ГУ «Госохотконтроль» Охотдепартамента Минсельхоза РФ, дающее весьма ограниченную и спорную информацию по ЗМУ (зимнему маршрутному учету). Кировский

институт охоты, ВНИИОЗ, оценивал стоимость продукции охотничьего промысла в России в середине 90-х годов в 16—17 трлн руб. (в не деноминированных ценах), включая сюда и стоимость заготовленных грибов, дикорастущих ягод, кедровых орехов (Андреев и др., 1997). Если учесть, что цены за перестроенный период возросли в среднем в 15—16 тысяч раз, то мы имеем оценку в 1 млрд руб. в ценах 70-х годов. Ручаться за достоверность данного показателя трудно, но очевидно, что роста добычи и закупок собственно охотничьей продукции не происходит.

У нас — что очень печально — отсутствуют данные о стоимости товаров, закупаемых и потребляемых нашими охотниками- (и рыболовами) любителями для подготовки и осуществления своей деятельности. Возможно, это миллиард или несколько миллиардов рублей, но, конечно, не 58 с лишним миллиардов долларов, как в США.

Имеющиеся в нашем распоряжении прямые и косвенные экономические показатели позволяют лишь с уверенностью судить о том, что вложения американцев в охотничье хозяйство и получаемые ими от него доходы на несколько порядков выше, чем у россиян, и дают основания для первичного анализа причин этого явления. В дальнейшем этот анализ может быть продолжен, дифференцирован и углублен.

Таблица 1

УЧАСТИКИ РЕКРЕАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ В США,
СВЯЗАННОЙ С ДИКОЙ ПРИРОДОЙ (в тысячах)
(Statistical Abstracts,... 1998)

Участники	Число	Человеко-дней	Выходов	Участники	Число	Человеко-дней
Всего спортсменов	39 694	882 569	729 495	Наблюдателей за животными	62 868	(X)
Всего рыболовов	35 246	625 893	506 557	Не местных	23 652	313 790
В пресных водах	29 734	515 115	420 010	Наблюдателей	22 878	278 683
В Великих озерах	2 039	20 095	17 195	Фотографов	12 038	79 342
В соленых водах	9 438	103 034	86 547	Кормящих животных	9 976	89 606
Всего охотников	13 975	256 676	222 938	Местных	60 751	(X)
На крупную дичь	11 288	153 784	113 971	Наблюдателей	44 063	(X)
На мелкую дичь	6 945	75 117	63 744	Фотографов	16 021	(X)
На мигрирующих птиц	3 073	26 501	22 509	Кормящих птиц	54 122	(X)
На других животных	1 521	24 522	22 714	Посетителей общественных парков	11 011	(X)
				Поддерживающих естественные сообщества	13 041	(X)

Примечания. 1. Показатели относятся к лицам в возрасте 16 лет и старше.

2. Использованы данные выборочных опросов за 1996 год

Небольшая лесная речка на юге штата Джорджия, заселенная бобрами

Причины американских преимуществ

1. Природные параметры. Зоогеографы относят Северную Америку к Неоарктической области Голарктики. Подчеркивается огромное фаунистическое сходство Палеоарктической (Евразия) и Неоарктической областей.

Большая широтная протяженность с неизбежностью предопределяет значительное разнообразие природных условий Северной Америки. В ней представлены все природно-географические зоны, от ледяных арктических пустынь до тропиков. Прибрежные территории континента имеют довольно мягкий морской климат; во внутренних частях, за громадной стеной гор, климат приобретает континентальный характер. В этом отношении мы имеем большое сходство между двумя континентами.

Но вот о чем всегда надо помнить, сравнивая природу и охотничьи хозяйства североамериканского континента с таковыми же на евразиатском континенте. Под влиянием холодного Лабрадорского течения арктический климат Канады проникает до широт, на которых в России расположена Москва; границы тундр здесь проходят южнее, чем в Европе и Сибири. Но в целом Северная Америка сдвинута к югу в сравнении с Евразией. Большая часть ее подвержена влиянию теплых морских течений, имеет более мягкий климат, чем лежащие на тех же широтах местности Евразии. Степень континентальности глубинных районов двух материков несравнима; не случайно Полюс холода находится в Якутии, а не на Аляске. Богатые черноземы простираются в Северной Америке почти до границ тундр.

Вот сравнительная характеристика почвенно-климатических условий бывшего СССР и США, имеющих важное

продуктивность охотничьих угодий, предопределяют значительное видовое разнообразие, высокую численность и быстрый прирост (восстановление) популяций многих видов охотничьих зверей и птиц. Правда, при сравнениях полезно помнить, что площадь США почти в два раза меньше площади России.

Характер охотничьих угодий. Из экологии хорошо известно, что биологическая продуктивность охотничьих угодий определяется не только перечисленными выше параметрами, но и такими важными характеристиками, как состав, обилие и доступность кормов, обеспеченность водопоями, наличие хороших жилищ и надежных убежищ, численность врагов и конкурентов, эпизоотическая обстановка и др. Эти факторы могут влиять на популяции зверей и птиц совместно, но при сильной выраженности даже один из них, например отсутствие (пересыхание) водоемов, способен нанести непоправимый ущерб, не компенсируемый иными достоинствами угодий. Существует, однако, интегральный показатель, как бы суммирующий все естественные свойства местообитаний животных. Это — **экологическая мозаика ландшафта**.

Что приходится видеть экологу или охотоведу под крылом самолета, пролетающего над полевыми угодьями центральных и южных регионов США? Прячущую мозаику из относительно небольших участков полей, множество водоемов, также не крупных, вписывающихся в ландшафт, куртины лесков и кустарников, облесенные берега

ЗАТРАТЫ В США В 1996 ГОДУ НА РАЗЛИЧНЫЕ ФОРМЫ РЕКРЕАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ, СВЯЗАННОЙ С ДИКОЙ ПРИРОДОЙ
(Statistical Abstracts,.. 1998)

Таблица 2

Тип затрат	Рыболовство			Охота			Наблюдения		
	Затраты млн долл.	Расходователи		Затраты млн долл	Расходователи		Затраты млн долл	Расходователи	
Число (1000)	(%)		Число (1000)	(%)		Число (1000)	(%)		
Всего	37 797	34002	96	20613	13769	99	29228	52729	84
Еда и ночлег	5990	28452	81	2512	11073	79	5352	17922	76
Еда	4256	28267	80	2078	11060	79	3447	17761	75
Ночлег	1734	8020	23	434	1909	14	1905	6783	29
Переезды	3730	28741	82	1780	12022	86	2943	20260	86
Обществ.	559	1780	5	145	479	3	811	2229	9
Частные	3171	28382	81	1634	11926	85	2132	19863	84
Другие затраты на выезды	5661	28398	81	864	4378	31	1150	9340	39
Спортивн. снаряжение	5309	24726	70	5519	11278	81	8230	47355	75
Вспомогат. снаряжение	1037	6006	17	1233	5730	41	858	4763	8
Специальное оснащение	12828	3599	10	4521	805	6	7564	1094	2
Другие затраты	3242	24944	71	4185	12471	89	3132	23827	40

рек и ручьев; ни одной прямой линии, кроме автомобильных дорог, также старающихся втиснуться в изгибы местности!

Что видим мы, пролетая над плодородными равнинами нашего Черноземья? Прямоугольные контуры крупных полей, разделенных узкими открытыми межами, редкие обширные пруды с большой испаряющей поверхностью, преимущественно обезлесенные берега полевых ручьев и речек с явно эродированными участками. Контраст с американскими картинами удивительный...

Даже не искушенный человек скажет, что экологическая мозаика во многих регионах США гораздо четче, чем в сельскохозяйственных угодьях России, и что она наверняка обеспечивает диким животным лучшие условия жизни.

До 20—30-х годов прошлого столетия полевые ландшафты России и США были более или менее сходными и обеспечивали охотниччьим зверям и птицам относительно сходные условия обитания. Не случайно мы встречаем в охотничьей литературе того периода описание обилия серых куропаток и перепелов в российских полях, нашествий зайцев-русаков, вспышек численности волков и лисиц и т. д. Максимальные заготовки шкурок зверей, связанных с открытыми и опушечными ландшафтами: зайца-русака, лисицы, сурка, суслика обыкновенного, суслика-песчаника, хомяка, хоря светлого, — приходятся именно на эти годы (Пилитович, Правоторов, Дёжкин, 1971). Эти факты свидетельствуют о довольно высокой биологической продуктивности полевых охотничьих угодий России в прошлом.

С начала-середины 30-х годов наши пути резко разошлись. В США после страшных пыльных бурь 1934 года и создания Службы почв началась интенсивная многолетняя работа по восстановлению и сохранению почвенного покрова. Она велась на комплексной основе и предусматривала также заботу о растительности и животном мире. Фермеры получали рекомендации, учитывающие качество и производительность имевшихся на фермах почв и способствующие формированию микро- и мезомозаики угодий. Например, участок фермы, не обладавший высокопроизводительными землями, не рекомендовалось засевать трудоемкими зерновыми культурами, которые в этих условиях не окупали себя. Его оставляли под корнеплоды, под пастище и даже под залежь. Рекомендации учитывали особенности и потребности сельского, лесного, водного, рыбного, охотничьего хозяйств и рекреации. Фермер из узкого производителя сельхозпродукции превращался в комплексного природопользователя, обладавшего набором соответствующих угодий.

Окончание следует

Фото автора

Вологодская областная универсальная научная библиотека

www.booksite.ru

Курьезы охотничьей жизни

Шутник

Памир, 1977 г. Долина реки.
Б. Н. Кордоватов с двадцаткой на кекликов

Август. Жара, усиливаемая за счет раскаленных на солнце подступающих к воде барханов. Мы втроем в одних плавках идем вдоль берега реки Сары-Суу. Трое других возятся с неводом в речке. Когда стали выводить его на мелководье, из него вдруг выскакивает и, извиваясь, ползет по сырому песку не то рыба, не то змея. Величиной с локоть, удлиненное серое туловище с узором и уплощенной, как у змеи, головой, но с хвостом как у рыбы. Мы гурьбой кидаемся на это, пытаемся поймать, но оно постоянно ускользает из наших рук. Когда все же удалось поймать, мы нагнулись к этому чуду-юду, пытаясь рассмотреть поближе. Оно вдруг дернулось, широко разинуло пасть, утыканную множеством острых зубов, и по-змеиному зашипело. Это было неожиданно, мы непроизвольно отпрянули, а державший ее испуганно отбросил. Чудо-юдо, извиваясь, тут же уползло в воду.

За нашей спиной раздался саркастический хохот одного из рыбаков:

— Чего дергаетесь? Не бойтесь, некусается, это же рыба, змееголовка. Что, никогда такой не видели?

Рыба или нет, а в первый раз все равно неприятно, мы засмутились. Под впечатлением неожиданного испуга, смеясь над собой, идем дальше. Двое по пояс в воде по-прежнему тянут невод, третий, что смеялся над нами, идет впереди, держа сумку с пойманной рыбой. Вдруг он замечает змею, уползающую в куст саксаульника. Не долго думая, хватает ее за хвост и сходит бросает в нашу сторону.

Мы не успели ничего понять, как, описав в воздухе дугу, с глухим шлепком змея падает на шею идущему с нами главному инженеру участка. Обвив его шею и приподняв переднюю часть туловища, она замаячила у него перед носом, высунув язык. Мы все остолбенели. Замер и он, кровь отхлынула от его лица, придав ему мертвейкий бледный вид.

В моей голове завертелась мысль: «Сейчас она его тяпнет! Укус в область лица и шею самый опасный. В автомобильной аптечке кроме угольных таблеток и йода ничего нет. Жгут на шею не наложишь и яд вряд ли отсосешь. До ближайшей больницы по пескам километров двести. Все, пропал мужик! Что же я тут с ним делать буду? А ведь что случись, все равно скажут: что ты за доктор, был рядом и не помог...»

Но услышав, возможно, вопль моей души, змея вдруг, развернувшись, сползла по его груди и животу на песок и ринулась в ближайший куст. Тут мы разом все словно проснулись. Кинулись к товарищу расспрашивать, осматривать, ощупывать. Слава Богу, он отделался только испугом. Убедившись, что все обошлось, накинулись на шутника. До рукоприкладства, правда, дело не дошло, но по русскому обычью матерков ему и всем его родственникам по седьмое колено навтыкали.

Виновнику ничего не оставалось, как только, разводя руками, оправдываться:

— Да ничего такого не хотел я, просто решил пошутить, попугать вас, змея-то не ядовитая.

— Дурак ты, и шутки твои дурацкие. Это же надо додуматься, кинуть змею начальству на шею. Да за такое в былье времена к стенке ставили...

Б. КОРДОВАТОВ
г. Тольятти

Поистине это огромное счастье — охотиться на Руси. Для охотников нашей страны, исходивших не одну сотню километров по полям, лесам, болотам, горам, познавших все премудрости русской охоты, побывавших на облавных охотах, на токах, по зайцу и лисице с гончими, на гусиных перелетах, на селезнях с подсадной, на вальдшнепиних тягах и т.д., это и есть истинная жизнь, которую они никогда ни на что не променяют, которая остается с ними до конца их дней.

Охота исцеляет нас от недугов, отвлекает от страданий и одиночества, заставляет жить и радоваться жизни. Нет больше нигде такой охоты, такого леса, такой березки, таких пахучих ельников, как в России.

Уважаемая редакция! Я так рад, что снова выписываю наш дорогой журнал, что опять купил себе ТОЗ-34, с которым охочусь с 1980 года, что вернулся в Россию, в свой родной лес, что не могу не написать вам об этом, не могу не поделиться этой радостью с другими охотниками.

Охочусь я уже 25 лет, но последние два года жил с семьей в Баварии (Германия), куда я выехал на постоянное место жительства. До отъезда работал егерем в Полянском охотничьем хозяйстве Калининградской области. Приходилось много охотиться в Казахстане, Карелии, в Ленинградской области, на Урале и, конечно, присутствовать на охотах в Баварии.

За границей меня никогда не покидали мысли о русской охоте, я не мог нигде найти себе места, не мог спать по ночам. В Баварии у меня была неплохая работа, я ходил с местными охотниками на охоту с вышки, готовился сдавать экзамен на охотника. Каждый вечер и выходной я, как мальчишка,

бегал во все оружейные магазины, по выставкам и охотничим мастерским, подолгу беседовал с местными охотниками (я владею немецким).

Баварские охотники меня буквально засидали книгами, журналами, видеокассетами об охоте, они много рассказывали о русской охоте, мне пришлось с ними построить множество вышек, ведь, как известно, в Германии основная охота производится с вышек. И при всем этом я не смог жить без России. И пусть простит меня старшая дочь, которая осталась там, пусть простят меня родственники, но я вернулся... пусть в бедную, как многие считают, но родную страну.

Владимир ЛЯХ
Калининская обл.

ряд по стендовой стрельбе, неоднократно был призером и чемпионом на областных соревнованиях (Свердловская обл.) по охотничему биатлону.

Пригласили его как-то помочь отстрелять кабана. У него были отличные зверевые лайки, на охоте они быстро нашли кабанов и стали работать, а папа начал подкрадываться. Из-за плохой видимости в камышах он пошел почти вплотную. Кабан с собакой кружились волчком. Стрелять зверя было нельзя, так как собаки плотно на него насыли. Тогда отец бросил карабин и, подскочив к кабану, ударил его ножом и сразу отскочил. Собаки, почувствовав кровь, совсем озверели, и через две-три минуты кабан был готов.

все охотники бывшего СССР, ваши бывшие и настоящие читатели, будут отмечать 50-летний юбилей нашего любимого журнала. За эти годы он стал действительно массовым изданием. В 1984 г. его тираж составлял 740 тыс. экз., а были годы и более высоких показателей.

Мы, читатели, вместе с ним выросли, а многие и состарились. По журналу мы учились азам охотничьего ремесла, изучали охотничье хозяйство и промысел, научные достижения, проблемы охраны природы, собаководство, оружие и снаряжение. Много счастливых минут для души дали нам литературные страницы, проза и поэзия корифеев охотничьей литературы и пробующих перо.

Конечно, потрясения в обществе не обошли журнал стороной. С распадом Союза издание потеряло десятки тысяч подписчиков и читателей. Однако журнал остался авторитетным, массовым, любимым изданием. Он сохранил свой объем, стал более красочным, богатым цветными иллюстрациями, вполне современным. Одним словом, журнал продолжает жить и творить с новой силой.

Мы, ваши читатели — охотники и любители природы, молодежь и люди преклонного возраста, — любим журнал, мечтаем о том времени, когда жизнь наша будет более обеспеченной и не придется нескольким семьям сбрасываться на подпиську и читать по очереди. И тогда тираж вновь начнет стремительно подниматься.

Н. ТИМОШЕНКО
Нижегородская обл.

Здравствуйте, уважаемая редакция! Мы с отцом — Вахловым Андреем Аркадьевичем — постоянно читаем ваш журнал. Хочу немного рассказать о нем. Он — охотник с 22-летним стажем, за эти годы приобрел большой опыт и уважение среди охотников. Любовь к природе и охоте он прививал мне с самого детства.

Наш самый любимый праздник — это открытие охоты. Отец — прекрасный стрелок, имеет первый раз-

Товарищи по охоте долго удивлялись такому поступку. Вот такой у меня отец! Посылаю нашу с ним фотографию. В апреле мы отпраздновали его 40-летие. Поместите, пожалуйста, мое письмо и фотографию на страницах вашего журнала.

С. ВАХЛОВ
Свердловская обл.

Уважаемая редакция журнала «Охота и охотничье хозяйство»! В октябре 2005 года

В последние годы отмечается волчье засилье в степях Калмыкии и Ставропольского края. Специалисты уверяют, что волки переселились из беспокойных лесных предгорий Чечни и Дагестана, здесь прижились и успешно размножаются. Излюбленные уголки их пребывания — это удаленные от человеческого жилья густые непролазные лесополосы, буряные и камышовые заросли низин, каналов, бывших водоемов, дренажей,

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

заброшенные сады, а летом они укрываются на полях сорго, суданки, подсолнечника и кукурузы.

Волки — бесстрашные хищники, нападающие на все виды крупных и мелких домашних и диких животных, причем убивают они значительно больше, чем могут съесть. Однажды я был невольным свидетелем их ночного визита в отару овец.

Будучи на утиной охоте, я заночевал у чабанов и на расвете услышал во дворе волчий вой. Когда мы вышли к отаре, картина была ужасающая — больше двух десятков зарезанных овец, и только возле двух туш звери пировали.

Эта жестокая алчность особенно проявляется у них во время обучения охоте подрастающих волчат. С бесчинствами серых разбойников сталкиваются чабаны почти повсеместно от дальних пастбищ Хут-Хура до побережий озера Маныч-Гудило. Объектами своих дерзких нападений волки выбирают овец, как наиболее доступных животных, ведь сторожевые собаки им не помеха.

Волчий разгул в охотничьих угодьях привел к снижению количества диких кабанов. Учитывая причиняемый вред, охотники района активно проводят облавы и уничтожение незваных гостей из леса. За последние три года было истреблено 79 хищников. А сколько их еще осталось?

В. ИВАШИНА
Ставропольский кр.

Как известно, среди охотников есть охотники-собачники и охотники-бессобачники. Одни предпочитают охоту без собак, даже если таковые имеются. Для других выстрел и добыча играют не такую важную роль, как хорошая работа собаки. Это и понятно, ведь в ее выращивание, обучение, воспитание вложен огромный труд. Они очень гордятся своими помощниками, и, если хочешь обидеть охотника, поссориться с ним, отзовись плохо о его собаке.

Одним из наиболее заметных представителей этого племени охотников в нашем

районе является Геннадий Васильевич Колпащиков. Более 25 лет он увлеченно занимается охотничими собаками: выращивает, воспитывает, разводит и охотится. Он — неизменный участник всех районных выставок, испытаний, областных и межобластных состязаний охотничьих собак. Его русско-европейская лайка Султан представляла нашу область на шестой Всероссийской выставке, а Уран участвовал на седьмой в Ленинграде. Им выращены две собаки класса «элита» и несколько первого племенного класса, большинство его собак записаны во Всероссийскую родословную книгу.

В. ПОПОВ, г. Орлов

Г. В. Колпащиков с Мартой на состязаниях в Пермской области. В шляпе — эксперт М. П. Павлов, вдали — Е. К. Чекулиев

Каталог «ВСЕГДА С ПРИРОДОЙ»

Товары для охоты, рыбалки и туризма

Цены минимальные

Каталог высыпается бесплатно
(вложите подписанный конверт)

117513 Москва В-513, а/я 66 Тел (095) 724-62-13

ООО "Т-Комплект"-
- все для таксiderмии:

- Собственное производство современных пенопластовых манекенов зверей, птиц и рыб. Лицензионный выпуск американских манекенов.
- Большой ассортимент искусственных глаз: стеклянные немецкие KL Glasauen, пластиковые Europe Eyes (Дания), эксклюзивные светоотражающие глаза
- Необходимые таксiderмические препараты: шпатлевка, краски, антимоли и т.д. от ведущих мировых производителей

По Вашей заявке отправим Вам бесплатный каталог наших изделий! Товары высыпаются почтой.

Тел./факс: (812) 560-5979, тел.: (095) 787-0725, e-mail: t-komplekt@inbox.ru
192148, г.Санкт-Петербург, а/я 13

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Собачки подвели

На открытие осенней охоты мы с приятелем Юрием Александровичем решили поехать в район г. Конаково на острова и заливы Волги к знакомому егерю. У моего компаньона были две спаниельки с отличными родословными, которых мы вместе натаскали, руководствуясь литературными источниками. Собачки заработали, и очень даже прилично, по болотной, луговой и боровой дичи. И еще у Юрия Александровича была двухместная разборная байдарка. Хотя собирать ее было довольно муторным и кропотливым занятием, она делала нас независимыми в поездках на воде, где было много утки.

Охота должна была открыться в субботу. Утром мы выехали из Москвы и, преодолев страшно раздолбанный участок дороги в Конаково и около него, часа через три подъехали к маленькой деревушке на берегу Волги, где жил наш знакомый егерь Павел. Мы были здесь не в первый раз — потрясающие просторы великой русской реки, сплошь усеянные островками и островами, поросшими ивами и камышом, и обилие в те времена дичи нас покорили сразу и надолго. Вылезли из машины, выпустили собак, вдохнули чистейшего воздуха, огляделись вокруг — красотища! А тут и Павел вышел из дома. Обнялись, потискали друг друга, похлопали по спине. «Я был уверен, что вы приедете, и очень ждал. Дичина есть, особенно много утки, а охотников у меня других нет и не будет, добираться до нас тяжко, дорога сами видели какая, как вы-то еще доехали, просто удивляюсь. Решите, где ночевать будете — в избе или на сеновале в сарае на берегу Волги, только что его свежим сеном набил — духовито!» — сказал егерь. Мы предложили отметить встречу и во время беседы рассказали Павлу о своих планах на охоту с использованием байдарки и спаниелек. На байдарке мы поплаваем по камышам вдоль островов — уток погоняем, а потом с собачками болотистые берега прочешем — бекасов, дупелей и коростелей поищем. Павел наши соображения одобрил, а на вечернюю зорьку предложил свой план: «Хотел я вам свою лодку отдать для охоты, но уж больно она здорована — сено на ней с островов вывозим, плавать на ней тяжеловато, но раз есть байдарка, собирайте ее и на ней за полчасика до островка куки доберетесь, он метрах в 30 от берега, в протоке между островом и берегом. Один он, сразу увидите. На зорьках прямо над ним утки летят. Залпывете в кугу, замаскируетесь и хорошо постреляете — отведете душу». Предложение егеря понравилось, и мы занялись подготовкой к охоте: байдарку собрали, снаряжение охотничье проверили, патронташ патронами набили, постели в сарае на сене устроили, чтобы в темноте не возиться. Поскольку все было приготовлено, решили проверить, как мы разместимся в байдарке с двумя шустрыми спаниельками и удастся ли нормально плыть. Загрузились и попробовали. Оказалось — не комфортно. Всем было тесно, собачки волновались, лезли к нам, байдарка раскачивалась и норовила перевернуться... Помахали мы веслами, проплыли вдоль берега метров 200 и поняли, что так дело не пойдет. Павел, наблюдавший за нами, стал кричать, чтобы мы взяли его здоровущую лодку, она уж точно не перевернется, хоть целую стаю псов в нее посади. Но мы видели размеры дредноута и даже не могли сообразить, сколько времени нам потребуется, чтобы на нем добраться до островка.

Тогда я предложил другой вариант. Юрий Александрович идет с собаками пешком, по дороге охотится, а я плыву на байдарке, и у островка встречаемся. Пока я махал веслами, оплывая мыс, приятель несколько раз пальнул — спаниельки что-то сработали. Как выяснилось при встрече — дупеля и двух коростелей, которых Юрий Александрович сбил. Мы провели короткое совещание. ПРИЯТЕЛЬ категорично заявил: «Собак оставляем на берегу, нало-

маем и постелим им камыш, поскольку берег очень топкий. В байдарку брать не будем, уж очень они беспокойные, не привыкли еще к байдарке». Сделали все, как задумали. Настелили камыша, хозяин посадил собак на подстилку и скомандовал: «Лежать! Команду выполнили, но с очень большой неохотой. Мы погрузились в байдарку, с ходу загнали ее в кугу, убедились, что стоим довольно устойчиво, замаскировались и определили каждый сектор обстрела, ведь нас двое, а безопасность на охоте превыше всего. Я веслом измерил глубину — чуть больше метра. Зарядили ружья и замерли...

Наступил тот необыкновенно приятный миг, когда точно знаешь, что дичь будет и надо только ее вовремя увидеть, поэтому чувства и нервы охотника напряжены до предела. Глаза обшаривают темнеющие дали, а уши, помоему, здорово увеличиваются в размерах, чтобы не пропустить желанный свист утиных крыльев... ПРИЯТЕЛЬ периодически поворачивался к спаниелькам и грозным голосом повторял команду «лежать». Пока все нормально, собачки слушаются. Но вот где-то далеко-далеко стукнул выстрел, потом подряд три. Похоже, начинается! Сердце заколотилось, руки крепко сжали ружье, большой палец на предохранителе, чутко приподнимаясь на коленях... Неожиданно байдарка резко качнулась, потом еще раз, сильнее. Успеваю повернуть голову и вижу спаниелек, которые, покинув берег, подплыли тихо и карабкаются через борт в лодку. Больше ничего заметить не успеваю, так как лечу спиной в кугу и, соответственно, в воду. Руку с ружьем задираю машинально вверх — вода накрывает меня с головой. Нащулаю ногами дно, выпрямляюсь, выныриваю и смотрю, где же приятель. Он тоже выныривает, отплевывается — видик еще тот, да и у меня, думаю, не лучше. Стоим по пояс в воде, все в каких-то длинных водорослях, рядом плавают любимые собачки. Байдарка не полностью залита, хватаем ее за борта и буксируем к берегу, еле передвигая ноги — сапоги полны воды. Выволакиваем лодку на берег, следом вылезают спаниельки. Сразу понимаем — долгожданная зорька накрылась. Осмотриваем патроны в патронташах — намокли и набухли, в стволы не лезут, так как гильзы были картонные, концы развернулись. Остались только два патрона в моем ружье, которое при падении поднял вверх. А тут пошла утка, и все над островком — стаи, стаи, одиночки... Переворачиваем байдарку, выливаем воду, я плюхаюсь в нее, доплываю до островка с двумя патронами и из первой же стаи выбиваю пару крякx. На этом моя огневая мощь иссякла, подбираю уток и плыву к берегу. На сегодня охота кончилась. А утки, и все крякx, летят и летят, громко крякая и посвистывая крыльями...

Л. ЮРАШЕВ

Чихай ширму обойдет

В этот тихий августовский вечер пойнтер Леонида Викторовича Крушинского вторую стойку сделал у края куртины почти на берегу Волги. Подошедший хозяин увидел, что из-под самого носа пса выбежал молодой тетерев и, вытянув шею, заспешил под кусты. Собака не бросилась за ним, а, обогнув гряду, перехватила беглеца и снова замерла, как изваяние, почти над ним. Целесообразность действий пойнтера невозможно было оспаривать: он, предвидя путь движения птицы, бросился наперерез и опередил ее. «С этого момента, — пишет Леонид Викторович, — я задумался над тем, что такое элементарно-рассудочная деятельность у животных».

Размышляя, ученый пришел к выводу, что способность к экстраполяции — одна из характерных и существенных особенностей рассудочных действий. Уловив простейшие законы, лежащие в основе изменения среды, животное предусматривает ее вероятные изменения в будущем и в соответствии с этим строит программу поведения. А

НА ПРИВАЛЕ

нельзя ли эту элементарную рассудительность изучать опытным путем?

Вернувшись в Москву, Леонид Викторович в своей университетской лаборатории на Воробьевых горах скородил вместо гряды кустов деревянную ширму с воротцами посередине, а вместо тетерева поставил кормушку с кором и показал ее через воротца приведенному псу, а потом дал команду лаборанту, сидевшему поодаль, тянуть за нитку, привязанную к кормушке. Пойнтер, увидев «убегающий» корм, не стал продираться сквозь слишком узкие воротца, не заметился в сомнении, а побежал вдоль ширмы в сторону движения кормушки, обогнул ее и, встретив приблизившуюся еду, с удовольствием слопал. В общем, смекнул, как надо действовать, чтобы достичь успеха не только там, на естественном приволье, но и в каменном мешке храма науки.

Это был счастливейший день для доктора биологических наук Крушинского: он придумал объективный способ изучения рассудочной деятельности у животных. Началась исследовательская работа. Подшлифовав и чуть усложнив методику, стали подводить к ширме не только собак, но и кроликов, ворон, голубей, кур, черепах, ящериц и прочую живность. Твари, что поглупей, при виде удаляющегося корма нерешительно топтались на месте, или шли не в ту сторону, или бежали в правильном направлении, но не догадывались обогнуть ширму, чтобы встретить кормушку. Толковые же вели себя подобно первопроходцу

пioneeru. По количеству правильных и неправильных решений задачи судили об уровне смылености животины. Крушинский оброс лаборантами и аспирантами, терпеливо копошившимися у ширмы, написал много статей и толстую книгу, отился от нападок скептиков и стал членом-корреспондентом Академии Наук.

На экзамене по философии один из студентов охото-ведического факультета несколько озадачил преподавателя, заявив, что именно собака вывела человека в люди. Логическое обоснование тезиса он свил в следующую цепочку: «Я согласен с Энгельсом, что труд создал человека. А какой труд у первобытного человека? Конечно, охота! А какая охота без собаки (без нее она редко бывает удачной), поэтому завел неандертальца собаку. Дела пошли лучше, увеличилась производительность труда на охоте. Значит, собака и вывела нашего общего дедушку в люди».

Применительно к Л. В. Крушинскому можно сказать, что пойнтер вывел его в академики. Но это, конечно, шутка. Наверное, сотни, тысячи охотников-легашатников наблюдали, как их умные псы бежали наперерез убегающему тетереву, коростелю и бекасу, но только Леонид Викторович сообразил, что этим фактом природа приоткрывает щелочку в таинственной ширме, которой закрыта величайшая загадка мира, венец творения — Умственная Деятельность Живых Существ.

С. КОРЫТИН

ФОТО НА КОНКУРС

Зима полностью вступила в свои права. Затихла заснеженная тайга, только стук дятла да щелчок озябшего дерева нарушают тишину. Прекрасна тайга в это время года! Оказавшись наедине с этой суровой красотой, глянешь с какой-нибудь вершины на сверкающую белизну таёжной дали и почувствуешь себя счастливым

Фотоконкурс «Охота и природа, 2004»

Фото Д. ШЛЁНСКОГО
Красноярский кр.,

АСТАФЬЕВ Н. Без руля и без ветрил	1
ЧЕРНЫШЕВ В. Завидный путь охотоведа	2
СЕВАСТЬЯНОВ А. Лесные труженики	4
КУЧЕРЕНКО С. Амурский тигр	6
ДАНИЛКИН А. Охотничьи фермы: проблемы становления	10
БУТАКОВ Г. Спасибо, Дед!	12
ГОРШУНОВ М. Охота на серых китов	14
СОНИН И. Высыпки вальдшнепа	16
БОБРОВ Р. Не прибыtkу ради, но и утеху себе творяще	19
СЕРЕДКИН И. Медведь выходит на рыбалку	20
ГИБЕТ Л. Особенности воспитания щенков разных пород	22
ПОЛИН В. Наш Дикуня	24
ФОМИНА Н. Хороший человек (памяти С. В. Маркова)	27
БЛЮМ М. Оружие и патроны на боровую дичь	28
ИЖКО В. Феерия осени	30
ГЕВЕЛЬ С. Шурка	34
ГОРЯШКО А. Детские и взрослые сказки семьи Бианки	37
ДЁЖКИН В. Охотничье хозяйство Северной Америки и российские реалии: обоснованность сопоставлений	39
Письма читателей	40
На привале	44
Реклама	46
	18, 45

На первой странице обложки:

«Нет ни одной другой охоты, кроме псовой, которая бы давала такой простор страсти и увлечению, которая бы заключала в себе столько поэзии, прелести и вместе с этим, настолько бы приносила пользы общественной»

П. М. Губин. Полное руководство по псовой охоте. 1906
Фото В. Животченко

На второй странице обложки:

Медведь выходит на рыбалку

К фотоочерку И. Серёдкина
Фотоконкурс «Природа и охота, 2003»

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

М. М. Блюм, М. В. Булгаков, Г. В. Висящев, Т. А. Волжина (ответственный секретарь), Л. А. Гибет, В. В. Дёжкин, Р. В. Дормидонтов, А. М. Лаврова, В. Г. Сафонов, К. П. Савельева, А. А. Севастьянов, А. А. Улитин, В. Б. Чернышев, В. С. Шишкун

Зав. отделом писем И. И. Полосухина

Художник Т. В. Баженов

Художественный редактор М. Л. Кнерцер

Корректор Л. Н. Иконникова

Фотокорреспонденты:

А. Ф. Дигилевич, В. И. Животченко, А. А. Севастьянов

Сдано в набор 25.06.2004 г. Подписано к печати 02.08.2004 г.

Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 5,04. Тираж 29340 экз. Заказ 646. Цена 30 руб.

Адрес редакции: 107996, ГСП-6, Москва, Б-78,

Садовая-Спасская ул., 18

Тел.: 207-24-05, 207-20-91

Ордена Трудового Красного Знамени

ОАО «Чеховский полиграфический комбинат»

142300, г. Чехов Московской области

Тел. (272) 71-336 Факс (272) 62-536

В случае обнаружения полиграфического брака

обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии

Зарегистрирован Государственным комитетом по печати

12.10.90 № 452

ВЕСЛОНОГИЕ

Читатели, следящие за страницами нашего Атласа, заметили, что мы проводим описание не только гнездящихся в России птиц, но и отмечаем залетные виды. Иногда такие залеты становятся предвестниками последующего вселения (гнездования) некоторых новых для нашей орнитофауны пернатых. Так, мы не успели указать на обнаружение в конце 90-х гг. ушедшего века колонии желтоклювой цапли на о. Фургельма. В нашем обзоре отряда Аистообразных (№ 1–12, 2003) эта цапля числилась как залетный вид. Одним из ярких примеров недавнего расселения и гнездования на российской территории стала северная олуша — представитель отряда веслоногих. Основные места размножения этого вида типичных морских птиц — Северная Атлантика, где на островах и удобных участках побережий северная олуша образует многочисленные колонии. В 40-х гг. прошлого века она загнездилась в Норвегии. В 1996 г. несколько гнезд северной олуши были обнаружены на Семи островах (Кандалакшский заповедник). Залеты же олуш отмечали вплоть до Северного Урала.

Северная олуша — довольно крупная птица (вес до 3,5 кг, размах крыльев до 1,7 м). У взрослой птицы доминирующий в оперении цвет белый. Концы узких длинных крыльев черные. На голове золотисто-охристый налет. Лапы темно-серые. Клюв заостренный, светло-серый, кожа у основания черная. Радужина светлая, вокруг глаз светло-серое кольцо. Самцы и самки сходны по окраске. Молодые — бурье с мелкими светлыми пестринами. До появления окончательного взрослого наряда (в возрасте 5 лет) в оперении неполовозрелых олуш сохраняется заметное число черных перьев. Олуши кормятся преимущественно рыбой. Птицы пируют с большой высоты сложив крылья, с шумом врезаются в воду, погружаясь иногда на несколько десятков метров в глубину. На места гнездования прилетают в марте-апреле. В кладке одно яйцо. В крупных колониях олуши строят свои гнезда на расстоянии до 1 м от соседей. Насиживание около 44 дней, в нем, меняясь, участвуют оба родителя. Пуховик белый с темной лицевой маской. Подлетывать птенцы начинают через три месяца. Аборигены Севера на крупных колониях олуш добывали взрослых птиц и птенцов, собирали яйца. Для российской территории северная олуша — расселяющийся вид, нуждающийся в охране и наблюдении. Случаи гнездования, да и просто появление взрослых олуш восточнее Мурмана, представляют большой научный интерес.

На Дальний Восток к нам залетают еще два вида олуш. Это гнездящиеся в тропиках красногоногая и бурая олуша. Они значительно меньше своей северной родственницы. Бурая олуша весит до 1,5 кг при размахе крыльев около 1,5 м, красногоногая еще меньше (вес до 1 кг, размах около 1 м). Общая окраска бурой олуши темно-бурая, брюхо и часть испода крыла белые, клюв и лапы желтые. У красногоногой олуши есть несколько вариантов окраски взрослых птиц: от почти чисто-белых (черный цвет на части крыла) до однотонно-бурых. При этом лапы всех взрослых красные. Молодые красногоногие олуши похожи окраской на молодых бурых собратьев, ноги желтоватые, клюв сизовато-серый, но у молодых бурых олуш светлое брюхо и они заметно крупнее.

Из залетных дальневосточных веслоногих нельзя не упомянуть представителя семейства фрегатовых — фрегата-ариеля. Как и большинство видов олуш, фрегаты (5 видов) — птицы тропиков. Сравнительно небольшой по размерам фрегат-ариель (700–900 г) окрашен, как все фрегаты, в основном в черный цвет. Крылья длинные, хвост вильчатый. Клюв длинный, с крючком на конце. Перепонки на лапах недоразвиты. У самцов красный горловой мешок, раздувающийся во время тока. От других фрегатов ариель отличается белыми полосами на подмышечных перьях, мелкими размерами. У самок верхняя часть груди белая, белый цвет заходит на бока шеи. Молодые птенцы с красно-коричневой головой. Фрегаты — прекрасные летуны. Они сами и охотятся и «рыбачат», но не прочь и попиратствовать — легко отнимают рыбу у олуш, бурых пеликанов и других морских птиц. Фрегата-ариеля несколько раз видели в различных районах Приморья. Возможны здесь и новые встречи.

В. ШИШКИН

Дорогие друзья!

Подписка на журнал

«Охота и охотничье хозяйство»

на первое полугодие и на весь 2005 год началась! 2005 год для нас юбилейный:
в октябре 2005 года нашему журналу исполняется 50 лет!

«Охота и охотничье хозяйство»

старейшее периодическое издание об охоте, самый почитаемый из всех выходящих у нас охотничьих журналов. В розницу журнал не поступает, чтобы стать его обладателем, нужно оформить подписку.

Авторы журнала - выдающиеся биологи-охотоведы, кинологи, оружеведы, лучшие охотничьи писатели страны, опытнейшие охотники-промышленники и любители.

Любой наш читатель может получить бесплатную консультацию у крупнейшего знатока патронов и оружия М.М. Блюма. В рубрике «Новинки оружия» мы знакомим с новейшими образцами патронов, пуль, нарезных и гладкоствольных ружей. По широте тематического охвата и глубине анализа журнал не имеет конкурентов и, не случайно, публикуемые в нем материалы часто перепечатываются различными сборниками и энциклопедиями.

Собранный за все годы издания, переплетенный в годовые подшивки, журнал воистину бесценен и незаменим. Он один стоит целой охотничьей библиотеки. Несмотря на непрекращающийся рост цен, в том числе на газеты и журналы, наш журнал остается одним из самых недорогих периодических изданий.

Наши подписные индексы по каталогу Роспечати: 70673 на полгода, 72376 на год